

P $\frac{112}{436}$

Р 112
436

Р. 112

Г. Хрущовъ-Сокольниковъ,

ДЖЕКЪ— ТАИСТВЕННЫЙ УБИЙЦА

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ ИЗЪ АНГЛО-РУССКОЙ
ЖИЗНИ.

Типо-литографія
СПБ., Невский

1912.

Т-ва „СВѢТЪ“
проект., д. 136.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2046-96

ПРОЛОГЪ.

I.

Канашечка.

ПРОНИКЕРЪ многихъ столичныхъ газетъ и главный поставщикъ новостей газетки „Листокъ“, Абрамъ Абрамовичъ Шпехеръ сходилъ, слегка покачиваясь, съ широкой чугунной лѣстницы, ведущей изъ швейцарской въ общую залу „Эльдорадо“, одного изъ увеселительныхъ заведеній Петербурга. Время стояло горячее, между новымъ годомъ и масленицею 1880 года; не мудрено, что Абрамъ Абрамовичъ, встрѣтивъ въ семь мѣстъ значномъ нѣсколько пріятелей, возвращался домой въ легкомъ поднятіи и въ самомъ шаловливомъ настроеніи духа.

Онъ былъ не дурень собой, а сложеніемъ напоминалъ Гerkу-леса, что довольно рѣдко въ нашъ тщедушный вѣкъ. Не мудрено, что многіе изъ „этихъ дамъ“ удостаивали его своей симпатіей, хотя финансы Абрама Абрамовича всегда были въ плачевномъ состояніи—„отъ скупости издателя“, какъ онъ всегда жаловался, вѣрнѣе, отъ безалаберности самого Абрама Абрамовича.

Теперь, спускаясь съ лѣстницы, Шпехеръ фальшиво напѣвалъ какую-то гривуазную шансонетку, мысленно соображая, какую бы изъ „плутовочекъ-канашечекъ“ осчастливить своимъ визитомъ. Хотя часъ былъ уже очень поздній, но Абрамъ Абрамовичъ, зная, что онъ всегда будетъ желаннымъ гостемъ, не стѣснялся съ „канашечками“. Этимъ именемъ онъ звалъ своихъ добрыхъ фей.

— Разумѣется, къ Фимочкѣ! — произнесъ онъ довольно внятно.

так что швейцаръ, подававшій ему шубу, слегка усмѣхнулся.— Къ ней, къ ней, къ ней, прямо къ Любушкѣ моей!—продекламировалъ Шпрехеръ и, миновавъ благополучно Сциллу и Харибду входныхъ дверей, черезъ минуту очутился въ саняхъ и крикнулъ кучеру:

— На Лиговку, домъ № 512-й.

Они покатили.

Въ воображеніи Абрама Абрамовича тотчасъ же предсталъ образъ прелестной Фимочки, съ которой онъ познакомился на одномъ изъ маскарадовъ нѣмецкаго клуба. Это было существо по виду крайне наивное, милое, доброе, но въ глубинѣ души хитрое и въ конецъ испорченное столичнымъ омутомъ. Этого послѣдняго качества не замѣчалъ, да и не могъ замѣтить Шпрехеръ, который гораздо больше интересовался красотой и формами своихъ „канашечекъ“, чѣмъ ихъ нравственными качествами. Фимочка до того сумѣла увлечь довольно таки пожившаго Шпрехера, что онъ послѣ перваго серьезнаго рандеву ходилъ въ какомъ-то экстазѣ нѣсколько дней, но не скоро добился второго. Фимочка отговаривалась ревнивымъ характеромъ своего мужа, боязнью попасться, словомъ, мучила бѣднаго влюбленнаго, какъ настоящая кокетка, и только тогда дала свой адресъ и разрѣшила бывать у нея, когда получила отъ Шпрехера клятвенное обѣщаніе не „ревновать“ и исчезать при первой тревогѣ.

Онъ уже два раза воспользовался позволеніемъ, и сегодня спѣшилъ съ радостной надеждой застать „канашечку“ дома.

Остановившись около воротъ указаннаго дома и расплатившись съ извозчикомъ, Шпрехеръ юркнулъ подъ ворота, и, повернувшись направо, сталъ подниматься по довольно крутой и грязной лѣстницѣ во второй этажъ. У дверей, обитыхъ черной клеенкой съ мѣдными гвоздиками, онъ остановился и привычнымъ жестомъ ощупалъ впадинку подъ звонкомъ. Условленнаго камешка тамъ не было, что означало, что „мужъ“ въ отсутствіи и Фимочка свободна.

Легонько стукнувъ въ дверь и не получая никакого отвѣта, Абрамъ Абрамовичъ тихо взялся за ручку—дверь оказалась не запертой.

Войдя въ переднюю, онъ изъ предосторожности заперъ дверь на крюкъ, зажегъ спичку, запасъ которыхъ постоянно имѣлъ въ карманѣ, и осмотрѣлся. Кромѣ ретонды Фимочки и ея кофточки, отороченной мѣхомъ, на вѣшалкѣ ничего не было.

— Одна, канашечка, должно быть спитъ!—скорѣе подумалъ, чѣмъ сказалъ онъ и тихонько пошелъ знакомой дорогой черезъ залу въ спальню красавицы. Воздухъ и вѣзда освѣжили его отуманенную голову, и онъ теперь совершенно твердо стоялъ на ногахъ. Спичка давно погасла, въ пріемной было довольно темно. Онъ остановился у двери въ спальню и сталъ прислушиваться. Все было тихо, только его собственное дыханіе, да учащенное сердцебіеніе слышалось ему явственно...

— Она никогда не спитъ безъ огня, что же значить эта темнота,—подумалъ онъ, и найдя, при слабомъ свѣтѣ уличнаго фонаря, немного освѣщавшаго часть окна, свѣчу на подзеркальничкѣ, зажегъ ее и осторожно пошелъ въ спальню.

Картина, которая представилась его взорамъ, до того ошеломила его, что онъ нервно вскрикнулъ и уронилъ свѣчу, она погасла, погрузивъ комнату въ абсолютный мракъ...

Остатки хмѣля мигомъ вылетѣли изъ головы Абрама Абрамовича; онъ ощупалъ себѣ голову, чтобы окончательно прійти въ сознаніе, и дрожа всѣмъ тѣломъ, цѣпляясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, какъ сумасшедшій выбѣжалъ въ прихожую, сорвалъ шубу съ вѣшалки и бросился бѣжать по лѣстницѣ, рискуя сломать себѣ шею.

Выскочивъ на дворъ, онъ кинулся къ дворницкой, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ, и сталъ стучать сапогомъ въ замерзшее окно, въ которомъ виднѣлся слабый свѣтъ.

Черезъ минуту, съ ворчаніемъ, изъ входныхъ дверей показалась фигура соннаго дворника и окликнула непрошеннаго посетителя.

— Эй, дворникъ, дворникъ, живѣй, скорѣй за полиціей, у васъ въ 15 номерѣ совершенно убійство... Скорѣй, скорѣй,—кричалъ Шпрехеръ.

— Убійство? А ты почему знаешь?—грубо спросилъ дворникъ, не узнавая Шпрехера, отъ котораго нѣсколько разъ уже получалъ „на чай“.

— Или не узналъ меня... Бѣги, бѣги скорѣе за околоточнымъ... сейчасъ захожу къ барынѣ, въ 15 номерѣ, а она убита!.. Понимаешь, убита, кровь... ужасъ... преступленіе...—зубы Шпрехера стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Что за причта!—проворчалъ дворникъ.—Кажись дѣвица была какъ слѣдуетъ, никакого дебоширства ни-ни... и вдругъ!.. Эй, Васька!—крикнулъ онъ на подручнаго:—добѣги-ка къ Климу Михайловичу, пусть идетъ скорѣй, несчастье молъ случилось, да захвати Голубцова съ угла, а я фонарь зажгу.

Парень убѣжалъ за полиціей, а старшій дворникъ зажегъ фонарь, вышелъ къ Абраму Абрамовичу и, наконецъ, признавши его, началъ разспрашивать о томъ, какъ онъ нашелъ убитую. Но Абрамъ Абрамовичъ былъ до того взволнованъ видѣннымъ, что положительно не могъ ничего объяснить, чѣмъ и возбудилъ нѣкоторое подозрѣніе въ дворникѣ.

Скоро явился околоточный, городской и еще два младшихъ дворника, и вся компанія, подъ предводительствомъ старшаго дворника, несшаго фонарь, направилась по лѣстницѣ къ № 15.

Дойдя до дверей, околоточный въ свою очередь обратился съ вопросомъ къ Шпрехеру, какъ онъ наткнулся на убійство?

Но одно воспоминаніе о видѣнномъ замкнуло, казалось, окончательно уста господина Шпрехера. Онъ въ отвѣтъ сказалъ что-то несурзное.

Въ испуганномъ мозгу его уже давно вставалъ упрекъ себѣ; зачѣмъ не ушелъ изъ квартиры Фимочки тайно, благо его никто не видалъ, и перспектива ложныхъ подозрѣній, косвенныхъ уликъ, слѣдствія, можетъ быть суда, промелькнули передъ нимъ.

Дворникъ, приведя людей въ гостиную, остановился. — Вотъ и фатера, — проговорилъ онъ: — это ихъ паратная комната, тутъ налѣво куфня, а тамъ спальня, — гдѣ же убійство?!

Этотъ вопросъ, казалось, разбудилъ Шпрехера. — Я вошелъ вотъ въ эту дверь, со свѣчей — она тамъ! — онъ указалъ на дверь направо.

— Дай фонарь, — приказалъ околоточный дворнику и, взявъ его, направился къ дверямъ спальни. Всѣ, кромѣ Шпрехера, за нимъ послѣдовали.

Когда красноватый свѣтъ фонаря освѣтилъ комнату, то ни околоточный, ни дворники не могли удержаться отъ инстинктивнаго крика ужаса.

На широкой прекрасной постели, все облитое кровью, лежало тѣло или вѣрнѣе куски тѣла той, которую при жизни звали Фимочкой. Голова была отдѣлена отъ туловища и лежала на фарфоровой тарелкѣ, поставленной передъ большимъ зеркаломъ на туалетѣ. Руки и ноги жертвы были тщательно отрѣзаны и вышелушены въ плечахъ и бедрахъ, а снизу груди, отъ пояса къверху, зияла огромная рана.

Это было не простое убійство, а какая-то адская хирургическая операція. Видимо, убійца не торопился и рѣзалъ съ полнымъ сознаниемъ, что ему никто не помѣшаетъ.

Зрѣлище было ужасно. Дворники инстинктивно сняли шапки и перекрестились; даже самъ околоточный, видѣвшій на своемъ вѣку виды, съ изумлениемъ и ужасомъ смотрѣлъ на несчастную жертву...

Самый поверхностный обзоръ подтвердилъ предположеніе, что это было убійство не изъ-за грабежа. Цѣнныя вещи покойной лежали, въ открытыхъ футлярахъ, тутъ же рядомъ съ ея голошей, вѣроятно во время борьбы, портмоне, съ нѣсколькими крупными ассигнаціями.

Когда первыя минуты ужаса и недоумѣнія прошли, околоточный началъ писать актъ и составлять первое дознаніе. Свѣчи и лампы были зажжены, и остатки тѣла прикрыты до прибытія участковаго слѣдователя и доктора простынею.

Изъ показаній дворниковъ выяснилось, что Фимочка, Евфімія Петровна Качалова, ржевская купеческая дочь, прибыла въ столицу годъ тому назадъ, съ котораго времени и жила у нихъ въ домѣ на Лиговкѣ; знакомыхъ у нея было мало. Нѣсколько времени ее навѣщала одинъ какой-то студентъ не студентъ, телеграфистъ не телеграфистъ, а потомъ и запропала. Затѣмъ въ послѣднее время бывалъ одинъ купецъ изъ рядовъ, очень богатый, по цѣлковому на чай давалъ, да вотъ ихъ благородіе, — дворникъ, дававшій показанія, показалъ на Шпрехера.

— Адресъ студента знаешь? — переспросилъ околоточный.

— Никакъ нѣтъ. Не въ домекъ было...

— А въ глаза узнаешь?

— Грѣха на душу не возьму, много ихъ черезъ ворота ходить... гдѣ тутъ признать.

— А купецъ кто? Гдѣ живетъ?

— Недавно ходилъ къ нимъ съ письмомъ, да только они, почитай три недѣли, какъ на Ирбитскую ярмарку уѣхали.

— А ваше имя и фамилія, господинъ? — продолжалъ околоточный допросъ, обращаясь къ Шпрехеру.

Тотъ вздрогнулъ.

II.

Слѣдствіе.

— Да я-то тутъ при чемъ же? — отозвался довольно-таки перетрусившій Шпрехеръ: — я зашелъ къ знакомой, увидалъ трупъ и бросился заявить дворникамъ...

— Ваше званіе, имя и фамилія? — сурово повторилъ околоточный, начиная пристально вглядываться въ Абрама Абрамовича.

— Я сотрудникъ газеты „Листокъ“... я Шпрехеръ... я извѣстенъ всей полиціи, даже самому генералу... Мнѣ необходимо сію минуту въ редакцію.

— Имя, отчество и мѣстожителство, — повторилъ полицейскій. Волненіе Шпрехера начинало возбуждать въ немъ все большее и большее подозрѣніе.

— Абрамъ Абрамовичъ, живу... — тутъ онъ замаялся. Дѣло въ томъ, что онъ не имѣлъ постоянной квартиры въ Петербургѣ, и хотя значился прописаннымъ въ квартирѣ, занимаемой его женою, но находился съ нею въ весьма непріятныхъ отношеніяхъ, крайне боялся, чтобы не встрѣтиться съ нею.

— Ваше мѣстожителство? — еще суровѣе проговорилъ околоточный.

— Вотъ видите — постоянной квартиры я не имѣю... А временно помѣщаюсь въ редакціи, — онъ указалъ адресъ типографіи, гдѣ печатался „Листокъ“. — Хоть наведите справки — это правда.

— Очень хорошо. Теперь будьте любезны объяснить, давно-ли вы познакомились съ убитой?

— Позвольте, что же это такое? Это слѣдствіе?! — воскликнулъ Шпрехеръ, которому показалось, что уже съ него снимаютъ допросъ, какъ съ обвиняемаго.

— Полицейское дознаніе, а не слѣдствіе, господинъ, — поправилъ околоточный, словно радуясь тому, что могъ, какъ говорится, срѣзать „корреспондента“.

Долго бы продолжались тревоженія Абрама Абрамовича,

если бы въ комнату не вошелъ въ пальто и при оружii мѣстный участковый „поручикъ“. Онъ прекрасно зналъ Шпрехера, зналъ, что онъ не способенъ на такое возмутительное, кровавое преступленіе, и разспросивъ его коротко о знакомствѣ съ Фимочкой, отпустилъ его собственной властію. Осмотрѣвъ помещеніе покойной и трупъ, онъ тотчасъ послалъ за слѣдователемъ, полицейскимъ докторомъ и самъ направился съ донесеніемъ въ управленіе градоначальника.

Часу въ десятомъ утра, двое, мѣстный судебный слѣдователь и чиновникъ сыскаго отдѣленія, въ партикулярномъ платьѣ, одновременно производили обыскъ и осмотръ тѣла убитой и квартиры.

Очевидно, слѣдователь презиралъ полицейскую ищейку и съ видимой гадливостью изрѣдка обращался къ ней съ односложнымъ вопросомъ. Съ своей стороны, слѣдственный чиновникъ Петрушкинъ, тонкая и ловкая штучка, довольно насмѣшливо поглядывалъ на взволнованнаго слѣдователя, и методически, шагъ за шагомъ, производилъ свой обзоръ. Нѣсколько разъ онъ открывалъ свою записную книжку и дѣлалъ карандашемъ никому непонятный значекъ. Вдругъ темное пятнышко на полу прихожей привлекло его вниманіе. Онъ легонько тронулъ его пальцемъ и затѣмъ потеръ пальцемъ о бумагу записной книжки. На бумагѣ оказалась красноватая полоска.

Сыщикъ началъ еще съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ полъ пріемной комнаты и небольшого корридора, ведущаго къ прихожей. Въ двухъ мѣстахъ онъ замѣтилъ подобныя же пятна, не затонувшія ногами дворниковъ и полицейскихъ. Последнее пятнышко онъ разыскалъ у самаго порога выходной двери, ведущей на лѣстницу, и не говоря ни слова слѣдователю, надѣлъ шапку, запахнулъ свое мѣховое пальто и вышелъ изъ квартиры убитой.

Онъ сообразилъ, что или убійца былъ раненъ, или же несть въ рукахъ какой либо окровавленный предметъ, съ котораго капала кровь, и хотѣлъ прослѣдить этотъ кровавый слѣдъ.

На лѣстницѣ, по которой прошло съ вечера много жильцовъ, слѣды терялись. Они, по всей вѣроятности, были затоптаны, потому что, не смотря на всѣ поиски сыщика, онъ не могъ замѣтить ни малѣйшихъ признаковъ кровавыхъ капель, хотя прослѣдилъ всю лѣстницу, со свѣчей въ рукахъ, до самаго выхода во дворъ.

Разочарованный, онъ уже хотѣлъ бросить этотъ слѣдъ, какъ вдругъ новая мысль осѣнила его и онъ воѣжалъ по лѣстницѣ до втораго этажа и снова принялся за поиски на лѣстницѣ, уже вверхъ отъ квартиры убитой. Нѣсколько минутъ продолжалось это исканіе. Вдругъ онъ чуть не вскрикнулъ и ловко закрылъ кусочкомъ бумаги темное пятнышко, ясно видѣвшееся на каменной ступени лѣстницы. Бумажка приклеилась и на ней отпечаталось красное пятно.

— Кровь!—прошепталъ про себя сыщикъ.—Ну, значитъ, птица въ клѣткѣ. Убійца изъ квартирующихъ по этой лѣстницѣ!

Онъ съ новымъ жаромъ продолжалъ поиски и черезъ нѣсколько минутъ разыскалъ цѣлый рядъ подобныхъ же пятенъ на порогахъ одной изъ дверей, выходящихъ на площадку лѣстницы въ четвертомъ этажѣ. Сыщикъ пристально оглядѣлъ эту дверь. Она была самая обыкновенная, деревянная, выкрашенная, мѣстами слинявшей масляной краской; на притолкѣ видѣлся жестяной квадратикъ съ № 24, а посреди двери былъ узкій прорѣзъ съ надписью: „Для писемъ и газетъ“. Занеся всѣ эти подробности въ книжку, агентъ взялся за ручку двери, но дверь оказалась запертой, самая же ручка имѣла какой-то странный, словно запачканный видъ.

— Ужъ не кровь-ли?—мелькнуло въ головѣ сыщика, и онъ потеръ ее клочкомъ бумаги и опять тѣ же слѣды крови, или чего-то буро-красноватаго, остались на бумагѣ. Теперь для агента уже не было больше сомнѣнія, убійца былъ обитателемъ № 24.

Боясь вспугнуть птичку, сыщикъ не рѣшился звонить и только нагнулся и посмотрѣлъ въ щелку замка. Ключа въ замкѣ не было.

Убѣдившись въ отсутствіи хозяина квартиры, онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и торопливо позвалъ дворника.

— Кто живетъ у васъ въ № 24?—спросилъ онъ у выбѣжавшаго на его звонокъ молодого парня въ шерстяной вязанной фуфайкѣ.

— А кто его знаетъ, скубентъ какой-то, третьяво дня переѣхалъ, старшій понесъ пачпортъ его въ участокъ прописывать.

— Одинъ живетъ или у хозяйки?

— Сказано скубентъ, самъ квартиру снимаетъ... двѣ комнаты... а мебель своя... одно только слово, что мебель...

— Дома онъ? Мнѣ бы надо было его повидать...

— Да не больше получасу, какъ изъ дома ушелъ... Еще съ узелкомъ... я ему и извозчика покликалъ.

— Куда онъ поѣхалъ?—торопливо переспросилъ агентъ.

— На Выборгскую рядился—должно быть изъ дохтуровъ.

Больше ничего не могъ добиться агентъ отъ дворника. Онъ понималъ, что до возвращенія старшаго дворника изъ участка нельзя узнать фамиліи студента, и потому рѣшился снова идти въ комнаты, гдѣ слѣдователь, вмѣстѣ съ только что прибывшимъ товарищемъ прокура писали протоколъ осмотра квартиры и положенія тѣла убитой. Полицейскій врачъ, экстренно присланный частнымъ приставомъ, давно уже составилъ актъ осмотра мертваго тѣла и теперь, въ ожиданіи окончанія дознанія, курилъ сигару и перебрасывался отрывистыми фразами съ товарищемъ прокурора.

Онъ былъ большой жуиръ, бонмотистъ и особенный знатокъ и любитель прекраснаго пола. Фимочку онъ зналъ издали и чрезвычайно удивился, когда ему сообщили, что она убита. Онъ только

что начиналъ строить планы атаки на сердце красавицы, которую считалъ не очень доступной. Красота формъ убитой, и въ особенности мастерство, съ которымъ было произведено расчлененіе трупa, поразили и его, и онъ нѣсколько разъ повторялъ, производя остотръ:

— Удивительно! Непонятно! По всѣмъ правиламъ искусства.

Дойдя до осмотра внутренностей, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что сердца не доставало. Оно было вырѣзано со всѣми венами и артеріями и вынуто черезъ огромный зияющій разрѣзъ, проникающій отъ полости желудка въ полость груди, что было имъ тщательно упомянуто въ протоколѣ.

— Знаете что?—вдругъ обратился онъ къ товарищу прокурора.—Мнѣ кажется здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ убійствомъ, изъ-за ограбленія, тутъ замѣшана несчастная любовь!

— Изъ чего вы это выводите?—сухо спросилъ прокуроръ.

— Всѣ вещи цѣлы—похищено только сердце женщины!.. Кому же оно нужно, какъ не обманутому любовнику!..—Докторъ захохоталъ своимъ хриплымъ смѣхомъ.—Она разбила его сердце, онъ вырѣзалъ у нея его!..

— Смѣлое предположеніе!—протянулъ судейскій.—Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ.

— А вотъ и нашъ „слѣдопытъ“!—обратился докторъ къ вошедшему въ эту минуту агенту.—Ну, что, почтѣннѣйшій г. Лекокъ, какъ ваши поиски? Нашли ли убійцу?

— Нашелъ слѣдъ, знаю кто онъ и явился, чтобы сообщить вамъ мои изслѣдованія.

Агентъ зналъ, что теперь, при постороннихъ свидѣтеляхъ, слѣдователь не сможетъ скрыть, что именно въ дѣлѣ раскрытія преступленія принадлежитъ ему и что слѣдственной власти..

— Расскажите—это очень любопытно,—протѣдиль сквозъ зубы слѣдователь. Прокуроръ и докторъ замолчали.

Тогда агентъ коротко, но вразумительно рассказалъ о томъ, что ему удалось разыскать на полу квартиры, на ступенькахъ лѣстницы и на порогѣ квартиры № 24.

— Но кто же живетъ въ № 24?—быстро спросилъ прокуроръ.

— Студентъ; а кто—мы узнаемъ объ этомъ тотчасъ, когда старшій дворникъ вернется изъ участка, куда пошелъ прописывать паспортъ.

— Но гдѣ же онъ? Надѣюсь, что вы приставили караулъ?—быстро заговорилъ слѣдователь, поднимаясь съ мѣста.—Онъ можетъ бѣжать.

— Его нѣтъ дома, онъ полчаса какъ уѣхалъ.

— Но куда же, куда же?

— На Выборгскую. Дворникъ слышалъ, какъ онъ нанималъ туда извозчика.

— И вы не были у него на квартирѣ, не осматривали?—спросилъ прокуроръ.—Можетъ быть тамъ есть вѣскія улики, доказательства.

— Дверь заперта и я не имѣлъ никакого права приступать къ валому, когда въ томъ же домѣ находятся официально представители слѣдственной власти.

— Намъ нельзя терять ни минуты!—воскликнулъ слѣдователь.—Мы должны немедленно приступить къ осмотру квартиры № 24. Я прошу васъ намъ сопутствовать,—обратился онъ къ доктору и агенту, который собирался уже уйти.

Вся компанія, предводимая дворникомъ, околоточнымъ и понятыми, отправилась къ лѣстницѣ, ведущей въ четвертый этажъ.

III.

Первые слѣды.

Остановившись у растворенной двери № 24, агентъ показалъ слѣдователю и понятымъ капли крови, которые были имъ замѣчены при первомъ осмотрѣ, и затѣмъ дворникъ вторымъ ключемъ быстро отперъ дверь въ квартиру.

Это была довольно неопрятная квартирка въ двѣ комнаты, съ окнами, выходящими во дворъ, и съ маленькой кухонкой, служащей одновременно и передней. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что обстановка обихихъ комнатъ какая-то странная, ненормальная. Въ пріемной комнатѣ, посреди комнаты, стоялъ простой сосновый столъ, обитый клеенкою. На немъ лежалъ разрозненный медицинскій наборъ, луппа и нѣсколько длинныхъ и тонкихъ булавокъ. Около стола стоялъ стулъ, два другихъ стояли у стѣны насупротивъ, другой мебели въ комнатѣ не было. Во второй, служившей очевидно спальней жильцу, стояла старая желѣзная кровать, съ жесткимъ матрасомъ, безъ простыни, и съ вытертымъ пледомъ въ видѣ одѣяла. Подушка была новая, ситцевая, видимо недавно купленная. Дешевенькій комодъ. Ящики были до половины выдвинуты и пусты.

Квартира не имѣла вида постоянного жилища, это было скорѣе временное помѣщеніе, рабочая квартира челоѣка, не желавшаго грязной работой пачкать свое дѣйствительное жилище. Кое-гдѣ, и на столѣ, и на полу, около стола, можно было замѣтить видимо затертые слѣды крови. Замытое полотенце, висѣвшее въ кухнѣ, тоже мѣстами было окровавлено, слѣды крови виднѣлись даже на хирургическихъ инструментахъ, такъ что безъ ошибки можно было сказать, что въ этой комнатѣ производилась, если не какая нибудь кровавая операція, то во всякомъ случаѣ жилецъ работалъ надъ какимъ либо анатомическимъ препаратомъ. Агентъ, съ первыхъ же шаговъ въ квартиру наткнувшійся на кровавые слѣды, принялся съ осторожностью индѣйца за самое всестороннее изслѣдованіе комнатъ. Ему, во что бы то ни стало, нужно было установить какую бы

то ни было связь между Фимочкой и жильцом № 24. Он шаг за шагом осматривал приемную, спальню и наконец кухню, но кроме редких следов крови ничего не нашлось, да и присутствие крови могло быть объяснено иначе, чем преступлением, тем более в квартир студента медика. Полицейский не сомневался в причастности жильца квартиры № 24 к убийству несчастной жертвы, но у него не доставало видимых доказательств, чтобы наглядно уяснить эту связь.

По словам дворников, квартирант перебрался сюда всего несколько дней тому назад, следовательно трудно было бы предполагать, что в квартир в каком либо углу скопилось много сору, старых конвертов, карточек, по которым можно было бы сколько нибудь ориентироваться. Но агент не унывал, он лазил всюду, под кровать, заглядывал под тюфяк, рылся в печах и под плитой и, наконец, не добыв ни малейшей улики, ни малейшего указания, махнул рукой и плюнул.

— Ничего, ровно ничего! — с каким-то озлоблением проговорил он. — Но эта кровь, эти капли на пороге.

— А может быть господин студент приготовлял мясной сок для собственного употребления, — с улыбкой заметил следователь, — или на плитке приготовлял котлетку из сырого мяса, купленного в мясной... вы во всем желаете видеть убийство!

Агент хотел что-то возразить, но в комнату вошел старший дворник.

У него в руках была записная книжка и в ней несколько паспортов. Он был уже предвещен подручными, что следователь спрашивал фамилию жильца № 24, и потому, не дожидаясь вопроса чиновников, подал один из паспортов, только что явленный в полицию, и на котором карандашом была сделана отметка дворника „№ 24“. В нем значилось, что предъявитель мещанин города Клязмы, Петр Иванович Петров, уволен от вышеписанного числа сроком на один год.

— Как мещанин? — воскликнул следователь. — А мы сказали, что студент!..

— А кто их разберет, но и они без формы... Кто их узнает, да и к нему еще не присматривался... Только третьего дня перебрался.

— Позвольте паспорт полюбопытствовать, — почтительно заявил агент, и следователь подал ему просимое.

— Паспорт фальшивый, фабрикован в Вяземской лавке, — посмотрев на свет и проведя пальцем по печати, проговорил авторитетным тоном агент: — и как это в участке не рассмотрели? Из старого в новый переделан...

Следователь взял с недоверием из рук агента подозрительный паспорт и только после долгого размышления на

свете заметил чуть видный след старого текста, почти незаметный под новым, крупным и широким.

Сомнения быть не могло — студент медик жил под чужим паспортом.

Что, если не желание скрыться, после совершения преступления, могло заставить его рисковать таким образом жить по чужому паспорту. Теперь, когда преступление обнаружено, трудно было бы допустить, чтобы он рискнул возвратиться на свою квартиру.

Поиски продолжались.

Чувствуя себя заданным за живое, агент выбивался из сил, чтобы решить задачу. Он старательно пересмотрел все клочки бумаги, отысканные под печкой, но кроме газет там не нашлось ни исписанного клочка, ни конверта.

Он вывернул все карманы старого партикулярного куртка, висевшего в спальне, но и тут не оказалось ни клочка, могущего навести на след. Очевидно, беглец принял свои меры и бесследно скрылся в многолюдном городе.

— Но позвольте, — вдруг заговорил доктор, припоминая какое-то обстоятельство... — Сердце похищено у трупа. Следовательно, оно было нужно похитителю... Куда же оно делось?.. Не скупал же он его за завтраком?..

Эта фраза заставила всех улыбнуться. Даже агент, крайне недовольный оборотом, который приняло следствие, потерявшее надежные следы, широко улыбнулся. У него в смуглом лице тотчас мелькнула счастливая мысль, но он ни слова не сказал ни следователю, ни прокурору, а потихоньку вышел на лестницу. У дверей убитой толпился народ. Частный пристав собственной персоной и два полицейских офицера, в сопровождении молодого человека в форме студента медицинского хирургической академии, выходили из квартиры убитой.

Все были очень взволнованы и громко передавали друг другу свои впечатления. Особенно волновался молодой студент. Он находил, что это не убийство, а анатомическая операция, вивисекция — и также, как и полицейский врач, не мог допустить, чтобы она была сделана не хирургом.

— Нашему бы Груберу показать, он бы сразу определил, чья это работа, — проговорил он, прощаясь со знакомым полицейским офицером, и пошел на улицу.

У самых ворот ему встретился газетчик, несший целый пук мокрых еще экземпляров „Листка“ и выкрикивавший:

— Тайственное преступление на Лиговке... Тайственное убийство на Лиговке! Барин, купите, очень интересно!

Студент купил номер газеты и позвал извозчика. Агент слышал, как он приказал ему ехать в клинику на Выборгскую сторону. Слово повинаясь какому-то внутреннему голосу, агент в свою очередь подозревал извозчика и приказал ехать вслѣд за студентом.

Уже на Литейномъ мосту онъ понялъ, что идетъ по ложному слѣду. Только что уѣхавшего студента видѣли дворники и ни одинъ изъ нихъ не призналъ въ немъ жильца изъ № 24... Но три четверти пути были сдѣланы, ему какъ-то совѣстно стало возвращаться ни съ чѣмъ къ слѣдователю, или къ своему начальству. Онъ вспомнилъ, что трупъ убитой сейчасъ привезутъ въ клинику для вскрытія, и рѣшился дожидаться его прибытія.

Онъ по долгому опыту зналъ, что почти всегда убійцы стараются взглянуть на трупы своихъ жертвъ.

Заѣхавъ въ трактиръ, находящійся по пути, онъ отпустилъ извозчика, и потребовавъ полъ порціи чая, сталъ дожидаться прибытія ящика, въ которомъ обыкновенно возятъ трупы для вскрытія въ анатомическій театръ.

Ему долго не пришлось дожидаться. Не прошло и часа, какъ знакомый полицейскій фургоны прослѣдовалъ мимо трактира, а агентъ, поздоровавшись съ сопровождавшимъ его околоточнымъ, присѣлъ рядомъ съ нимъ на сидѣніе, и даже помогъ внести ящикъ съ частями трупа въ пріемный покой анатомическаго театра.

IV.

Въ анатомическомъ театрѣ.

Препаровочное отдѣленіе клиники с.-петербургской медико-хирургической академіи было переполнено студентами. Извѣстный своими знаніями, пунктуальностью и строгостью, профессоръ Груберъ въ этотъ день дѣлалъ повѣрку препаратовъ, изготовленныхъ студентами, и ставилъ отмѣтки. Блѣдно желтые лучи заходящаго зимняго солнца какъ-то тускло освѣщали и стѣны аудиторіи, и лица присутствующихъ. Большинство студентовъ и самъ профессоръ были въ бѣлыхъ полотняныхъ передникахъ, перепачканныхъ кровью. Передъ каждымъ на черныхъ каменныхъ столахъ, придававшихъ траурный видъ всему помещенію, лежали вычищенные отмѣланные препараты. Тотъ принесъ кисть руки, тщательно очистивъ мускулы и сухожилія, тотъ стопу ноги, тотъ бедро, голову, который бы не принесъ на судъ строгаго профессора какой бы то ни было части человѣческаго организма, отмѣланный въ форму „препарата“. Пахло трупной гнилью, камфорой, сѣрыстымъ водородомъ, и облака зловоннаго табачнаго дыма до того заполняли атмосферу, что свѣжій некурящій человѣкъ не вынесъ бы и пятиминутнаго пребыванія въ этомъ воздухѣ.

Профессоръ только что началъ осмотръ работъ. Онъ былъ необычайно придиричивъ сегодня, и получивъ отъ студента не совсѣмъ точный отвѣтъ, оборвалъ его той же стереотипной фразой:

— Такъ можетъ отвѣчать мясникъ, а не студентъ!

Уже болѣе десяти студентовъ подверглись той же участи, и остальные ожидали себѣ такого же приговора, когда профессоръ подошелъ къ молодому человѣку, самой обыденной наружности, но съ какимъ-то страннымъ возбужденнымъ взглядомъ. Онъ былъ одѣтъ довольно изящно и безъ передника. Признакъ того, что онъ отдѣлывалъ свой препаратъ не въ препаровочной, а дома.

— Что это у васъ?—спросилъ профессоръ, даже не взглянувъ на лицо студента, который почему-то даже нервно вздрогнулъ при этомъ вопросѣ.

— Предсердіе, сердце и часть аорты,—отвѣчалъ тотъ по латыни.

— Препаратъ сдѣланъ превосходно... Это дѣлаетъ вамъ честь, вдругъ перемѣняя тонъ на ласковый, проговорилъ профессоръ.— Ваша фамилія?

— Момлей,—съ запинкой отвѣчалъ студентъ.

— Англичанинъ?

— Отецъ былъ англичанинъ, мать русская...

— Сейчасъ видна англійская аккуратность... такую отчетливую работу я встрѣчаю первый разъ въ этомъ семестрѣ... Я ее оставляю на показъ другимъ студентамъ... Вотъ, господа,—профессоръ обратился къ остальнымъ студентамъ,—учитесь у г. Момлея, какъ дѣлать препараты, и какая свѣжесть... Превосходно...

Профессоръ поставилъ высшую отмѣтку г. Момлею и пошелъ дальше. Видимо препаратъ, представленный англичаниномъ, хорошо подѣйствовалъ на настроеніе его духа, онъ больше не рѣзалъ студентовъ, и лекція кончилась благополучно. Когда онъ вышелъ изъ препаровочной, студенты обступили Момлея, прося показать свою работу, но молодой человѣкъ, тщательно завернувъ препаратъ въ вошанку и полотно, готовился унести его, словно какое-то сокровище.

— Нѣтъ, какъ хочешь, показывай, показывай!—шумѣли вокругъ товарищи.

— Вѣдь и профессоръ приказалъ учиться у тебя,—заявляли другіе, видя, что упрямый англичанинъ отказывается показать работу.

— Да что тутъ толковать, развязывай, ребята!—скомандовалъ одинъ изъ студентовъ, высокій широкоплечій сибирякъ.—Что съ нимъ блезирничать, принесъ на выставку, значить, показывай.

Нѣсколько рукъ потянулось къ свертку. Какой-то странный лучъ блеснулъ во взглядѣ Момлея, черты его лица искривились злобной улыбкой, щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Отстаньте... сказалъ не покажу и не покажу!—какъ-то визгливо крикнулъ онъ.

— Съѣдать у тебя его, что-ли?—со смѣхомъ отозвался сибирякъ.

— Ужь не сестру же ты зарѣзалъ, чтобы получить благодарность профессора.

При этихъ словахъ черты лица Момлея совсѣмъ исказились, онъ готовъ былъ броситься съ кулаками на говорившаго.

— Какъ ты смѣешь?!—прохрипѣлъ онъ яростно.—Какъ ты смѣешь!..

Студенты съ испугомъ глядѣли на Момлея. Лицо его потянуло всякое человѣческое выраженіе, безуміе свѣтилось въ его глазахъ.

— Оставь его, онъ не въ своемъ умѣ!—тихо замѣтилъ сибиряку одинъ изъ старшихъ товарищей, Бахметьевъ.—Надо будетъ сказать профессору...

Сибирякъ пристально взглянулъ на Момлея и отошелъ въ сторону, ему замѣчаніе товарища тоже показалось справедливымъ. Выраженіе ужаса и гнѣва такъ, казалось, и застыло на лицѣ англичанина.

— Я и прежде замѣчалъ за нимъ странности, но это ужъ черезчуръ, надо предупредить инспектора... Онъ, пожалуй, кого скальпелемъ пырнетъ,—продолжалъ Бахметьевъ,—долго ли до бѣды.

Казалось и остальные студенты поняли, что шутить съ англичаниномъ опасно и разошлись по своимъ мѣстамъ, въ ожиданіи слѣдующей лекціи. Въ это время дверь тихо отворилась и въ препаровочную вошелъ студентъ Горшковъ, любимецъ всего курса, весельчакъ и балагуръ, какихъ мало встрѣчается въ наше время.

— Опоздалъ, Горшковъ, опоздалъ! Обходъ оконченъ!.. Конченъ!—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Не бѣда, черезъ недѣлю представлю, время ждетъ, а что я вамъ, господа, скажу—удивленіе... Изъ-за этого стоило опоздать!..

— Да говори же толкомъ въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло, что случилось?—слышались голоса.

— А въ томъ, что проснулся я сегодня особенно рано и, вопреки обыкновенію, сталъ просматривать „Листокъ“. Вижу напечатано огромными буквами: „Таинственное убійство“! Читаю, и что же? Узнаю, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры по Лиговкѣ найдено мертвое тѣло, завернутое въ рогожу и разрѣзанное на нѣсколько частей. Заинтересовало меня это, я сейчасъ къ дворнику—гдѣ, говорю, мертвое тѣло? Сейчасъ, говорить, собираются везти къ намъ сюда въ анатомическій театр. Прошу, дайте взглянуть. Докторъ старый знакомый, показываетъ. Ну, братцы вы мои, своимъ глазамъ вѣрить не хотѣлъ, это не разбойничье дѣло, не просто убійство, а какая-то удивительная хирургическая операція. Голова отдѣлена мастерски, руки и ноги вылучены съ такимъ знаніемъ дѣла, что вѣрить не хочется, будто это сдѣлано не хирургомъ; но когда я взглянулъ на грудную полость, то воля ваша, просто воскликнулъ отъ неожиданности; самому Груберу не сдѣлать такой операціи: сердце выдѣлено словно въ клиникѣ на ампутаціонномъ столѣ или здѣсь, въ препаровочной надъ трупомъ. Я тутъ прямо же сказалъ: Это дѣло не простое, и убійца не кто нибудь съ вѣтра,—чтобы сдѣлать такую операцію, надо учиться да учиться... Да вотъ сами увидите, трупъ сейчасъ привезутъ сюда для вскрытія...

Студенты, заинтересованные рассказомъ Горшкова, столпились вокругъ него, только одинъ Момлей съ первыхъ словъ рассказчика началъ выражать сильное безпокойство и хотѣлъ было выйти изъ аудиторіи, но, словно нарочно, къ нему подошелъ сторожъ и передалъ распоряженіе профессора оставить препаратъ въ театрѣ, чтобы помѣстить его въ спиртъ.

— Я не могу, я не могу!—проговорилъ въ какомъ-то ужасѣ Момлей:—мнѣ необходимо его взять съ собой.

— Не можемъ знать, извольте у Альбертъ Петровича спросить,—отвѣчалъ сторожъ:—безъ ихъ приказу никакъ невозможно.

— А гдѣ же онъ теперь?

— А во второй препаровочной, пожалуйста, они вамъ очень рады будутъ. Пожалуйста.

Момлей вошелъ во вторую препаровочную.

Профессоръ былъ тамъ. Онъ стоялъ передъ большимъ каменнымъ столомъ, на которомъ лежалъ трупъ женщины, вѣрнѣе, части трупа. Голова замѣчательной красоты, отдѣленная отъ туловища, лежала рядомъ съ ампутированными ногами и руками. Торсъ съ громадной зияющей раной, обнимавшей часть груди, поражалъ красотой своихъ формъ. Очевидно, убитая была молодая женщина или дѣвушка, лѣтъ 18-ти, и обладала замѣчательной красотой.

Момлей, войдя къ профессору, невольно взглянулъ на лежавшій передъ нимъ трупъ, и не могъ удержаться отъ восклицанія испуга.

Профессоръ быстро оглянулся и отъ него не укрылся болѣзненно испуганный взглядъ студента.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ строго.—Я занятъ дѣломъ и не люблю, чтобы меня тревожили.

Студентъ не отвѣчалъ ничего. Широко открытые глаза его глядѣли на мертвое тѣло красавицы, лежащее на окровавленномъ столѣ. Ноги его дрожали. Смертельная блѣдность покрыла его щеки. Онъ дико захохоталъ и бросился къ ампутаціонному столу.

— Она! она! Опять она! Зачѣмъ она здѣсь? Зачѣмъ, зачѣмъ?—Онъ закачался и упалъ ницъ на покрытый опилками и залитой кровью полъ препаровочной.

— Эп! Василій, Иванъ, сюда, съ студентомъ дурно!—крикнулъ профессоръ, и въ ту же минуту два дюжихъ вахтера появились на порогѣ препаровочной.

Отнесите его въ пріемный покой, да попросите ординатора обратить на него особое вниманіе. Скажите, что я прошу,—приказалъ профессоръ, подчеркнувъ слово я.

Сторожа подхватили подъ мышки все еще безчувственного студента и понесли его къ пріемному покою. Не прошло и полчаса, какъ на порогѣ появилась толстенькая фигура смотрителя.

— Что вамъ угодно, господинъ смотритель?—рѣзко спросилъ профессоръ.—Я просилъ никогда не безпокоить меня во время моихъ работъ.

Джекъ—таинственный убійца

— Извините, ваше превосходительство, но вотъ господа полицейскіе агенты разыскиваютъ студента, съ которымъ сдѣлалось дурно здѣсь у васъ.

— Момлея?—съ удивленіемъ переспросилъ профессоръ.—По какому же дѣлу?

— Говорятъ, ваше п—во, по очень важному дѣлу; они желаютъ имѣть объ немъ какія либо свѣдѣнія.

— О свѣдѣніяхъ пусть обращаются въ контору; одно могу сказать, работникъ онъ прекрасный и препаратъ его выше похвалъ.

Профессоръ снова нагнулся надъ трупомъ.

V.

Сумасшедшій.

Ординаторъ пріемнаго покоя, получивъ при доставленномъ къ нему больномъ карточку доктора Грубера, отнесся съ особымъ вниманіемъ къ пациенту и, видя его крайне угнетенное, истерическое состояніе, тотчасъ же уложилъ Момлея въ особую комнату, предназначенную для нервныхъ больныхъ.

Припадокъ, начавшійся съ несчастнымъ въ препаровочной, повторился съ новой силой, едва служителя его успѣли раздѣть и уложить въ кровать такъ что ординаторъ, видя, что съ буйнымъ пациентомъ сладить невозможно, приказалъ надѣть на него горячую рубашку. Но и тутъ Момлей не переставалъ кричать, какъ иступленный, и дѣлать сверхъестественныя усилія, чтобы вырваться.

Его тотчасъ перевели въ отдѣленіе для буйныхъ и дали знать самому профессору Груберу, который и не замедлилъ придти. Увидавъ состояніе, въ которомъ находился заинтересовавшій его субъектъ, онъ послалъ свою карточку къ своему коллегѣ, известному психіатру Брауману, и они долго изслѣдовали больного.

Момлей не переставалъ кричать и бредить, мѣшая медицинскіе термины съ проклятіями и стономъ.

— Delirium, острое помѣшательство, состояніе внушаетъ сильныя опасенія, но не безнадежно,—замѣтилъ послѣ долгаго молчанія психіатръ.

— И не гарантируетъ отъ повтореній,—отозвался его собесѣдникъ.

— Уже неизлѣчимыхъ.

— Разумѣется. Но какъ бы тамъ ни было, онъ больше не работникъ,—не безъ сожалѣнія замѣтилъ профессоръ:—а какія золотыя руки! Утромъ онъ мнѣ доставилъ препаратъ сердца и аорты, исполненный неподражаемо! Двѣнадцать поставилъ, и кто могъ ожидать!

— Вы говорите, коллега, что припадокъ съ нимъ начался въ тотъ моментъ, когда онъ увидалъ въ препаровочной части трупа молодой дѣвушки, принесенная для изслѣдованія?—спросилъ психіатръ, что-то соображая.

— Да, онъ упалъ, какъ громомъ пораженный, и я его приказалъ отнести въ пріемный покой.

— Но, коллега, я долженъ вамъ замѣтить, что состояніе, въ которомъ находится субъектъ, не можетъ наступить мгновенно, это только слѣдствіе не только подготовлявшагося, но уже бывшаго расстройства въ полости мозга. Не замѣчали ли вы въ немъ, въ его отвѣтахъ раньше чего либо аномальнаго?

— Нѣтъ и нѣтъ. А работа его верхъ совершенства. Сердце и аорта отдѣланы великолепно... Можно подумать, что это живисекція, а не анатомическій препаратъ.

Проговоривъ эту фразу, профессоръ задумался. Дѣло въ томъ, что въ промежутку времени между припадкомъ съ Момлеемъ, совершившимся въ его препаровочной, и объясненіемъ съ коллегой, онъ успѣлъ окончить изслѣдованіе трупа убитой дѣвушки, и теперь, только теперь вспомнилъ о странномъ совпаденіи: у трупа не доставало сердца, вырѣзаннаго, очевидно, искусной рукой, и сердце было препаратъ, принесенный ему Момлеемъ, упавшимъ безъ чувствъ при видѣ трупа дѣвушки.

Странное подозрѣніе зародилось въ его душѣ. Онъ не сказалъ больше ни слова и, распростившись съ коллегой, тотчасъ отправился въ препаровочную, чтобы, насколько возможно, разъяснить это тяжелое сомнѣніе.

Зайдя въ канцелярію, онъ тщательно просмотрѣлъ бумаги Момлея, которыя оказались всѣ въ порядкѣ. По нимъ значилось, что онъ сынъ умершаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, англійскаго негоціанта Альберта Момлея, Яковъ, что отецъ передъ смертью принялъ русское подданство, и такъ какъ былъ женатъ на русской (тоже умершей), то сынъ его православнаго вѣроисповѣданія. Въ академію поступилъ четыре года тому назадъ, окончивши курсъ въ с.-петербургскомъ училищѣ св. Анны.

— Адресъ?!—спросилъ онъ у секретаря, видя, что прежній адресъ студента перечеркнутъ.

— Студентъ Момлей заявилъ, что съ квартиры съѣхалъ и временно живетъ въ гостинницѣ «Демуть»,—отвѣчалъ секретарь.

Другихъ указаній о Момлеѣ профессоръ не получилъ и медленно направился въ препаровочную, гдѣ все еще лежало тѣло Фимочки.

Онъ долго и пристально всматривался въ красивыя черты лица покойной, сильно искаженныя смертью, и снова, еще съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде, изслѣдовалъ полость груди. Аорта была отрѣзана сантиметрахъ въ двухъ отъ сердца и при этомъ нѣсколько наискось. При тщательномъ осмотрѣ профессоръ замѣтилъ также, что разрѣзъ этотъ былъ сдѣланъ ножомъ

съ двухъ разъ и потому въ одномъ мѣстѣ представлялъ слегка извилистую линію, едва замѣтный рубчикъ.

Этого было довольно для опытнаго взгляда знаменитаго анатома.

Онъ крикнулъ и приказалъ подать препаратъ, принесенный студентомъ Момлеемъ. Сторожъ не успѣлъ еще положить его въ спиртъ и принесть свертокъ такъ, какъ его оставилъ больной, то-есть въ вошчанкѣ и полотнѣ.

Осторожно развернулъ профессоръ этотъ роковой свертокъ и впился взглядомъ въ соответствующій разрѣзъ аорты. Теперь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, тотъ же изгибъ разрѣза былъ и здѣсь,—препаратъ, который держалъ профессоръ въ рукахъ, было сердце несчастной дѣвушки, убитой и разрѣзанной на части злодѣемъ!!

Профессоръ не могъ удержать взрыва негодованія и, снова позвавъ сторожа, послалъ его за полицейскимъ чиновникомъ.

— Да енъ здѣсь, дожидается, ваше превосходительство.

— Кто дожидается?—нервно переспросилъ профессоръ:—говори толкомъ...

— Околоточный, что тѣло привезъ, да съ нимъ другой какой-то штатскій—все про скубентовъ разпрашиваетъ. Я уже гнать хотѣлъ.

— Зови сюда, или лучше, пусть сѣздаютъ за слѣдователемъ или прокуроромъ, дѣло важное.

Сторожъ вышелъ и скоро вернулся съ агентомъ, настаивавшемъ на необходимости видѣть г. профессора тотчасъ. Отрекомендовавшись агентомъ сыскной полиціи, Перышкинъ думалъ, что профессоръ поспѣшитъ объяснить ему что-либо объ интересовавшемъ его дѣлѣ, но профессоръ не признавалъ ничего тайнаго и принималъ такъ непріязненно сыщика, что тотъ счелъ за лучшее немедленно же удалиться.

Слѣдователь, за которымъ быстро слеталъ на извозчикѣ околодочный, скоро появился ему на смѣну, и профессоръ въ короткихъ словахъ изложилъ ему свои подозрѣнія относительно студента и открытіи на трупѣ и анатомическомъ препаратѣ.

— Но, ваше превосходительство, я и самъ на этихъ же слѣдахъ, мнѣ недостаетъ только фамиліи студента... Онъ былъ записанъ на послѣдней квартирѣ, въ домѣ, гдѣ совершенно убійство, подѣ фальшивымъ паспортомъ.

— Подѣ фальшивымъ паспортомъ?—съ удивленіемъ переспросилъ профессоръ.—Зачѣмъ же, что за причина?..

— Судя по тому, что вы изволите говорить,—отвѣчалъ слѣдователь:—можно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ сумасшедшимъ, съ маниакомъ, а въ такомъ случаѣ нельзя требовать логичной послѣдовательности поступковъ.

— Вы правы, вы сто разъ правы,—послѣ раздумья проговорилъ профессоръ,—мы имѣемъ дѣло съ сумасшедшимъ и онъ сошелъ съ ума не вчера и не сегодня; имѣя законный видъ,

жить по фальшивому паспорту, убить женщину, вырѣзать ея сердце и отнести его въ анатомическій театръ какъ препаратъ—явные признаки безумія... Но какъ я не замѣтилъ этого раньше, какъ я не замѣтилъ—и никто не замѣтилъ!.. А препаратъ сдѣланъ удивительно,—великолѣпно... Вотъ не хотите ли посмотрѣть.—Онъ подвелъ слѣдователя къ столу, гдѣ лежало сердце Фимочки.

— Время летитъ, ваше превосходительство, и я бы просилъ васъ сообщить мнѣ фамилію студента, принесшаго вамъ это сердце.

Профессоръ на минуту замялся. Ему вдругъ показалось, что, назвавъ Момлея, онъ совершитъ преступленіе,—что его подозрѣнія могутъ быть ложны, что и обморокъ его передъ трупомъ, и сходство разрѣзовъ на аортѣ есть случайное совпаденіе обстоятельствъ...

Слѣдователь, казалось, понялъ это.

— Будьте увѣрены, ваше превосходительство,—замѣтилъ онъ,—что я сумѣю отличить праваго отъ виноватаго, и только взвѣсивъ всѣ шансы за и противъ г. студента, рѣшусь привлечь его къ слѣдствію. Но мнѣ необходимо знать его имя и фамилію, чтобы изъяснить себя и другихъ отъ бесполезныхъ розысковъ.

— Вамъ его искать не далеко,—онъ сидитъ въ этой же клиникѣ, въ отдѣленіи для буйныхъ.

— Какъ для буйныхъ?—удивился слѣдователь.

— Съ нимъ сдѣлался припадокъ бѣшенства въ приемномъ покоѣ.

— Значитъ я могу его видѣть?—не скрывая своей радости, переспросилъ слѣдователь.

— Уже объ этомъ спросите разрѣшенія у клиническаго начальства... мое дѣло сторона, я только здѣсь команду въ царствѣ мертвыхъ.

— Но какъ же его фамилія?.. Извините, ваше превосходительство, что я снова безпокою васъ.

— Я не знаю на память фамилій всѣхъ студентовъ!—уже рѣзко отвѣтилъ профессоръ, рѣшившійся не называть студента.—Я могу перепутать...

Слѣдователь снова понялъ мысль своего собесѣдника...

— Я и не настаиваю, ваше превосходительство, мнѣ нужна не фамилія а субъектъ, и я спрошу того больного, котораго вы изволили прислать въ клинику.

Слѣдователь поклонился и вышелъ изъ препаровочной. Въ приемной къ нему быстро подошелъ сыщикъ.

— Фамилія студента Яковъ Момлей, онъ лежитъ въ 6 палатѣ, у доктора Браумана—я уже навелъ всѣ справки.

VI.

Мрачная палата.

Зимний день догоралъ. Послѣдніе отблески зари еще играли на стеклахъ громадныхъ оконъ, полузавѣшанныхъ полотняными занавѣсками, въ 6-ой палатѣ клиники при медицинской академіи. Въ палатѣ хотя стояло четыре кровати, но теперь помѣщался только одинъ больной, спеленатый въ горячую рубашку.

На большой, овальной, черной доскѣ, возвышавшейся надъ его изголовьемъ, было написано: Delirium, и ниже: поступилъ 14 февраля.

На листкѣ, который лежалъ на небольшомъ столикѣ около кровати, былъ начертанъ цѣлый рядъ цифръ въ двѣ колонны. Въ одной значилось число пульсацій въ минуту, въ другой градусы внутренней температуры больного.

Больной, казалось, лежалъ въ полномъ забытіи и только изрѣдка губы его шевелились и онъ бормоталъ несвязныя слова и цѣлыя фразы. Оба ряда цифръ шли, замѣтно повышаясь, и, по замѣчанію доктора-психіатра, кризисъ долженъ былъ произойти еще до наступленія ночи.

Онъ заранѣе отдалъ приказаніе прислать за нимъ, если температура вдругъ разомъ повысится и бредъ усилится.

Больной, какъ, вѣроятно, читатели догадались, былъ тотъ самый студентъ Момлей, фамилію котораго не хотѣли сказать слѣдователю. Но это не повело ни къ чему. Сыщикъ, какъ мы уже знаемъ, разузналъ фамилію, дворники дома по Лиговкѣ признали квартиранта изъ квартиры № 24 и, такимъ образомъ, личность его была опредѣлена. Прокуратура снеслась съ начальствомъ клиники и, получивъ отвѣтъ, что больной находится въ остромъ періодѣ болѣзни и что перевозъ его въ настоящую минуту въ острожную больницу можетъ имѣть роковой исходъ, оставило его въ клиникѣ, поручивъ особому вниманію и надзору начальства.

Такимъ образомъ, еще не пришедшій въ себя, Момлей былъ узанъ и арестованъ.

Докторъ-психіатръ, узнавъ теперь всѣ подробности преступленія, въ которомъ обвинялся Момлей, принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ пациента и употреблялъ всѣ усилія, чтобы вызвать и ускорить кризисъ, въ которомъ видѣлъ или спасеніе, или смерть больного. Смерть, во всякомъ случаѣ, была лучше такого безумнаго состоянія.

Сестра милосердія, тихо сидѣвшая все время у постели больного и читавшая книжку, вдругъ нервно вздрогнула отъ неожиданности, такъ рѣзко и неестественъ показался ей крикъ больного, смѣнившій его тихіе стоны.

— Она! она! Зачѣмъ она здѣсь?!... Зачѣмъ?! Возьмите ее от-

сюда, возьмите ее отсюда!—кричалъ Момлей дикимъ голосомъ, дѣлая усиліе, чтобы приподняться. Глаза его были широко раскрыты, зубы стучали, словно въ лихорадкѣ.

— Кризисъ начался, надо дать знать доктору!—шепнула про себя сестра и быстро пошла по направленію къ дежурной комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ докторъ Брауманъ былъ уже у постели несчастнаго.

Казалось, съ самаго его прихода нервное состояніе больного еще ухудшилось, онъ уже не кричалъ, а вылъ и визжалъ, словно звѣрь, попавшійся въ капканъ. Въ крикѣ этомъ не было ничего человѣческаго.

Зная, что порой наложеніе рукъ на голову успокаиваетъ нервныхъ субъектовъ, докторъ тихонько погладилъ по волосамъ Момлея. Тотъ почти мгновенно затихъ и раздирающіе вопли перешли въ довольно внятный, но тихій бредъ. Видя успѣхъ манипуляціи, докторъ продолжалъ свои пассы.

Голосъ Момлея становился все болѣе и болѣе явственнымъ.

— Фимочка, милая моя, ненаглядная!—бредилъ онъ.—О! какъ я люблю тебя. О! какъ люблю!... Дай мнѣ только кончить курсъ... Я женюсь на тебѣ. Ты не вѣришь? Клянусь тебѣ... Женюсь, моя дорогая, женюсь!...

Докторъ начиналъ вслушиваться въ этотъ бредъ. Онъ зналъ только наружную сторону кроваваго, таинственнаго убійства, а этотъ бредъ начиналъ обрисовывать ему внутренній міръ больного, его отношенія къ убитой. Доктору было извѣстно, что убитую звали Фимочкой.

— Почему ты не вѣришь?! Почему? Почему?—слышался по прежнему голосъ больного.—Или ты... ты думаешь, что меня остановятъ насмѣшки товарищей... или родные. Нѣтъ у меня родныхъ, никого нѣтъ; товарищи, товарищи!—онъ захохоталъ.—Товарищи... я тебя на нихъ не промѣняю, Фимочка! Фимочка, я все забылъ, все, радость моя, дорогая. Только ты не разлюби меня, не измѣни мнѣ, слышишь,—не измѣни... не измѣни... Я такъ тебя люблю, такъ тебя люблю... не измѣни.—Голосъ его перешелъ въ шопотъ.

— Ай!.. змѣя!.. змѣя!..—съ конвульсивнымъ движеніемъ воскликнулъ вдругъ несчастный...—Змѣя!.. змѣи въ тебя забралась, змѣя! змѣя!.. Измѣнила... измѣнила... измѣнила изъ за денегъ... изъ за денегъ!! Ха, ха, ха... изъ-за денегъ. Нѣтъ, стой! куда? не пушу... ты къ нему? Говори, отвѣчай, къ нему?... Нѣтъ, ты не пойдешь, не пойдешь, я тебѣ говорю, не пойдешь... Останься, это не ты, это змѣя, что забралась въ твое сердце. Фимочка, дорогая, золотая, останься, останься, не ходи, не ходи, умоляю, заклинаю, я все прощаю, все забылъ, только ты не ходи къ нему, не ходи. Такъ ты пойдешь? Ты смѣешься надо мною, надъ моими слезами. Нѣтъ, это не ты, не ты, а змѣя, змѣя! Змѣя... куда, стой! Я не пушу тебя, не пушу. Ты моя! моя, моя... Не выпейся, нѣтъ! А! опять змѣя... умри, змѣя. Ха, ха, ха... я убилъ

эту змѣю! убилъ! убилъ!.. Вотъ она, вотъ змѣя, змѣя... она забралась въ твое сердце, я найду ее, найду, вытащу, вытащу... на куски разрѣжу, вотъ такъ, вотъ такъ!.. На куски разрѣжу... Змѣя... Фимочка! Это ты. Ай!—Послѣдній крикъ былъ такъ отчаянно звонокъ, что даже Брауманъ вздрогнулъ, но этотъ отчаянный крикъ былъ и послѣднимъ. Момлей вздрогнулъ нѣсколько разъ и вытянулся неподвижно на своей койкѣ, какъ мертвый. Докторъ пощупалъ его лобъ. Онъ былъ покрытъ каплями крупнаго холоднаго пота.

— Кризисъ прошелъ. Если доживетъ до утра—онъ спасенъ!—обратился онъ къ сестрѣ милосердія.—Объ одномъ прошу, чтобы чѣмъ нибудь не потревожили сонъ больного. Когда онъ проснется—пришлите вновь за мной.

Докторъ ушелъ. Теперь ему понятна стала вся пережитая молодымъ человѣкомъ драма.

VII.

На судѣ.

Онъ полюбилъ безкорыстно Фимочку, одно изъ погибшихъ, но милыхъ созданій, и готовъ былъ жениться на ней, чтобы спасти ее отъ омути разврата. Взамѣнъ онъ требовалъ только вѣрности. Но, видимо, Фимочка не достойна была такой любви, она измѣнила ему не по увлеченію, а просто и прозаически за деньги. Нервный и впечатлительный, Момлей умолялъ ее прекратить позорную связь. Она была непреклонна и съ насмѣшкой отвергла его. На него нашло временное умоизступленіе. Ему показалось, что не его Фимочка измѣняетъ ему, а какая-то черная сила, какая-то змѣя впиалась ей въ сердце и заставляетъ ее поступать такъ. Онъ заклиналъ, умолялъ, все напрасно. Образъ змѣи рисовался все яснѣе и яснѣе, и несчастный, въ припадкѣ сумасшествія, поразилъ на смерть любимую дѣвушку, воображая, что поражаетъ змѣю. Онъ вырѣзалъ изъ нея сердце и искалъ въ немъ все эту же змѣю злодѣйку... Но уже дальнѣйшія дѣйствія совершались безъ всякаго разумѣнія и были только рефлексомъ мозговыхъ страданій.

— Виновать ли онъ? Виновать ли онъ?—задавалъ себѣ вопросъ сто разъ ученый психіатръ, и всякій разъ все тотъ же отвѣтъ: „новиненъ“, „невмѣняемъ“ возставалъ передъ нимъ съ тою же отчетливостью.

Онъ далъ себѣ слово спасти несчастнаго, если только онъ выживетъ кризисъ.

Медленно ползло время въ клинической палатѣ.

Долгіе однообразные дни смѣнялись такими же безличными, безконечными днями.

Хотя кризисъ миновалъ для Момлея благополучно, но выздоровленіе или, вѣрнѣе, просвѣтленіе затемненнаго разсудка подвигалось съ большой медленностью. Пора жестокихъ кризисовъ и бѣшеныхъ припадковъ прошла, и съ него давно уже сняли горячую рубашку, но полнаго сознанія еще не наступило и онъ не сознавалъ ни чѣмъ онъ былъ боленъ, ни что его привело въ эту мрачную палату.

Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на койкѣ въ какомъ-то тупомъ раздумьѣ или, выпросивъ у сестрицы номеръ газеты, не разставался съ нимъ по цѣлымъ часамъ.

Онъ по нѣсколько минутъ не переводилъ глазъ съ какого-либо параграфа, словно фиксируя эти пестрые черныя строки, въ безсмысленномъ порядкѣ марающія бѣлую бумагу.

Всякій посторонній или не наблюдательный человѣкъ смѣло бы сталъ увѣрять, что больной занятъ чтеніемъ, но опытный психіатръ по долгому опыту зналъ, что этотъ симптомъ фиксирования предметовъ есть признакъ, что излеченіе субъекта еще очень сомнительно.

Между тѣмъ, Момлей безъ особаго труда могъ объясняться и отвѣты его, всегда логическіе, опредѣленные, давали поводъ думать, что онъ окончательно пришелъ въ себя.

Тоже, разумѣется, предположилъ и слѣдователь, нѣсколько разъ во время болѣзни навѣщавшій преступника. При послѣднемъ свиданіи онъ вышелъ вполне убѣжденный, что болѣзнь убійцы прошла и что пора привлечь его къ суду въ качествѣ обвиняемаго.

Повѣстка о призывѣ и приводѣ студента Якова Момлея была вручена начальству клиники, и, несмотря на протестъ психіатра доктора Браумана, полувылеченный Момлей былъ переданъ въ руки судебной власти.

Когда ему объявили объ этомъ и предложили слѣдовать за полицейскимъ чиновникомъ, несчастный, казалось, ничуть не смутился, и просто и естественно, безъ протестовъ пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Заключенный въ одну изъ секретныхъ камеръ подслѣдственной тюрьмы, онъ продолжалъ тотъ же образъ жизни, т. е. лежалъ по цѣлымъ днямъ на койкѣ, въ какомъ-то нервномъ оцѣпенѣніи, или чертилъ карандашемъ на клочкѣ бумаги анатомическія фигуры.

Насталъ день перваго аффиціального допроса.

Приведенный передъ лицо судебного слѣдователя, въ одну изъ камеръ, помѣщающуюся въ верхнемъ этажѣ суда, Момлей даже не оглянулся, даже не попытокъ узнать куда онъ попалъ. Вниманіе его привлекъ только молодой человѣкъ съ темной бородкой, въ пэнсэ, сидѣвшій рядомъ со слѣдователемъ; это былъ товарищъ прокурора, присланный наблюдать за слѣдствіемъ. Казалось, проницательный взглядъ этого человѣка произвелъ на Момлея сильное впечатлѣніе. Онъ нервно вздрогнулъ и выпрямился.

— Обвиняемый Яковъ Момлей, вы обвиняетесь въ томъ, что въ ночь на 14 февраля сего года,—произнесъ строго слѣдователь:—убили свою знакомую дѣвицу Евфимію Качалову, и затѣмъ надругались надъ трупомъ, разрѣзавъ его на части. Что вы на это скажете?

Момлей вперилъ свои блѣдно зеленые глаза прямо въ глаза прокурора и не отвѣчалъ ни слова на вопросъ слѣдователя, словно дѣло его не касалось.

— Угодно ли вамъ будетъ отвѣчать?!—уже гораздо рѣзче спросилъ слѣдователь. Момлей молчалъ. Онъ фиксировалъ взглядъ прокурора и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ.

— Да отвѣчайте же!—произнесъ товарищъ прокурора, самъ въ свою очередь не спуская взгляда съ обвиняемаго. Онъ отъ нечего дѣлать занимался гипнотизмомъ, медіумизмомъ, и въ извѣстныхъ столичныхъ кружкахъ слылъ даже за медіума.

Слова молодого товарища прокурора, казалось, сильно подѣйствовали на Момлея, онъ вадрогнулъ.

— Спрашивайте, я буду отвѣчать,—глухо, словно дѣлая надъ собой большое усиліе, произнесъ онъ.

— Вы уже слышали вопросъ—отвѣчайте,—проговорилъ прокуроръ и переглянулся со слѣдователемъ.

— Вамъ буду отвѣчать, спрашивайте вы...

— Хорошо, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что убили дѣвицу Евфимію Качалову?

— Фимочку?!—какъ-то нервно произнесъ Момлей.—Развѣ я ее убилъ!.. Я только изъ нея сердце вынулъ!.. Да, да, я только изъ нея сердце вынулъ, въ него забралась змѣя... змѣя забралась... Я хотѣлъ убить змѣю... убить змѣю, она мою Фимочку погубила, погубила!

На глазахъ у обвиняемаго показались слезы.

— Онъ разыгрываетъ роль сумасшедшаго,—тихо шепнулъ слѣдователь товарищу прокурора:—у меня бывали подобные субъекты.

— Почему же вы думали, что какая-то змѣя забралась въ сердце Фимочки?—продолжалъ свой допросъ прокуроръ, не обращая вниманія на слова слѣдователя.

— Развѣ иначе могло быть... развѣ иначе могло быть... Она, моя Фимочка, моя чистая, дорогая, моя невѣста, мнѣ измѣнила! Я долженъ былъ спасти ее... спасти отъ ужасной, черной змѣи, которая ее погубила. Я вынулъ изъ нея сердце и искалъ въ немъ змѣю... змѣю искалъ, но она ушла... постыдно бѣжала... Она скрылась въ руку, я отрѣзалъ руку, она шмыгнула въ голову—я отрѣзалъ голову; ахъ, какъ Фимочка была хороша! Я разрѣзалъ ее на части... Я хирургъ!—воскликнулъ вдругъ Момлей.—Хирургія великая наука!.. Я могу разрѣзать человѣка на части и затѣмъ сшить его, швовъ не увидите... Давайте, я вамъ сейчасъ отрѣжу голову!..

И несчастный бросился къ столу слѣдователей, съ намѣреніемъ схватить кого либо изъ нихъ.

Слѣдователь и писецъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столикомъ, бросились въ сторону, но товарищъ прокурора не потерялся, онъ протянулъ руку впередъ и грозно крикнулъ:

— Ни съ мѣста!

Момлей замеръ въ томъ положеніи, въ которомъ его застало приказаніе прокурора, и съ нимъ началась сильнѣйшая истерика. Не смотря на то, что слѣдователь продолжалъ утверждать, что обвиняемый притворяется, былъ призванъ врачъ и, по его заключенію, Момлей былъ направленъ въ больницу св. Николая для испытанія.

Испытаніе продолжалось долго, наконецъ свѣтила науки рѣшили, что студентъ Яковъ Момлей психически больной субъектъ и могъ въ состояніи невмѣняемости совершить самое кровавое преступленіе, но все таки считаютъ, что состояніе его не безнадежно и излеченіе радикальное—весьма возможно.

Вслѣдствіе этого вердикта людей науки, обвинительная камера судебной палаты постановила: дѣло о студентѣ Яковѣ Момлей, обвиняемомъ въ убійствѣ дѣвицы Евфиміи Качаловой, прекратить и самого его заключить до выздоровленія въ больницу для душевно-больныхъ.

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ точностью. Докторъ Брауманъ, получившій теперь заинтересовавшаго его пациента на свое попеченіе, приложилъ все стараніе, чтобы возвратить несчастному сознаніе. Его старанія не пропали даромъ. Черезъ три года послѣ того, какъ несчастный переступилъ порогъ сумасшедшаго дома, непонимая, куда его везутъ и зачѣмъ, громкій крикъ отчаянья и обильныя слезы горя, хлынувшія потокомъ изъ глазъ пациента, дали знать врачу, что минута сознанія наступила.

Это была ужасная, потрясающая минута. Все бывшее, пережитое, доведшее несчастнаго до умоизступленія и кровавой расправы, разомъ прояснилось въ его душѣ. Ужасъ, отчаянье, невыразимая тоска смѣнила пассивное состояніе больного. Начинался другой, болѣе опасный кризисъ, кризисъ нервный.

Но и тутъ, благодаря искусству доктора, его доминирующей власти надъ больнымъ, ему удалось успокоить его и выздоровленіе пошло быстро.

Карьера его была разбита, здоровье надорвано, страшные эпитеты „сумасшедшій“ и „убійца“ преслѣдовали его всюду и закрывали ему доступъ къ службѣ.

Момлей совсѣмъ палъ духомъ и недалеко былъ отъ мысли о самоубійствѣ, когда докторъ Брауманъ, и по выходѣ пациента изъ больницы продолжавшій слѣдить за нимъ съ отеческой нѣжностью, не открылъ ему новаго благовиднаго пути въ жизненномъ поприщѣ, предложивъ посвятить себя на служеніе страждущему человѣчеству.

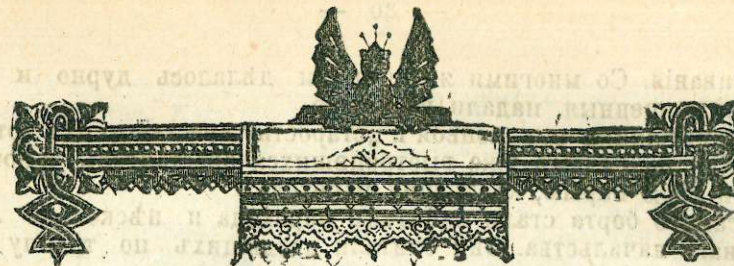
Момлей съ восторгомъ принялъ предложеніе и по рекомендаціи профессора былъ записанъ санитаромъ „Краснаго креста“. Его медицинскія знанія давали ему на это право, а рекомендація профессора дополняла остальное.

Съ этого дня для несчастнаго началась новая жизнь, жизнь полнаго забвенія собственной личности, жизнь лишений и опасностей. Но для него мало было этихъ лишений, этихъ опасностей, ему хотѣлось такого дѣла, гдѣ бы онъ нашелъ полное забвеніе прошедшаго, грознымъ кошмаромъ ежеминутно терзавшаго его душу.

Такого дѣла не находилось, а покой и забвеніе такъ были нужны его измученной душѣ. Онъ все ждалъ и надѣялся.

Надежда не обманула его—дѣло нашлось!

Конецъ пролога.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Барка Харона.

ВРОМАДНЫЙ двухтрубный пароходъ добровольнаго флота „Москва“ стоялъ ошвартованный у одесскаго мола. Необыкновенная дѣятельность царствовала на его палубѣ.

Всюду виднѣлись штыки солдатъ, мундиры офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Громадныя трубы парохода выбрасывали цѣлыя облака чернаго, аловоннаго дыма, окутывавшія словно туманомъ и молъ, и часть бухты.

На оконечности мола, противъ пароходныхъ трапповъ стояла и сидѣла огромная толпа какихъ-то странныхъ личностей, въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ и сѣрыхъ же арестантскихъ фуражкахъ безъ козырьковъ.

Бритыя озлобленныя лица, оковы, нарядъ, стража, все говорило, что эти люди здѣсь не по своей волѣ, и что путешествіе, къ которому они готовятся, не добровольное.

Дѣйствительно, это былъ первый весенній рейсъ парохода, перевозящаго каторжныхъ изъ Одесской пересыльной тюрьмы на далекій Сахалинъ...

Вольные пассажиры перваго и втораго класса, а ихъ было человекъ 10-12, давно уже были на пароходѣ, и теперь начинался послѣдній актъ драмы: посадка арестантовъ на „Барку Харона“, какъ выразился одинъ изъ одесскихъ остроослововъ.

Раздались командныя слова. Сидѣвшіе и стоявшіе на берегу арестанты вострепнулись, послушались рыданія, какія-то жалкія

бавлягиванія. Со многими женщинами дѣлалось дурно и онѣ, какъ подкошенные, падали на землю.

Надсмотрщики изъ конвоя и „старосты“ арестантскихъ артелей побѣждали по рядамъ уже выстроившихся арестантовъ и повели, каждый свою партію, къ траппу парохода.

У самаго борта стали капитанъ парохода и нѣсколько лицъ тюремнаго начальства. Они считали входящихъ по траппу арестантовъ и свѣряли по спискамъ и вѣдомостямъ.

Въ общей каютѣ перваго класса находились: дама среднихъ лѣтъ, полковница Мамаева, вѣдущая къ мужу въ портъ Дуо на Сахалинѣ, двѣ англійскія миссъ, направляющіяся въ Бомбей къ родителямъ, и молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ выразительнымъ лицомъ южанина; онъ казался старше своихъ лѣтъ; это былъ сынъ покойнаго англійскаго консула, сэра Джона Варяга, Генрихъ, кончившій курсъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Новороссійскомъ университетѣ, однимъ изъ первыхъ, по медицинскому факультету, но не практикующій.

Онъ, какъ всѣ предполагали, долженъ былъ получить большое наследство послѣ отца, имѣвшаго помѣстья въ Англіи, но случилось что-то непонятное. Англійскій судъ не призналъ его законнымъ наследникомъ послѣ сэра Джона, и молодой человѣкъ, пробывъ заграницей нѣсколько лѣтъ, вернулся изъ Англіи со всѣмъ разочарованнымъ. Маленькій капиталъ, переданный ему отцомъ за нѣсколько минутъ до смерти, былъ истраченъ на веденіе процесса, и молодой человѣкъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; друзья покойнаго отца, одесскіе негоціанты, которымъ покойный сэръ Джонъ оказывалъ много услугъ, привяли живѣйшее участіе въ судьбѣ его сына, и молодой Генрихъ Варягъ получилъ мѣсто уполномоченнаго корреспондента при Бомбейской факторіи фирмы Брейтъ, Джонсонъ и К^о въ Одессѣ.

Теперь онъ вѣхалъ къ мѣсту своего назначенія и, кромѣ старшаго патрона фирмы, г. Брейта, никто не сопровождалъ его въ дальнее путешествіе. Родныхъ у него не было, сэръ Джонъ былъ старый вдовецъ, навсегда покинувшій Англію, а друзей и близкихъ знакомыхъ у Генриха Варяга не было.

Смуглый, съ черными, какъ смоль, волосами и жесткой курчавой бородой, сэръ Генри, какъ его называли теперь, былъ очень красивъ собой, но во взглядѣ его было что-то непріятное, словно стальное, и это выраженіе еще больше усилилось теперь, послѣ проигранаго процесса.

Путешествіе въ Индію манило его не только обезпеченіемъ, въ смыслѣ большаго жалованія и пая, но также возможностью на мѣстѣ провѣрить всѣ тѣ чудеса, которыя рассказываютъ про таинственную индійскую науку, такъ бережно хранимую браминами и факирами.

Послѣднее обстоятельство, главнымъ образомъ, и побудило его принять предложеніе торговаго дома Брейтъ, Джонсонъ и К^о.

Раздался оглушительный свистокъ парохода. Матросы кинулись убирать траппъ. Капитанъ, съ рупоромъ въ рукахъ, на площадкѣ около трубы, отдавалъ послѣднія приказанія. Съ грохотомъ ползла изъ воды и тащилась по палубѣ массивная цѣпь якоря, вытаскиваемого паровой лебедкой. Группа переселенцевъ, пассажировъ безъ класса, тѣснилась вдоль борта, махая платками и шапками. Слышались отрывчатые восклицанія, порой громкое, долгое рыданіе. Пароходъ тихо повертывался носомъ къ морю. Въ котлахъ слышалось какое-то странное бурчаніе. Машинисты съ масленками въ рукахъ сновали между гигантскими рычагами машинъ.

Капитанъ въ послѣдній разъ оглянулъ палубу парохода—все было въ порядкѣ.

— Впереды!—скомандовалъ онъ громко, приложивъ губы къ разговорной трубѣ, ведущей въ машинное отдѣленіе.

Весь остовъ морского гиганта словно вдрогнулъ. Медленно и плавно задвигались стальные мускулы машины, и пароходъ беззвучно сталъ удаляться отъ пристани.

Многіе изъ присутствующихъ сняли шапки и стали креститься. Даже арестанты, запертые по временнымъ камерамъ, какъ-то сосредоточенно, уныло смотрѣвшіе на приготовленія, теперь словно оживились и стали креститься. У нѣкоторыхъ на глазахъ блеснули слезы. Они не стыдились ихъ... Теперь, въ эту торжественную минуту вѣчной разлуки съ родиной, они не боялись больше вѣдкихъ насмѣшекъ товарищей по неволѣ.

Между тѣмъ, пароходъ, тихо обогнувъ молъ, прошелъ сквозь ворота брекватора и повернулъ прямо на югъ, держа курсъ на Константинополь.

— Полный ходъ!—скомандовалъ капитанъ.

Рычаги заходили чаще, бѣлая облака пара съ ревомъ вылетали изъ трубы, а бѣлая пѣна широкой полосой побѣжала за пароходомъ.

II

Переходъ Океаномъ.

Кромѣ капитана, его помощника и 8 офицеровъ, за главнымъ столомъ помѣстились еще начальникъ пересыльной партіи, его два офицера, медикъ, двѣ сестры милосердія и еще одинъ господинъ съ бѣлой перевязью и краснымъ крестомъ на рукѣ выше локтя. Это былъ санитаръ—доброволецъ, прибывшій изъ Петербурга съ блистательной рекомендаціей отъ тамошняго управленія, очевидно, весьма знакомый съ медициной и посвятившій всю свою жизнь на уходъ за несчастными заразными больными и ранеными. Ему было не болѣе 27-30 лѣтъ отъ роду, но онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ, а впалые, почти потухшіе

глаза и какая-то автоматическая походка не давали возможности предполагать, что въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ имѣется такой громадный запасъ энергіи и силы, о которомъ особенно много говорилось въ реко мѣндаціи петербургскаго начальства.

Проходя въ каютъ-компанію, онъ чуть не столкнулся съ сѣромъ Генри, взглянулъ на него и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Въ свою очередь, сѣръ Генри не безъ удивленія посмотрѣлъ на молодого санитаря. Онъ еще раньше видѣлъ его на палубѣ, когда тотъ осматривалъ вмѣстѣ съ докторомъ арестантовъ. Станный видъ молодого человѣка поразилъ его. Ему еще никогда въ жизни не приходилось видѣть такую „живую мумію“, какъ онъ уже называлъ его. Ему съ первой же встрѣчи пришелъ капризъ испытать надъ этимъ полумертвымъ человѣкомъ силу своего взгляда, и онъ нѣсколько разъ упорно всматривался въ его шею, мысленно приказывая санитару обернуться. И всякій разъ его приказаніе бывало исполнено. Санитаръ, словно повинувшись неодолимому желанію, повертывалъ голову и испуганнымъ взглядомъ искалъ кого-то.

Теперь, встрѣтившись съ сѣромъ Генри въ каютѣ, санитаръ задрожалъ и поблѣднѣлъ, если только безкровное лицо его могло поблѣднѣть.

— А вы уже не первый рейсъ дѣлаете съ „несчастливыми“?—спросила доктора полковница, чтобы какъ нибудь завязать разговоръ.

— Уже четвертый, сударыня, и могу васъ увѣрить, что это послѣдній.

— Почему же, или не хорошо?—любопытствовала дама.

— А вотъ какъ начнутся настоящіе тропическіе жары граду-совъ въ 45 безъ вѣтра, вотъ и возись тогда съ 800 пациентами, при двухъ фельдшерахъ. Вотъ еще, слава Богу, теперь двухъ сестрицъ прислали, да вотъ г. Момлея,—онъ указалъ на санитаря,—а то просто хотѣ отказываться отъ мѣста.

— А вы, monsieur Момлей, первымъ рейсомъ?—обратилась дама къ санитару, сидѣвшему рядомъ съ ней.

— Въ первый,—не глядя на нее, отозвался санитаръ.

— И я тоже, mon Dieu, въ первый разъ на морѣ. Воображаю, какъ будетъ страшно тамъ, на океанѣ, среди дикихъ. Я бы дорого дала, чтобы не ѣхать.

— Что же заставляетъ васъ, сударыня?—переспросилъ врачъ.

— Желаніе моего мужа, онъ жить безъ меня не можетъ.

— И гдѣ же онъ теперь?

— Въ портѣ Дуо... Надѣюсь, мы зайдемъ въ этотъ портъ...

— Разумѣется, это нашъ маршрутъ. Тамъ главная высадка, или вѣрнѣе, главная выгрузка живого товара.

— А вы тамъ были?—радостно спросила доктора полковница.

— Даже жилъ цѣлый мѣсяцъ...

— Вотъ какъ, можетъ и мужа моего встрѣчали—подполковникъ Анисимовъ.

— Александръ Васильевичъ. Какъ же, какже-съ, даже по цѣлымъ ночамъ въ винтъ рѣзались... Отличный человѣкъ... Его тамъ всѣ любятъ... И ужъ играть мастеръ... мастеръ.

Разговоръ во все время обѣда длился на тѣ же темы, что, казалось, ни мало не интересовало ни Момлея, ни сѣра Генри.

Онъ продолжалъ по временамъ пристально взглядывать на Момлея, и тотъ всякій разъ вздрагивалъ какъ-то нервно ежился.

Сѣръ Генри торжествовалъ, онъ нашелъ удивительно чувствительнаго субъекта и надѣялся, что эксперименты надъ нимъ хотя немного поразнообразятъ томительно долгіе часы переѣзда до Бомбея.

Въ арестантскомъ отдѣленіи парохода готовилось что-то весьма внушительное и, вѣроятно, радостное, судя по повеселѣвшимъ взглядамъ арестантовъ. Они были всѣ собраны на верхней, отдѣленной отъ прочихъ рѣшетками, части палубы, и стояли отдѣленіями, подъ начальствомъ своихъ „старостъ“ и смотрителей.

Капитанъ, окруженный осторожнымъ начальствомъ, сошелъ къ нимъ и объявилъ Высочайшую милость, позволявшую капитану, въ открытомъ морѣ, снять съ арестантовъ кандалы на весь переѣздъ до Сахалина.

— Помните, ребята,—обратился онъ къ нимъ рѣзко и твердо:—малѣйшее нарушеніе дисциплины, буйство или своеволие не останется безъ наказанія. Старосты, не оправдавшіе моего довѣрія, пострадаютъ первые. Надѣюсь, что вы покажете себя достойными милости Государя и будете вести себя молодцами.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!—подхватили арестанты и по приказу смотрителя направились къ паровой кузницѣ, гдѣ и началась операція „расковки“.

— Намъ, кажется, придется дѣлать вмѣстѣ этотъ долгій переходъ? Очень пріятно познакомиться... Непрактикующій врачъ, Генрихъ Варягъ!—къ вашимъ услугамъ.

— Яковъ Момлей,—сквозь зубы проговорилъ санитаръ, понимая, что не отвѣчать неловко.

— Медикъ?—переспросилъ быстро англичанинъ.

— А вы почему знаете?—чуть не вскрикнулъ Момлей.

— Чутьемъ узналъ... Вашу руку, коллега!

III.

Знакомство.

Знакомство, завязанное такъ странно сѣромъ Генри съ Момлеемъ, уже не прекращалось. Момлей чувствовалъ неотразимое влеченіе къ англичанину, и въ мѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ не-

обычайный страхъ, когда тотъ взглядывалъ не него своими черными какъ уголь глазами.

Возвращаясь въ какую компанію только къ обѣду, Момлей могъ посвятить дружеской бесѣдѣ съ сэромъ Генри только нѣсколько часовъ, такъ какъ вставать приходилось рано, и въ это время относительной свободы его поминутно отзывали,—надо было удовлетворить то тому, то другому требованію врача, или сестрицъ, передавшихъ всю хозяйственную часть больницы на руки новаго санитаря.

Мелькнули Константинополь, Мраморное море, Яффа, Суэцкій каналъ, Портъ-Саидъ, и только одинъ Момлей, болѣе заинтересованный своимъ дѣломъ, чѣмъ созерцаніемъ дивныхъ панорамъ, открывавшихся на каждомъ шагу, относился къ нимъ болѣе чѣмъ холодно. У него были другія заботы и на душѣ, и на сердцѣ. Въ Портъ-Саидѣ къ числу пассажировъ I класса прибавился еще одинъ. Это тоже былъ англичанинъ, въ шляпѣ-шлемѣ, плетенномъ изъ панамы, и въ жакетѣ невѣроятнаго фасона. Два феллаха едва втащили его массивный, окованный мѣдными полосами сундукъ съ необходимыми вещами гардероба, а пятнадцать такихъ же сундуковъ попроще давно уже были погружены въ трюмъ. На всѣхъ ящикахъ видѣлись никелированныя досчетки, съ фамиліей владѣльца: М-г Robert Malbro.

Высокаго роста, съ рыжими, клочковатыми волосами и чиновничьими бакенбардами, онъ какъ нельзя больше походилъ на одну изъ типичныхъ каррикатуръ на сыновей Альбіона, которыми полны французскіе юмористическіе журналы. И во взглядѣ, и въ походкѣ, а главное въ манерѣ держать себя и говорить, видѣлась привычка повелѣвать, но привычка не врожденная, а напускная, „хамская“. Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ выдающихся по мѣсту чиновниковъ англійскаго правительства въ Индіи, сборщикъ податей въ бомбейской провинціи, возвращающійся туда изъ Англіи, послѣ полугодоваго отпуска.

Пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ до Портъ-Саида, потерпѣлъ аварію и не могъ продолжать путь; слѣдующій рейсъ былъ чрезъ четыре дня, и пунктуальный англичанинъ рѣшился ѣхать на русскомъ пароходѣ, чтобы только прибыть къ сроку.

За таблѣ-д'отомъ, сидя рядомъ съ сэромъ Генри и Момлемъ, которые говорили по англійски, онъ видимо повеселѣлъ и самъ первый вмѣшался въ разговоръ. Сэръ Генри былъ очень радъ новому собесѣднику, но Момлей замолчалъ, словно онъ ревновалъ сэра Генри къ новому знакомому.

Обругавъ и русскій пароходъ, и русскую прислугу, и русскую кухню, м-г Мальбро съ горделивымъ видомъ поспѣшилъ заявить кто онъ, какое мѣсто занимаетъ и подаль сэру Генри свою карточку, на которой значились всѣ его должности и титулы.

— Замашка выскочки, а не аристократа!—мелькнуло въ умѣ сэра Генри, и онъ взаимно подаль свою карточку, гдѣ значилось просто: „D-г Варягъ“.

Узнавъ, что докторъ ѣдетъ въ Бомбей, англичанинъ началъ ругать этотъ городъ, его климатъ, характеръ жителей—туземцевъ, и доказывать, что если бы не они, англичане, то онъ давно бы былъ превращенъ въ пустыни и развалины.

Объ Индіи м-г Мальбро былъ самаго отвратительнаго мнѣнія. По его словамъ, тамъ не было спасенія отъ индѣйцевъ—душителѣй, „тѣговъ“, отъ тигровъ, змѣй, скорпионовъ. Онъ доказывалъ, что тамъ смерть ждетъ cadaго европейца за каждымъ угломъ, и что самоотверженіе европейца, и въ особенности англичанина, мнѣняющаго свое отечество на скаленную природу Индіи, должно быть щедро, очень щедро оплачиваемо!

— О, я дешево бы не взялъ!—воскликнулъ съ гримасой м-г Мальбро. — Но пока правительство не скупится, Индія еще такъ богата!

— И много вы получаете?—полюбопытствовалъ сэръ Генри.

Англичанинъ буркнулъ такую цифру, которая и въ устахъ хвастуна показалась бы чрезмѣрной, но въ дѣйствительности это была правда.

Съ этого дня разговоры объ Индіи часто повторялись между мистеромъ Мальбро и сэромъ Генри, который весьма интересовался страной, гдѣ ему суждено было провести нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и цѣлую жизнь, но взгляды его не сходились со взглядами сборщика податей, видѣвшаго въ своихъ компатріотахъ избранный народъ Божій и спасителей Индіи. Напротивъ того, сэръ Генри, послѣ проиграннаго въ Лондонѣ процесса, душой ненавидѣлъ англичанъ, и хотя самъ принадлежалъ къ той же расѣ, но готовъ былъ забыть свою національность.

У него теперь была одна цѣль—деньги. Составить себѣ положеніе, обезпечить будущее и затѣмъ жить въ свое удовольствіе, не стѣсняясь расходами—вотъ были его идеалы, для достиженія которыхъ онъ пожертвовалъ бы, какъ говорится, всѣмъ святымъ, хотя врядъ-ли у этого матеріалиста и атеиста было что святого!!

Потерянный нравственно, сэръ Генри никогда не стѣснялся ни цѣлями, ни средствами... Только одна перспектива суда и наказанія пугала его; но еслибы онъ былъ увѣренъ въ своей безнаказанности, то совѣсть не помѣшала бы ему пойти на самое кривое дѣло. Потеря процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почти всего капитала, лишала его возможности провести на практикѣ тѣ сложныя и не совсѣмъ чистыя комбинаціи, которыя должны были обогатить его.

Скопить тамъ, въ глуши, въ бомбейской провинціи, вдали отъ цивилизованнаго общества, капиталецъ для оборота, и затѣмъ возвратиться въ Европу, къ аренѣ своей прерванной дѣятельности, стало теперь его завѣтной мечтой...

Кромѣ того, у него была еще цѣль... Онъ давно уже слышалъ и читалъ, что индусскіе брамины обладаютъ таинственными науками, не извѣстными европейцамъ... Проникнуть въ эти тайны, изу-

чить ихъ, и затѣмъ, вернувшись въ Европу, примѣнить на дѣлѣ, какъ средство къ достиженію задуманной цѣли обогащенія, стало его кошмаромъ... Даже теперь, дѣлая опыты надъ Момлеемъ и окончательно покоривъ его своей волѣ, сэръ Генри дѣйствовалъ по задуманной программѣ... Ему нужны были помощники, но помощники, лишенные разума и воли!

Онъ искалъ ихъ

IV.

Индусы на пароходѣ.

Страшный, удушливый жаръ, царившій во все время перехода Чернымъ моремъ, сильно повліялъ на здоровье арестантовъ. Хотя ихъ выводили по нѣсколько разъ на палубу и здѣсь оканивали морской водой изъ бранспойтовъ, но вода была тепла, какъ парное молоко, и эти души помогали мало.

Худенькій и истощенный по виду, Момлей проявилъ столько мускульной и нервной силы, и столько живучести въ борьбѣ съ тропическимъ климатомъ, что удивлялъ всѣхъ видѣвшихъ его за этимъ дѣломъ. Онъ поспѣвалъ всюду, словно забывая объ усталости и голодѣ.

Миновавъ благополучно Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, соединяющій Черное или Красное море съ Индѣйскимъ океаномъ, пароходъ скоро попалъ въ благодѣтельный пассатъ, которой сразу схладилъ раскаленную атмосферу. Ходъ машины удвоился—теперь шли по вѣтру и бѣжали чуть не по 14 узловъ въ часъ, что нѣсколько удивляло м-ра Мальборо, привыкшаго думать, что только одни англичане имѣютъ право обладать быстроходными пароходами.

Капитанъ спѣшилъ въ Бомбей, куда имѣлъ грузъ, и гдѣ въ свою очередь былъ принять уголь для дальнѣйшаго пути. Остановка въ Цейлонѣ была очень кратковременна. Нагрузили нѣсколько живности, угля, да приняли нѣсколько пассажировъ индусовъ.

Пассажировъ индусовъ оказалось человѣкъ десять. Трое изъ нихъ были люди со средствами, и потому, освѣдомившись у капитана, пускаютъ ли индусовъ въ классные пассажиры, и получивъ положительный отвѣтъ, взяли для себя билеты I класса. Остальные помѣстились въ крытыхъ помѣщеніяхъ III класса на палубѣ.

— Достопочтенный м-г. Мальборо спалъ еще, когда произошло помѣщеніе туземныхъ пассажировъ въ особую каюту. Первая встрѣча съ ними была за завтракомъ, и трудно представить себѣ то выраженіе гадливости, презрѣнія и ненависти, которымъ изказилось его лицо, когда онъ увидѣлъ, что трое бронзовыхъ ин-

дусовъ, въ своихъ національныхъ, живописныхъ костюмахъ, помѣстились за тѣмъ же столомъ, что и онъ, гордый представитель британскаго чиновничества.

Забывая всякую деликатность, онъ вскопчилъ со своего мѣста и съ дерзкимъ видомъ подошелъ къ капитану, по обыкновенію занимавшему первое мѣсто за табль-д'отомъ.

— Позвольте узнать, капитанъ,—заговорилъ онъ, чуть не задыхаясь отъ негодованія:—дѣлаете ли вы различіе между нами, англичанами, и этими „неграми“,—онъ жестомъ указалъ на индусовъ.

— Никакого, сэръ,—совершенно хладнокровно отвѣчалъ капитанъ,—они такіе же пассажиры I класса, какъ и вы, а въ Россіи всѣ національности пользуются одинаковыми правами.

— Но, то въ Россіи... Я не хочу знать, что творится въ странѣ бѣлыхъ медвѣдей, а здѣсь...

— Здѣсь вы также находитесь на палубѣ русскаго парохода, здѣсь та же Россія и всѣ національности равны въ своихъ правахъ.

Красный отъ бѣшенства, ушелъ англичанинъ въ свою каюту и заперся въ ней. Индусы прекрасно поняли, что дѣло идетъ о нихъ и съ волненіемъ слѣдили за объясненіемъ капитана съ англичаниномъ. Увидѣвъ результатъ, они воспрянули духомъ и долго-долго говорили между собой на своемъ гортанномъ нарѣчій. Слово „Московъ“ слышалось въ ихъ разговорѣ очень часто.

Когда, наконецъ, завтракъ былъ конченъ и пассажиры разбрелись, кто на палубу, кто по каютамъ, старшій между индусами, старикъ лѣтъ шестидесяти, съ голубымъ знакомъ касты на лбу, подошелъ къ капитану, замѣшавшемуся въ каюту компаніи и, приложивъ руки къ головѣ и груди, проговорилъ, кланяясь въ поясъ:

— Благословеніе великаго Брамъ и его шестидесяти тысячъ пророковъ будь надъ тобою и надъ твоимъ кораблемъ!—проговорилъ онъ на чистомъ англійскомъ языкѣ. — Московъ сильный народъ, великій народъ, они не боятся никого на свѣтѣ, даже рыжихъ собакъ англичанъ! Хвала ему до скончанія міра!

Онъ опять низко поклонился и хотѣлъ отойти, но капитанъ удержалъ его вопросомъ:

— Неужели же англичане не пускаютъ индусовъ на свои пароходы?

— Они относятся къ намъ хуже, чѣмъ къ звѣрямъ, и мы избѣгаемъ ихъ пакеботовъ. Индусу негдѣ искать управы на оскорбившаго его англичанина, суды въ ихъ рукахъ и англичанинъ всегда правъ!

Старикъ еще разъ низко, низко поклонился капитану, его спутники послѣдовали его примѣру. Въ это время въ каюту-компанію вбѣжалъ вахтенный офицеръ и позвалъ капитана по экстренному дѣлу.

Разговоръ прекратился, но долго, долго еще шептались между

собой брамины о величии Москова, и о войнахъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, долженствующихъ явиться съ сѣвера.

Къ двумъ часамъ пополудни зной дошелъ до такого напряженія, что никто не могъ выдержать, не прибѣгая къ душамъ.

Только одни индусы, расположившись на верхней палубѣ, подъ тѣнью тента, казалось, были погружены въ созерцаніе какого-то невидимаго міра—такъ неподвижны и покойны были ихъ лица.

Но вотъ одинъ изъ нихъ нервно вздрогнулъ и сказалъ что-то шопотомъ другому и оба съ изумленіемъ стали всматриваться въ одну точку.

Въ десяти шагахъ отъ нихъ, пассажиры по одиночкѣ подходили подъ душъ и окатывались морской водой. Между ними былъ также и сэръ Генри. Онъ былъ въ купальномъ костюмѣ, но руки его по плечи были совсѣмъ обнажены, и выше локтя на правой рукѣ ясно была замѣтна татуировка.

Старшій изъ индусовъ всталъ съ своего мѣста, и проходя мимо сэра Генри, взглянулъ пристально на татуировку. Онъ не сказалъ ни слова, только взгляды его блеснули радостью. Черезъ минуту онъ возвратился къ своимъ.

— Знакъ богини Шива, онъ „нашъ“,—чуть слышно прошепталъ онъ и снова погрузился въ созерцаніе.

V.

Дружба съ индусами.

Татуировка на рукѣ сэра Генри, возбуждая вниманіе и любопытство индусовъ, состояла изъ двухъ знаковъ, верхняго сянго и нижняго желтаго; этотъ послѣдній, мало отличавшійся цвѣтомъ отъ кожи, былъ замѣченъ Суами Баварата, такъ звали старшаго изъ индусовъ, только на слѣдующій день и въ высшей мѣрѣ возбудилъ ихъ интересъ. Разобрать знаки съ разстоянія было чрезвычайно трудно, даже для острыхъ глазъ индусовъ, а никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ молодымъ человѣкомъ, слѣдовательно не имѣлъ права попросить рассмотреть его поближе. Оставалось одно средство, стать подъ душъ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, и такимъ образомъ рассмотреть безъ его позволенія.

Не смотря на враждебную ненависть къ водѣ, одинъ изъ индусовъ помоложе, Шакирь, по приказу старшаго, сбросилъ съ себя послѣдніе намеки на костюмъ и смѣло сталъ рядомъ съ сэромъ Генри, подъ тепловатыя струи „душа“. Индусъ боялся лишь одного, что сэръ Генри, какъ и всѣ англичане, возмутится такой близостью съ туземцемъ и поспѣшно уйдетъ, но случилось на оборотъ. Воспитанный и долго жившій въ Россіи, сэръ Генри усвоилъ русскую терпимость къ иностранцамъ, и не только не посторонился отъ индуса, но даже заговорилъ съ нимъ, удивляясь,

какъ это онъ и его товарищи не прибѣгаютъ до сей поры къ душамъ.

— Мы привыкли къ солнцу, саибъ,—отвѣтилъ индусъ,—мы не боимся его, оно посылаетъ намъ свѣтъ и жизнь.

— И солнечные удары! Слуга покорный.

Сэръ Генри улыбнулся.

— Развѣ саибъ въ первый разъ направляется въ Индію?—рисковалъ спросить молодой человѣкъ, котораго мы будемъ звать Шакирь, видя, что собесѣдникъ не чуждался его.—По этому знаку на рукѣ, я думалъ, что саибъ былъ уже въ Индіи.

— Да, я былъ въ дѣтствѣ... моя кормилица, какъ говорятъ, была изъ туземокъ... Но кто поставилъ этотъ знакъ на рукѣ, я не знаю... Однако, интересно было-бы теперь узнать, что онъ означаетъ?

Индусъ началъ пристально всматриваться въ знаки. Очевидно то, что онъ разобралъ въ нихъ, очень интересовало и изумило его, но на матовомъ кофейномъ лицѣ его невозможно было замѣтить ни малѣйшаго волненія.

— Да, саибъ,—замѣтилъ онъ послѣ паузы,—эти знаки несомнѣнно индусскіе, верхній есть изображеніе одного изъ божествъ, а нижній знакъ числа и года, который трудно разобрать. Когда будете въ Бомбей и не побрезгаете нами, какъ всѣ англичане, я найду вамъ человѣка, который можетъ прочесть эту надпись.

— А вы? Развѣ не въ состояніи?

— Нѣтъ, саибъ, она сдѣлана на языкѣ „Модъ“, читать и понимать который могутъ только избранные „пандиты“.

— Пандиты? Я первый разъ слышу это слово!

— Это высшіе ученые, свободно читающіе священныя книги „Ведъ“; это великіе брамины, для которыхъ нѣтъ ничего тайнаго ни на землѣ, ни на небѣ.

— О, какъ бы я желалъ познакомиться съ однимъ изъ нихъ!—воскликнулъ сэръ Генри.

— О, саибъ, доступъ къ нимъ труденъ, особенно для васъ, англичанъ,

— Я давно отрекся отъ чести принадлежать къ этой націи!—рѣзко сказалъ молодой человѣкъ.—У меня англійская только фамилія. Я воспитывался въ другой странѣ и самъ научился не признавать разницы между народностями!

— А какъ зовется эта великая страна?—переспросилъ индусъ и глаза его сверкнули.

— Россія!.

Вернувшись къ своимъ, Шакирь не сказалъ въ первый моментъ ни слова. Онъ боялся, что за нимъ слѣдятъ, но черезъ нѣсколько минутъ, всѣ трое удалились на самый носъ парохода, гдѣ никого не было, и усѣвшись на корточки, словно аисты на крышѣ, повели между собою самый оживленный разговоръ. Онъ былъ въ высшей степени интереснымъ и всецѣло относился ко второму, желтому знаку на рукѣ сэра Генри.

— И ты говоришь, что онъ ненавидитъ англичанъ?—переспросилъ Шакира старый браминъ.

— Онъ воспитывался среди москововъ и не гнушается нами, слѣдовательно англичанамъ онъ чужой!

— Значитъ онъ нашъ!—воскликнулъ съ радостью старикъ.—Великъ и всемогущъ грозный Шива, онъ мститъ отцамъ руками ихъ сыновей!

Совѣщаніе продолжалось еще нѣсколько минутъ; результатомъ было то, что Шакиръ послѣ обѣда снова подошелъ къ сѣру Генри и въ знакъ своего особаго уваженія къ его терпимости, предложилъ свои услуги, чтобы устроить его въ городѣ до вступленія въ должность.

— А можетъ быть вы ее и не примете, саибъ,—какъ-то таинственно закончилъ онъ фразу.

— Я васъ не понимаю!—отозвался сѣръ Генри.

— И не надо, дѣло вѣрнѣе словъ, но прошу васъ, что-бы не случилось, не изумляйтесь, а главное не бойтесь, знакъ Шивы на вашей рукѣ предохранитъ васъ отъ всѣхъ случайностей и бѣдъ.

Эти слова были сказаны съ такой наивной вѣрою, что даже скептическій умъ сѣра Генри не рѣшился отнестись къ нимъ съ насмѣшкой. Онъ пожалъ руку Шакира и проговорилъ увѣреннымъ тономъ:

— Я вѣрю въ предопредѣленіе,—что будетъ, то будетъ!

Ночь надвигалась быстро и внезапно, какъ могутъ только спускаться тропическія ночи. Солнце, за нѣсколько минутъ ослѣпительно сверкавшее на горизонтѣ, вдругъ, сразу, нырнуло въ золотую поверхность моря, и чудная, прозрачная, южная ночь настала разомъ, безъ зари, безъ сумерекъ.

Въ темно-синихъ небесахъ зажглись и засверкали миллионы звѣздъ, но не тѣмъ трепетнымъ огнемъ, какъ у насъ на сѣверѣ, а словно мелкія брызги того яркаго солнца, которое только что скрылось за горизонтомъ. На южномъ склонѣ небосвода горѣлъ во всей своей красѣ дивный „Южный Крестъ“, сверкая какимъ-то дивнымъ, непривычнымъ для сѣвернаго глаза блескомъ.

Вдали, на горизонтѣ, то вспыхивая, то исчезая, загорѣлся яркій, красный огонекъ. Это былъ свѣтъ Бомбейскаго маяка, видный слишкомъ на 10 миль.

Вдали, на фосфорически свѣтящейся поверхности моря, показалось узкое темное пятно, приближающееся къ пароходу.

Раздался окликъ. Пароходъ немного уменьшилъ ходъ, и на палубу по веревочной лѣстницѣ взбѣжалъ индусъ громаднаго роста и атлетическаго сложенія. Это былъ лодманъ.

Пароходъ входилъ въ Бомбейскій заливъ.

VI.

Въ странѣ тайнъ.

— Тихій ходъ!—раздалась команда капитана, появившагося на мосткахъ у румпеля.

Рычаги гигантской машины задвигались тише. Клубы чернаго дыма, смѣшаннаго съ паромъ, повалили изъ обѣихъ трубъ. Пароходъ медленно и плавно вступилъ въ Бомбейскую бухту, далеко врѣзывающуюся въ континентъ.

Переговоривъ съ лодманомъ, капитанъ почти совсѣмъ оставилъ машину и рѣшился бросить якорь передъ Бомбеємъ только послѣ разсвѣта. Узкій и извилистый фарватеръ бухты въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ въ году представлялъ серьезныя опасности для кораблей такой осадки какъ „Москва“ и потому осторожность капитана была не излишней.

До разсвѣта оставалось еще слишкомъ три часа, но разумѣется никто не спалъ на пароходѣ, всѣхъ интересовало первое впечатлѣніе Индіи, той Индіи, о которой каждый столько слышалъ или читалъ.

Только одни подневольные пассажиры, запертые по своимъ каморамъ, старались заснуть, насколько это позволяла 40-градусная жара, царившая во 2-й палубѣ, не смотря на вентиляцію. Нѣсколько человѣкъ заболѣли диссентеріей, могущей быстро перейти въ холеру, и Момлей всю ночь возился съ фельдшерами и докторомъ въ лазаретѣ, гдѣ уже недоставало свободныхъ коекъ.

Казалось, онъ былъ радъ этому. Настоящая, давно желанная работа начиналась. Тамъ, гдѣ и у доктора, и у фельдшеровъ отнимались руки и падали силы, въ виду страшной температуры и недостатка чистаго воздуха, тамъ этотъ безкровный человѣкъ, точно весь сотканный изъ нервовъ, проявлялъ столько силы и энергіи, что сильно къ нему привязавшійся врачъ частенько повторялъ:

— Охъ, батенька, не горячитесь, надорветесь!

Сѣръ Генри, давно уже уложившій свой ручной багажъ, сидѣлъ теперь на палубѣ въ нѣмомъ созерцаніи этой дивной, неопикуемой южной ночи, этого волшебнаго хаоса свѣта и тьмы.

Вдругъ сѣръ Генри вздрогнулъ, онъ не видѣлъ, но чувствовалъ, что кто-то сѣлъ рядомъ съ нимъ на скамейку.

Это былъ Суами Баварата.

— Саибъ, простите мою нескромность,—тихо, чуть слышнѣе индусъ по-англійски,—но мы черезъ 2—3 часа придемъ въ Бомбей. Если у саиба нѣтъ еще собственной квартиры то бенгале Суами Баварата къ его услугамъ.

Предложеніе хотя было вполнѣ неожиданно, но очень зачиво. Факторія, куда онъ ѣхалъ, была въ нѣсколькихъ чаа

пути отъ Бомбея, и остановка, хотя бы на короткій срокъ, въ жилищѣ брамина очень улыбалась сѣру Генри.

Онъ согласился.

Индусъ, казалось, былъ въ восторгѣ отъ согласія и тотчасъ сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ. Они быстро и радостно заговорили на своемъ нарѣчьи.

— Въ такомъ случаѣ, саибъ, вы можете поручить весь вашъ багажъ моему ученику Шакиру, онъ все устроитъ и доставитъ ихъ на домъ, а мы немедленно, какъ только остановится пароходъ, направимся къ берегу; надѣюсь, что саибу будетъ въ бѣгале не хуже, чѣмъ въ отелѣ.

Квитанція отъ багажа была вручена Шакиру и онъ съ двумя индусами, изъ палубныхъ пассажировъ, переносилъ ящики поближе къ борту.

Кромѣ предметовъ крайней необходимости, сѣръ Генри никакъ не могъ разстаться съ своимъ физическимъ кабинетомъ и небольшою походной лабораторіей, и предполагая, что они могутъ ему понадобиться въ Индіи, уложилъ ихъ въ нѣсколько ящиковъ и взялъ съ собою. Это стоило ему дорого, но за то онъ теперь былъ увѣренъ, что ему не придется прерывать своихъ научныхъ изслѣдованій.

По мѣрѣ того, какъ приближался разсвѣтъ, лихорадочное движеніе все усиливалось между пассажирами на пароходѣ. Одинъ только сѣръ Генри, да старый браминъ сидѣли по прежнему рядомъ, и послѣдній кратко, но чрезвычайно ловко знакомилъ его съ современной жизнью Индіи.

Пароходъ все еще подвигался впередъ, но чрезвычайно медленно; до берега оставалось не больше версты и рядъ береговыхъ огней обнялъ весь городъ многотысячной цѣпью. Подхѣдили къ гавани. Нѣсколько десятковъ лодокъ всѣхъ величинъ и формъ окружили пароходъ, словно стая птицъ, готовящаяся ринуться на добычу.

Словно по волшебству, звѣзды, сіявшія ослѣпительно ярко на темносинемъ небосклонѣ, какъ-то вдругъ потускнѣли, померкли и совершенно неожиданно красный, ослѣпительный, пылающій дискъ солнца вынырнулъ изъ-за низменнаго берега, пронзилъ ночную темноту острыми палящими лучами и словно прыжкомъ двинулся на свободу.

Яркій день смѣнилъ ночь безъ разсвѣта, безъ зари. Онъ затопилъ въ своихъ лучахъ и даль, и окрестность, и живымъ серебромъ засверкалъ, заискрился на тихой поверхности моря.

Въ ту же секунду, словно по командѣ, толпы лодочниковъ усилились со всѣхъ сторонъ къ пароходу и изъ-за борта на палубу стали прыгать голыя, обожженные солнцемъ кофейныя гурь индусовъ. Назойливость ихъ была такъ велика, что мажорсамъ пришлось пустить въ дѣло пинки и швабры.

— Ну, саибъ, пора отправляться. Наше солнце не шутитъ! — тилъ старый браминъ, передъ которымъ, съ знакомъ великаго почтенія склонялись понашедше на пароходъ туземцы.

Сѣръ Генри не заставилъ себя ждать. Онъ только прошелъ проститься съ Момлеемъ, далъ ему адресъ факторіи и взялъ общіе, на обратномъ рейсѣ „Москвы“, телеграфировать изъ Сингапура. Они разстались какъ большіе друзья и только стонъ одного изъ больныхъ заставилъ Момлея вырваться изъ объятій сѣра Генри.

Быстро сбѣжалъ молодой человекъ по траппу парохода въ большую туземную лодку, въ которой его ожидалъ уже Суами Баварата; десять кофейнаго цвѣта индусовъ налегли на весла и легкое суденышко помчалось срѣлой къ берегу, обгоняя и частныя лодки, и катеръ капитана надъ портомъ, высланный имъ специально принять мистера Мальбро.

Этотъ послѣдній сидѣлъ на расшитыхъ бархатныхъ подушкахъ катера, рядомъ съ офицеромъ въ формѣ, когда сѣръ Генри, со своимъ старымъ браминомъ и нагими гребцами, прольскокнули мимо.

— Это что значить, европеецъ и за панибрата съ индусской собакой? — воскликнулъ офицеръ. — Вы не знаете, сѣръ, кто это?

— Къ сожалѣнію знаю, это англійскій ренегатъ, воспитывавшійся въ Россіи и проникнутый ея духомъ равноправности всѣхъ національностей.

— О, я такъ увѣренъ, что это русскій шпионъ, надо будетъ принять мѣры! — сквозь зубы пробурчалъ офицеръ и что-то черкнулъ въ записной книгѣ.

VII.

Заклинатель змѣй.

Быстро донесли до берега мощные взмахи гребцовъ легкую лодку Суами, и черезъ нѣсколько минутъ цѣлая толпа нагихъ носильщиковъ тащила хозяина и гостя въ закрытыхъ паланкинахъ, по дорогѣ къ „черному“, т. е. туземному городу.

Попавъ въ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, съ страннымъ, не похожимъ ни на что видимое раньше колоритомъ, сѣръ Генри вдругъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ среди этой пестрой, шумящей, бѣгущей толпы.

Онъ жила въ Лондонѣ, привыкъ къ громадному движенію на улицахъ, но та масса народа, которую онъ встрѣчалъ теперь здѣсь, поражала даже самую причудливую фантазію.

Во всѣхъ направленіяхъ проносились паланкины, скакали верховые, проѣзжали запряженные коровами двухмѣстныя тележки, росписанныя яркими цвѣтами и позолоченныя, или, раскачиваясь съ ноги на ногу, мѣрно ступалъ громадный слонъ, кротко повинуваясь каждому слову своего карнака.

Жилище Суами Бавараты было на окраинѣ „чернаго города“

и лежало среди огромного сада, высокая, каменная стѣна котораго съ массивными, мѣдными воротами выходила на улицу, если только можно назвать улицей узкій корридоръ между двумя каменными стѣнами безъ оконъ и дверей.

Едва носильщики поровнялись съ мѣдными воротами, какъ они безшумно отворились, и носильщики, даже не убавивъ шага, вбѣжали въ нихъ съ своими ношами. Оказалось, что Шакиръ съ багажемъ былъ уже здѣсь и, согласно приказанію своего учителя, приготовилъ помѣщеніе для гостя.

Это былъ чрезвычайно кокетливый, отдѣльный павильонъ въ саду, по стѣнамъ и крышѣ сплошь заросшій чудными махровыми розами. Окна вмѣсто стеколъ были завѣшаны тонкой индійской кисеей и во всѣхъ трехъ комнатахъ у потолка были устроены „панки“—родъ громадныхъ вѣровъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ общимъ проводомъ. Безъ „панки“ жизнь въ Индіи была бы невыносимой, и только благодаря постоянному движенію воздуха, производимому ими, европеецъ можетъ существовать въ этой странѣ солнца и змѣй.

Комнаты были убраны въ индусскомъ вкусѣ, и мебель состояла изъ широкихъ дивановъ, покрытыхъ дорогими шалами. Подушки были вышиты разноцвѣтными узорами удивительной красоты, а стѣны украшены арабесками, состоящими изъ фантастическихъ птицъ и звѣрей.

Полусожженный палящими лучами солнца, накалявшими палатки, сэръ Генри такъ обрадовался прохладѣ и тѣни своего жилища, что сердечно поблагодаривъ хозяина, хотѣлъ тотчасъ же растянуться на одномъ изъ дивановъ, но Шакиръ быстрымъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Берегись, саибъ,—сказалъ онъ,—входить въ этотъ домъ, онъ еще не очищенъ!

— Но я вижу здѣсь образцовый порядокъ, послѣ паровой койки и паланкина это чудное гнѣздышко кажется мнѣ раемъ!

— Помни, саибъ, что здѣсь Индія—страна солнца и змѣй!.. Здѣсь гибель поджидаетъ неосторожнаго на каждомъ шагу.

— Я не понимаю васъ.

— Вотъ, видите, саибъ, въ этомъ „бенгалѣ“ жилъ сынъ Суами Баварата, пока не переселился въ другой мѣръ... Съ тѣхъ поръ прошло два года, никто не жилъ въ этихъ комнатахъ и я не могу допустить, чтобы нашъ гость подвергался опасности, которую такъ легко предотвратить.

— Но въ чемъ же эта опасность?—съ удивленіемъ переспросилъ сэръ Генри, который видѣлъ, что покорные индусы, служители Суами, смѣло ходили, даже босыми ногами, по мягкимъ коврамъ его будущаго жилища.

— А вотъ вы сами, саибъ, увидите это сейчасъ.

Съ этими словами онъ обратился къ старому, почти чернокожему факиру, откуда-то появившемуся съ корзиной въ рукѣ. Въ другой онъ держалъ небольшихъ размѣровъ музыкальный инструментъ съ растробомъ на концѣ.

— Приступай къ дѣлу, Озмидъ, это нашъ и другъ Суами Баварата, не стѣсняйся его!—сказалъ Шакиръ на мѣстномъ нарѣчій факиру, и тотъ, даже не взглянувъ на сѣра Генри, подошелъ къ открытымъ дверямъ бенгали, поставилъ корзинку на землю и, присѣвъ на корточки, заигралъ на своей дудочкѣ, извлекая изъ нея довольно пріятные, свистящіе звуки.

— Заклинатель змѣй,—подумалъ сэръ Генри, и въ ту же секунду увидѣлъ, что изъ громаднаго розоваго куста, росшаго прямо надъ дверью бенгали, появилась отвратительная плоская голова большой змѣи, съ широкой раздувающейся шеей. Это была Кобра Капелла, самый опасный видъ въ Индіи. Одновременно во многихъ мѣстахъ, изъ-подъ дивановъ, изъ-за занавѣсокъ, наконецъ, изъ-за подушки, небрежно брошенной на диванъ, показались головы пресмыкающихся, вызванныхъ, повидимому, музыкой. Шакиръ пальцемъ указалъ на этихъ змѣй молодому человеку, но тотъ давно уже съ ужасомъ слѣдилъ за заклинаніями стараго факира. Но вотъ музыкантъ участилъ тѣмъ мелодію, и словно повинувшись какой-то неотразимой силѣ, всѣ змѣи выползли изъ своихъ закрытій и медленно поползли къ старику. Иныя при этомъ поднимались на хвостъ и, казалось, были готовы на него броситься, но старикъ, замѣтивъ этотъ маневръ, взглядывалъ на нихъ своимъ огненнымъ взглядомъ, и змѣи, словно загнипнотизированныя, падали на землю и не подавали больше никакихъ признаковъ жизни.

Черезъ десять минутъ восемь штукъ кобръ и другихъ не менѣе опасныхъ змѣй лежали, словно мертвые, у ногъ старика, и онъ смѣло бралъ ихъ голыми руками и клалъ въ свою корзину.

При этомъ видѣ сэръ Генри чуть не вскрикнулъ.

— Но вѣдь они его могутъ укусыть!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Шакиру.

— Такъ что-же? Для святого факира ихъ укушеніе не опаснѣе комара или мухи.

— Они знаютъ противоядіе?—переспросилъ молодой человекъ.

— Навѣрно не знаю, но могу утверждать, что еще ни разу ни одинъ факиръ, служитель храма богини Кали, не погибъ отъ укушенія ея слугъ!

— Ея слугъ? Я не понимаю.

— А это просто. Змѣя есть вѣрнѣйшій слуга бога Шивы и его грозной супруги!—совершенно простодушно отвѣчалъ Шакиръ.—Убить змѣю въ присутствіи одного изъ служителей великаго бога разрушителя (Шивы) можетъ кончиться очень печально, особенно для европейца.

— Но я слышалъ, что англійское правительство платитъ огромныя деньги за истребленіе змѣй и тигровъ.

— Это вѣрно, саибъ, но только этимъ богомерзкимъ дѣломъ занимаются одни мусульмане да парсы, а правовѣрный служитель Браммы никогда не убиваетъ никакого живого существа.

— Какъ такъ? А откуда же вы берете мясо для стола?

— О, саибъ, мы, служители великаго Брами, никогда не употребляемъ мясной пищи,—съ торжествомъ отвѣчалъ Шакиръ.

Сэръ Генри умолкъ, онъ чувствовалъ, что можетъ на каждомъ шагу сдѣлать промахъ, и направился къ бенгали.

— Ну, что-же, Шакиръ,—спросилъ онъ,—очищенъ-ли домъ?

— Могу поклясться волосами свѣтозарной Рамы, что теперь саибъ можетъ спать покойнѣе, чѣмъ на мягкой постели въ лучшемъ отелѣ Лондона.

Вещи молодого путешественника были уже внесены въ бенгали, предназначенное ему въ жилище, и сэръ Генри, чувствуя потребность въ отдыхѣ послѣ безсонной ночи и всего видѣннаго, быстро прошелъ въ свою комнату и не раздѣваясь бросился на одинъ изъ дивановъ.

Ему хотѣлось сосредоточиться, обдумать свое положеніе и отдохнуть. Послѣднее чувство вдругъ, сразу, охватило его всецѣло, и лишь голова его коснулась подушки, онъ уже спалъ мертвымъ, покойнымъ сномъ.

Возбужденные нервы одни не спали. Они рисовали ему цѣлую вереницу странныхъ образовъ, то чудовищныхъ, какъ кошмаръ, то легкихъ и воздушныхъ, какъ грезы поэта.

Когда онъ открылъ глаза, солнце было уже низко на горизонтѣ, въ бенгали царствовалъ пріятный полумракъ, и маленькій вѣтерокъ отъ „панокъ“, укрѣпленныхъ на потолкѣ, давалъ возможность дышать непривычнымъ къ тропическимъ жарамъ легкимъ.

Сэръ Генри оглянулся кругомъ. Въ комнатѣ никого не было, но лишь онъ открылъ глаза, какъ портьера шевельнулась и за нею показалась курчава голова Шакира.

— Суами Баварата проситъ позволенія войти, ему надо поговорить о многомъ съ саибомъ,—произнесъ индусъ съ поклономъ.

— Пусть войдетъ во имя Божіе!—отвѣчалъ сэръ-Генри, самъ невольно впадая въ тонъ индусовъ.

VIII.

Талисманъ.

На порогъ стоялъ Суами Баварата.

Теперь, въ домашнемъ національномъ костюмѣ, состоящемъ изъ куска бѣлой полупрозрачной ткани, обернутой кругомъ туловища и едва прикрывающей верхъ ногъ, да въ пестромъ платкѣ на сѣдыхъ волосахъ, браминъ совсѣмъ не походилъ на того индусскаго путешественника, котораго привыкъ видѣть ежедневно сэръ Генри.

Всякая роскошь исчезла, теперь Суами ни чѣмъ не отличался отъ тысячи подобныхъ же бѣдныхъ индусовъ, наполняю-

щихъ всѣ улицы Бомбея. Только красный знакъ на лбу изображалъ въ немъ человѣка, принадлежащаго къ высшей кастѣ браминовъ.

Сэръ Генри, вставшій съ дивана, чтобы его привѣтствовать, подалъ ему обѣ руки и сердечно поблагодарилъ за гостепріимство. Это, казалось, тронуло старика, не привыкшаго къ такому обращенію со стороны европейца.

— Отдохнулъ-ли, мой сынъ?—спросилъ онъ довольно нѣжно.— Прости, что зову тебя такъ, мои сѣдые волосы позволяютъ мнѣ называть тебя даже внукомъ!..

— О, благодарю... усталости нѣтъ и слѣда!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—Теперь я готовъ хоть на новый походъ!

— Это не замедлитъ... до зари намъ надо будетъ сдѣлать больше 50 миль!

— Какъ 50 миль? Я слышалъ, что до факторіи нѣтъ и десяти!

— Кто говоритъ о факторіи!—улыбнулся Суами.—Если мой сынъ окажетъ довѣріе мнѣ, я его помѣщу на такое мѣсто, которое ему позволитъ обойтись безъ службы у инглезовъ.

— Хорошо, но прежде чѣмъ сказать тебѣ рѣшительное слово, дозвожь же мнѣ узнать, что заставляешь тебя, ученый мужъ, принимать такое горячее участіе во мнѣ, совершенно тебѣ чужомъ человѣкѣ?—послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ сэръ Генри.

— Ты ошибаешься, мой сынъ,—съ тою же улыбкою отозвался Суами,—ты мнѣ, т. е. намъ, не чужой!.. Знакъ, который ты носишь на рукѣ, показываетъ, что ты родился въ той же высшей кастѣ, къ которой принадлежу я и всѣ высшіе брамины Бомбея и Бенареса!

— Какъ, я!?—почти съ ужасомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Собственно не ты, но твоя мать была изъ высшаго племени Индіи, она была дочь высшаго брамина храма бога Шивы...

— Это быть не можетъ, это ложь!—пробормоталъ сэръ Генри, теряясь въ догадкахъ.—Мой отецъ былъ сэръ Джонъ Варягъ, секретарь при резидентѣ въ Бомбей, баронетъ сэръ Вудбури, а моя мать тоже англичанка—миссъ Ильфордъ, уроженка Лондона, она умерла, когда мнѣ было нѣсколько мѣсяцевъ. Разумѣется, я ее не помню, но хорошо знаю, со словъ отца, что въ ней тоже не было ни капли индусской крови. Знакъ же этотъ, который смущаетъ тебя, ученый Суами, сдѣланъ моей кормилицей, туземкой.

— Все это прекрасно, мой сынъ, твой отецъ могъ именно такъ объяснить и происхожденіе знака, и твое рожденіе, но вѣдь есть возможность провѣрить это; вѣроятно, у тебя имѣются бумаги отца, свидѣтельство о твоёмъ рожденіи, о смерти матери, покажи ихъ мнѣ и все объяснится!

— Въ томъ-то и дѣло, что ихъ нѣтъ, они сгорѣли во время пожара, и отецъ не могъ достать копій... Это и было причиной тому, что меня англійскій судъ, будъ онъ проклять, не утвердилъ въ правахъ наслѣдства послѣ отца и даже не призналъ его сыномъ!

— Вот видишь самъ, ты только подтверждаешь слова мои. То, что ты знаешь о своемъ происхожденіи, передано тебѣ тѣмъ человѣкомъ, который назывался твоимъ отцомъ.

— Какъ? Такъ сэръ Джонъ Варягъ не былъ моимъ отцомъ!— снова воскликнулъ молодой человѣкъ.—Этого быть не можетъ!..

— Не прерывай меня, сынъ мой, и черезъ нѣсколько минутъ ты самъ увидишь, насколько я правъ,—спокойно проговорилъ Суами.—Такъ слушай же: я уже успѣлъ собрать всѣ справки. Отецъ твой, котораго я помню въ Бомбеѣ, потерялъ свою жену, а твою названную мать въ 1855 году, а ты родился въ 1857 году, какъ же это совмѣстить?

— Но почему же ты знаешь годъ? Это ошибка.

— Тотъ, кто пишетъ на перасанскритскомъ языкѣ, не можетъ ошибиться въ годѣ!—улыбнулся браминъ.—Вѣрнѣе, что ты былъ воспитанникомъ сэра Джона, который и усыновилъ тебя.

— Воспитанникъ! Усыновленный! Родился спустя два года послѣ смерти матери!—схватываясь за голову, шепталъ сэръ Генри.— Ты сводишь меня съума! Заклинаю тебя, если ты что знаешь положительнаго, скажи мнѣ, или ты убьешь меня!

— Я долженъ предложить тебѣ еще одинъ вопросъ, мой сынъ, чтобы отвѣчать тебѣ безъ ошибки. Не сохранилось ли у тебя какихъ либо воспоминаній о дальнемъ дѣтствѣ, какихъ либо вещицъ, амулетовъ, талисмановъ? Твой отецъ долго служилъ въ Индіи, можетъ быть въ его вещахъ ты встрѣчалъ что либо, напоминающее Индію?

Сэръ Генри задумался. Дѣйствительно, ему припомнилось, что въ раннемъ дѣтствѣ, на шеѣ у него, на цѣпочкѣ, висѣлъ какой-то амулетъ, и что гораздо позже, перерывая вещи отца, онъ видѣлъ этотъ амулетъ среди разной мелочи, хранившейся въ походной шкатулкѣ отца. Шкатулка была съ нимъ. Онъ нашелъ его въ одномъ изъ ящичковъ, отперъ секретнымъ ключемъ и, порывшись немного, нашелъ и подаль Суами Баваратъ небольшую ладонку, сшитую изъ какой-то уже почернѣвшей теперъ кожи.

Суами, взявъ изъ рукъ сэра Генри этотъ странный предметъ, видимо, вздрогнулъ. То, что онъ искалъ, было въ его рукахъ. Попросивъ разрѣшеніе молодого человѣка, онъ осторожно разрѣзалъ шовъ и вытащилъ изъ мѣшечка сложенный во много разъ кусочекъ пергамента. Вмѣстѣ съ нимъ выпали изъ обертки листочки завявшего цвѣтка.

— Цвѣтокъ лотоса, со священныхъ береговъ Ганга, береги ихъ, сынъ мой, они приносятъ счастье!—увѣреннымъ тономъ произнесъ старикъ и пристально взглянулъ на пожелтѣвшія отъ времени каракульки, которыми былъ исписанъ весь листокъ пергамента.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ недоумѣнія, онъ, казалось, нашелъ ключъ къ пониманію таинственнаго письма и погрузился всѣмъ существомъ въ дешифрованье писаннаго.

Когда онъ кончилъ чтеніе, выраженіе торжества и увѣренности свѣтилось въ его взорѣ.

— Я не ошибся, сынъ мой,—произнесъ онъ торжественно,—ты именно тотъ, кѣмъ я призналъ тебя съ перваго взгляда по знаку на рукѣ. Ты принадлежишь къ нашей великой кастѣ, и если не хочешь больше служить инглезамъ, то наше сердце и наши дома открыты тебѣ. Если ты бѣденъ былъ до этого дня, то помни, кто имѣетъ честь принадлежать къ нашему славному роду, не можетъ быть бѣденъ!

— Но ради великаго Брами, объясни мнѣ, кто же я?—воскликнулъ сэръ Генри, видя, что въ словахъ Суами звучитъ неподдѣльная увѣренность.

— Это ты узнаешь, если хочешь, сегодня...

— Но кто же мнѣ скажетъ это роковое слово?..—теряясь все болѣе и болѣе, переспросилъ сэръ Генри.

— Тотъ, кто одинъ имѣетъ право открыть тебѣ твое происхожденіе.

— Но кто же онъ?.. Кто же онъ?..—допытывался молодой человѣкъ, любопытство котораго было возбуждено до послѣдней степени.

— Я не могу теперь назвать его, мой сынъ, но, клянусь священной книгой „Ведъ“, что онъ ближе тебѣ, чѣмъ тотъ, котораго ты всю жизнь считалъ отцомъ..

— Что же я долженъ сдѣлать для этого?—быстро воскликнулъ сэръ Генри:—клянусь, я готовъ спуститься въ преисподнюю, чтобы разгадать эту загадку!..

— Твое желаніе исполнится, мой сынъ. Если ты чувствуешь довѣріе ко мнѣ, будь готовъ, черезъ часъ мы выѣдемъ, а къ утру будемъ тамъ, гдѣ еще никогда не бывала нога европейца... ъдешь-ли?

— Хоть на край свѣта!—отвѣчалъ сэръ Генри.

IX.

На слонахъ.

Суами Баварата сдержалъ свое слово. Едва солнце опустилось ниже двухъ третей своей полуденной высоты, какъ Шакиръ пришелъ сказать сэру Генри, что все приготовлено для путешествія.

— А гдѣ же Суами?—спросилъ съ удивленіемъ молодой человѣкъ, не видя старика ни на дворѣ, ни на террасѣ.

— Мужъ „свѣта и разума“ уѣхалъ уже часъ тому назадъ, чтобы все приготовить для встрѣчи саиба. Онъ поручилъ мнѣ ему сопутствовать.—При этихъ словахъ Шакиръ поклонился такъ низко, какъ еще никогда не кланялся.

Джекъ—таинственный убійца.

Приготовленія сэра Генри были давно кончены. Онъ взялъ съ собой только необходимое и сунулъ маленькій револьверъ въ карманъ. Видя это, Шакиръ улыбнулся.

— Эта игрушка опаснѣе всего для владѣльца, — проговорилъ онъ съ новымъ поклономъ.

— Но я слышалъ, здѣсь масса тигровъ и всякихъ другихъ звѣрей, — возразилъ сэръ Генри.

— Неужели саибъ думаетъ, что мы, индусы, не сумѣемъ своей грудью защитить близкихъ намъ друзей — гостей! Впрочемъ, какъ угодно.

Сэръ Генри усмѣхнулся въ свою очередь и положилъ револьверъ обратно въ столъ.

Онъ отдавалъ себя въ руки своихъ новыхъ друзей безъ оружія. Ему терять было нечего, взамѣнъ онъ выигрывалъ довѣріе, было изъ-за чего рисковать.

— Что же, неужели мы снова отправимся въ паланкинахъ? — спросилъ онъ, видя, что индусы уже вынесли его дорожный чемоданъ и ружье въ чехлѣ во дворъ бенгали.

— Нѣтъ, саибъ, намъ надо сдѣлать до зари слишкомъ 50 миль, носильщики никогда бы не успѣли.

— Значитъ верхомъ?

— Не совсѣмъ такъ, мы поѣдемъ на слонахъ!

Почти тотчасъ предъ дверью бенгали показались два сѣрыхъ, чудовищной величины, слона. Это не были тѣ мизерные экземпляры царей лѣсовъ, которыхъ сэръ Генри видалъ въ европейскихъ звѣринцахъ, нѣтъ, это были въ полномъ смыслѣ гиганты, выше 5 аршинъ ростомъ, съ громадными клыками, украшенными бронзовыми украшениями. На каждомъ изъ слоновъ былъ прикрѣпленъ павильонъ, съ высокой, конической крышей и полосатыми, непроницаемыми для солнечныхъ лучей занавѣсками. Совершенно голый индусъ-карнакъ сидѣлъ на шеѣ животнаго, упершись ногами въ уши.

Подойдя къ бенгали, первый слонъ, по особому крику своего карнака, медленно и грузно опустился на колѣни, и служители индусы мигомъ поставили къ его крутымъ бокамъ изящную лѣстницу, по которой Шакиръ и предложилъ сэру Генри взобраться въ павильонъ. Усадивъ гостя на мягкомъ шелковомъ диванѣ, Шакиръ хотѣлъ было удалиться и сѣсть со служителями и конвойными на другого слона, и только просьбы, и наконецъ приказаніе молодого человѣка заставили его остаться и сѣсть рядомъ со своимъ гостемъ.

Сэръ Генри не хотѣлъ пускаться въ дальнее путешествіе, въ особенности ночью, въ незнакомой мѣстности, одинъ, безъ опытнаго чичероне, и очень обрадовался, когда Шакиръ согласился.

Онъ подалъ знакъ и они отправились. Два конвойныхъ всадника, въ турбанахъ и съ пиками въ рукахъ, поѣхали впередъ на небольшихъ туземныхъ лошадакахъ, сзади плавно и мѣрно выступалъ слонъ, на которомъ помѣстились сэръ Генри и Ша-

киръ, а второй слонъ, съ конвоемъ и служителями, всего въ числѣ 6 человѣкъ, не считая карнаковъ, заключали шествіе.

Конвой былъ вооруженъ ружьями.

Почти въ тотъ моментъ, когда караванъ выступилъ со двора, солнце спряталось за горизонтъ, и дивная южная ночь быстро вступила въ свои права.

Быстро миновавъ послѣднія городскія зданія и безчисленныя пригородныя коттеджи англичанъ, селящихся по окраинамъ города, наши путешественники стали быстро подниматься на плоскогоріе, обхватывающее всю Бомбейскую бухту. Дорога становилась все уже и уже, и наконецъ, свернувъ въ сторону громадной гряды горъ, видѣвшейся вдали, превратилась въ узкую трѣснину, между двухъ почти отвѣсныхъ скалъ.

Гигантскія пальмы, магноліи, индѣйскія смоковницы видѣлись всюду. Берега встрѣчающихся ручьевъ и многочисленныхъ "танковъ" (родъ прудовъ) были усыпаны группами громаднаго бамбука, достигающаго высоты пятиэтажнаго дома.

Шакиръ посоветовалъ сэру Генри завернуть лицо и руки прозрачною кисеей, которой оказалось у него цѣлый кусокъ, такъ какъ укушеніе микроскопическихъ москитовъ уже давало себя чувствовать.

Сэръ Генри послушался совѣта и хотя сквозь дымку кисеи едва могъ разсматривать окрестности, но за то нападеніе москитовъ прекратилось и онъ могъ дремать покойно.

Шакиръ, дорогой, словно повинаясь какому-то приказу, оказался совсѣмъ не разговорчивымъ и отвѣчалъ односложными словами. Качка слона давала себя чувствовать, возбуждая какую-то странную сонливость. Сэръ Генри не могъ устоять противъ соблазна, и, обхвативъ одной рукой столбикъ балдахина, чтобы не упасть, задремалъ. Шакиръ, пристально слѣдившій за своимъ спутникомъ, замѣтивъ это движеніе, насторожился, и видя, что глаза сэра Генри совсѣмъ закрылись, поднесъ къ его лицу новый кусокъ кисеи, смочивъ его жидкостью изъ небольшого золотого флакона, висѣвшаго у него на груди. Дѣйствіе этого снадобья оказалось мгновеннымъ, дремота молодого человѣка перешла въ крѣпкій сонъ и онъ безпомощно склонился на руки Шакиру.

Тотъ крикнулъ что-то карнаку и мѣрный шагъ слоновъ перешелъ въ крупный бѣгъ. Лошади едва успѣвали поспѣвать за ними въ карьеръ. Качка на слонахъ была такъ велика, что привыкшіе къ ней индусы едва могли держаться на своихъ мѣстахъ.

Шакиръ нарочно далъ наркотическаго зелья путешественнику, чтобы избавить его отъ мученій и усталости переѣзда. Теперь молодой человѣкъ былъ погруженъ въ пріятный, но непробудный сонъ и не ощущалъ ни качки, ни толчковъ, за то ему снились роскошныя, фантастическія картины, полныя радости и счастья.

Два раза останавливались верховные во встрѣчныхъ индусскихъ деревушкахъ, чтобы перемѣнить коней, два раза умные слоны окачивали себѣ голову и брюхо водою, изъ встрѣчныхъ ручьевъ, а бѣшеная жада все продолжалась. Наконецъ, на поворотѣ дороги показались развалины какого-то древняго храма, прислоненнаго задней стороною къ высокому скалистому холму.

Шакирь приказалъ остановиться. Приложивъ руку къ губамъ, онъ извлекъ изъ нихъ дикій, рѣзкій звукъ, чрезвычайно схожій съ крикомъ совы и сталъ прислушиваться.

Гдѣ-то въ отдаленіи этотъ крикъ повторился три раза.

Онъ шепнулъ приказаніе карнаку и тотъ повернулъ слона прямо къ развалинамъ. Пройдя еще около сотни шаговъ, слонъ остановился вторично. Онъ почти упирался въ развалину стѣны громадной, полуразрушенной пагоды и опустился на колѣни.

При помощи слугъ, тотчасъ же приставившихъ лѣстницу, Шакирь бережно сталъ спускаться изъ павильона, держа на рукахъ все еще безчувственное тѣло сэра Генри. Давъ знакъ тремъ индусамъ съ факелами слѣдовать за собой, онъ увѣреннымъ шагомъ вошелъ въ развалины пагоды, и дойдя до середины капища, стукнулъ ногой по одной изъ плитъ. Въ ту же секунду стѣна съ правой стороны раздвинулась, открывая пробитый въ скалѣ темный ходъ. Пославъ впередъ двухъ факельщиковъ, Шакирь смѣло и твердо пошелъ въ него со своей живой ношей.

X.

Прадѣдъ.

Пройдя шаговъ двѣсти по изсѣченному въ скалѣ ходу, Шакирь остановился и снова рѣзко крикнулъ. Очевидно, его слышали, потому что тотчасъ же одна изъ глыбъ, которыя, казалось, лежали здѣсь отъ вѣка, повернулась и открыла узкій проходъ въ стѣнѣ. Въ проходѣ было свѣтло. Шакирь приказалъ факелоносцамъ вернуться обратно, повернулъ въ открывшійся въ стѣнѣ проходъ, и войдя въ роскошный полукруглый покой, отдѣланный со всею утонченностью индусской роскоши, сложилъ безчувственного молодого человѣка на одинъ изъ дивановъ и далъ ему понюхать изъ другого флакона.

Вѣки молодого человѣка вздрогнули, нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Шакирь, казалось, только и ждалъ этихъ признаковъ пробужденія, онъ всталъ и словно тѣнь скользнулъ изъ покоя въ дверь, скрытую драпировками.

Почти въ то же мгновеніе сэръ Генри открылъ глаза и тотчасъ же закрылъ ихъ. То, что онъ видѣлъ на яву, казалось ему продолженіемъ только что видѣннаго сна.

Изъ этого состоянія его вывелъ голосъ Суами Боварата.

— Сынъ мой, — проговорилъ старый факирь, показываясь на порогѣ комнаты, среди двухъ драпировокъ, — если ты отдохнулъ отъ пути, иди за мной, я отведу тебя къ тому, кто одинъ въ правѣ открыть тебѣ тайну твоего рожденія.

Молодой человѣкъ быстро вскочилъ на ноги.

— Но что со мной? Какъ я попалъ сюда? — воскликнулъ онъ, оглядываясь.

— Очень просто, ты заснулъ дорогой, и вѣрный Шакирь принесъ тебя соннаго въ эту комнату. Идемъ же, мой сынъ, онъ ждетъ насъ! — И не давая молодому человѣку совершенно опомниться, онъ быстро повелъ его рядомъ такъ же роскошно отдѣланныхъ покоевъ, къ высокой совершенно круглой комнатѣ, посреди которой возвышалось покрытое дорогими шалами ложе. На немъ возлежалъ сѣдой старикъ, или вѣрнѣе одинъ костякъ старика, весь завернутый въ бѣлую легкую ткань. Сѣдые волосы низко падали ему на шею и еще болѣе оттѣняли бронзовое, исхудавшее лицо этой живой муміи. Голова была увѣнчана бѣлой же повязкою, концы которой спускались на вискахъ, а на лбу видѣлся тотъ же знакъ, что и у Баварата, но только сдѣланный тремя красками, во славу трехъ индѣйскихъ божествъ: Брамъ, Вишну и Шивы.

Увидавъ вошедшихъ, старикъ приподнялся на локтѣ и широко раскрывъ глаза, пристально всматривался въ молодого человѣка.

— Великъ предвѣчный Брама! — съ чувствомъ проговорилъ онъ. — Онъ далъ мнѣ увидѣть тебя... Плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей, подойди ко мнѣ, посланный мнѣ небомъ сынъ мой!

Сэръ Генри, повинаясь какому то внутреннему инстинкту, невольно двинулся къ постели старика и склонился передъ нимъ на колѣни. Онъ внутренне начиналъ чувствовать, что въ этомъ свиданіи кроется что-то весьма серьезное, и рѣшился выдержать роль до конца.

Старикъ, очевидно, обрадовался этому порыву молодого человѣка и, положивъ ему свои костлявыя руки на голову, проговорилъ нѣсколько словъ на своемъ своеобразномъ нарѣчій.

— Я благословляю тебя, мой сынъ, мой внукъ, мой правнукъ, что ты пришелъ во время, чтобы закрыть мнѣ глаза. Я зналъ, что ты придешь, ты не могъ не придти, я ждалъ тебя много, много лѣтъ... Теперь духъ мой можетъ съ миромъ покинуть мое бренное тѣло, твоя рука, согласно пророчеству, закроетъ мои глаза!.. Хвала предвѣчному и безконечному, онъ сотворилъ чудо!

— Заклинаю тебя всѣмъ, что тебѣ мило и дорого, скажи же мнѣ, кто я, кто ты, что связываетъ съ тобой меня — меня, только что прибывшаго въ вашъ край? — въ волненіи проговорилъ сэръ Генри.

— О, сынъ мой!.. Слушай же внимательно, я чувствую, что мои силы слабѣютъ, но я самъ долженъ посвятить тебя въ тайну твоего рожденія. Я великій первосвященникъ браминовъ. Мое имя велико въ народѣ моемъ, я зовусь Паракришна, и вотъ уже сто лѣтъ занимаю это мѣсто. У меня былъ только одинъ сынъ и наслѣдникъ, къ которому долженъ былъ перейти мой санъ и титулъ, но великій Брама не захотѣлъ этого. Онъ переселился въ лучшій міръ, едва достигнувъ шестнадцати лѣтъ, оставивъ на рукахъ моихъ неутѣшную вдову и малютку дочь—твою мать.

— Мою мать!—воскликнулъ сэръ Генри, чувствуя, что отъ волненія у него похолодѣли руки и ноги.

— Не прерывай меня—да, твою мать. Она воспитывалась въ храмѣ великаго Вишну, недалеко отъ Бомбея. Она исполняла обязанность священной танцовщицы храма, и вмѣстѣ съ другими баядерками показывалась народу только въ рѣдкихъ случаяхъ великихъ торжествъ. Тамъ увидалъ ее племянникъ бомбейскаго англійскаго резидента баронета Вудбури, сэръ Артуръ Вудбури, и влюбился въ нее безъ памяти.

Въ это время чаша долготерпѣнія угнетеннаго народа переполнилась, мы возстали противъ ненавистныхъ англичанъ. Сотни, тысячи ихъ погибли подъ ударами возставшихъ индусовъ и сипаевъ; часть семейства сэра Вудбури была перебита, самъ онъ бѣжалъ на корабль, а сэръ Артуръ искалъ спасенія въ храмѣ, гдѣ жрицей была моя дочь. Сердце женщины темнѣе глубины морской... Не знаю, что руководило въ эту минуту волей моей дочери, но она укрывала искавшаго спасенія въ храмѣ англичанина, а когда ворвавшіеся вслѣдъ за нимъ сипаи требовали его выдачи, объявила, что беретъ его въ мужья! Она имѣла на это право... Я умолялъ, заклиналъ ее измѣнить этому рѣшенію, но она была неумолима, и я самъ долженъ былъ заключить ихъ бракъ, по обычаю и законамъ нашимъ!.. Онъ остался въ храмѣ живой и невредимый, въ то время, когда его соотечественники погибали кругомъ! Не долго продолжалось наше торжество...

Не прошло и года, англичане ворвались къ намъ съ новыми силами и завалили трупами всю Индію! Что говорить о тѣхъ жестокостяхъ, которыя они совершали, тигры, ставъ людьми, въ придумали бы подобныхъ... Мы бросили наши храмы и бѣжали въ горы, но и тамъ пули ихъ достигали нашихъ дѣтей и женщинъ. Сэръ Артуръ въ это время такъ привязался къ своей женѣ, что не хотѣлъ ее оставить и бѣжалъ вмѣстѣ съ нами. Шальная пуля сразила его, и онъ только успѣлъ написать нѣсколько строкъ на своей карточкѣ, передать ее женѣ и умереть. Прошло еще около мѣсяца, мы съ дочерью скрывались по пещерамъ, какъ дикіе звѣри, отъ преслѣдованія, и въ это время моя дочь родила мальчика,—это былъ ты!..

Невольный крикъ вырвался изъ груди сэра Генри, но онъ

рѣшился перебивать старика, силы котораго, видимо, слабѣли.
— Я, я самъ, пойми ты, сдѣлалъ тебѣ на плечѣ и рукѣ эти знаки, чтобы отыскать тебя среди тысячъ... И я не ошибся... Не ошибся!..

Слезы покатались изъ глазъ старика.

— Но слушай, слушай дальше... Однажды мы пробирались, спасаясь отъ погони, изъ развалинъ одного храма въ другой. Вдругъ мы нечаянно наткнулись на отрядъ красныхъ мундировъ. Раздался залпъ, я успѣлъ броситься въ извѣстное мнѣ подземелье, но дочь моя была настигнута пулей и, смертельно раненая, захвачена вмѣстѣ съ ребенкомъ въ плѣнъ. Нѣсколько чело-вѣкъ бросились къ ней, чтобы прикончить и ее, и ея ребенка прикладами, но тутъ вмѣшался въ дѣло инглець не въ мундирѣ—онъ остановилъ разъяренныхъ палачей и взялъ на руки ребенка—тебя. Моя дочь собрала остатокъ силъ, подползла къ его ногамъ и подала ему записку твоего отца; она сильно повліяла на англичанина, онъ протянулъ руку моей умирающей дочери и произнесъ:—Клянусь, я заступлю мѣсто отца сыну моего друга.—Изъ-за своего закрытія я самъ слышалъ эти слова!..

— Но кто-же былъ этотъ человекъ?—быстро спросилъ сэръ Генри, начинавшій связывать конецъ этой порванной нити.

— Это былъ твой названный отецъ, сэръ Джонъ Варягъ, ближайшій другъ покойнаго сэра Артура Вудбури, твоего законнаго отца!

Казалось, этотъ длинный рассказъ сильно утомилъ старика, онъ какъ-то нервно вздрогнулъ и вытянулся на своемъ ложѣ. Глаза его закрылись.

Сэръ Генри снова бросился на колѣни передъ старикомъ. Теперь онъ болѣе не сомнѣвался—старый браминскій первосвященникъ былъ его прадедомъ.

XI.

Подарокъ.

Замѣтивъ критическое состояніе, въ которомъ находился больной старикъ, Суами Баварата бросился къ нему и, снявъ съ груди небольшой флаконъ, оправленный въ золото, открылъ его, приложилъ палецъ къ отверстию и смочивъ его красноватой жидкостью, осторожно потеръ оба виска старика. Острый, но весьма благовонный запахъ разнесся по комнатѣ. Тѣло старика перестало судорожно вдрагивать и лицо его приняло болѣе спокойное выраженіе.

Онъ спитъ и будетъ спать три часа, его не надо беспокоить,—шепотомъ проговорилъ Баварата, обращаясь къ сэру Генри, все еще стоявшему на колѣняхъ.—Пойдемъ, мой сынъ, я долженъ

пояснить тебѣ многое, чего не успѣлъ рассказать тебѣ великій Паракришна.

Сэръ Генри молча отправился за старымъ факиромъ, личность котораго все больше и больше выростала въ его глазахъ.

— Вѣришь-ли ты теперь,—началь Суами, когда они расположились на диванъ въ той самой комнатѣ, куда Шакиръ внесъ соннаго путешественника:—вѣришь-ли ты теперь, что ты не сынъ сэра Джона, а только его приемышъ?

— Вѣрю, безусловно вѣрю, это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что англійскій судъ, за отсутствіемъ доказательствъ рожденія, не призналъ меня законнымъ наслѣдникомъ... Теперь я многое понялъ. Но позволь спросить тебя: отчего же Паракришна раньше не заявилъ о своемъ родствѣ со мной, отчего мой приемный отецъ никогда не намекалъ мнѣ объ этомъ?

— Твой приемный отецъ былъ лучшимъ изъ инглезовъ, которыхъ только я зналъ,—съ чувствомъ проговорилъ Баварата:—что же касается стараго Паракришны, то могъ ли онъ показаться инглезамъ тогда, тотчасъ же послѣ усмиренія возстанія, когда даже теперь, 28 лѣтъ спустя, онъ долженъ скрываться въ подземныхъ храмахъ великаго Вишну; чтобы не попасться на глаза нашимъ безжалостнымъ гонителямъ. Голова его оцѣнена высоко... Къ тому же твой приемный отецъ скоро уѣхалъ изъ Индіи и мы уже оплакали тебя, какъ умершаго. Но ты теперь снова межъ насъ. Ни люди, ни годы, ни воспитаніе не могли уничтожить кровное сродство между тобой и нами, ты не чуждаешься насъ... И это больше всего насъ радуетъ! Ты воспитанъ въ другомъ обществѣ, въ другой религіи, но и мы, высшіе брамины, мы вѣримъ только въ одного великаго, безконечно существующаго Бога, который все создалъ и къ которому все созданное стремится...

Долго бы еще Суами проговорилъ съ сэромъ Генри на эту тему, если бы молодой человѣкъ не перебилъ его рѣчь, прося отъ общаго вопроса вернуться къ частному и касающемуся его лично.

— Ты правъ, мой сынъ,—отозвался Суами:—вопросы теологическіе могутъ подождать, а личные нѣтъ... Время бѣжитъ и минуты жизни великаго Паракришны сочтены. Теперь, когда пророчество исполнилось, когда онъ увидѣлъ тебя, своего послѣдняго потомка, когда ты не отвергъ его и готовъ закрыть ему глаза, онъ не станетъ больше противиться смерти, и скоро освободится изъ этой брэнной оболочки. У меня есть одна просьба до тебя—не покидай его до этого великаго часа, закрой ему глаза, и благодарность всѣхъ насъ, его близкихъ и друзей, будетъ съ тобою на всю жизнь!..

— Я готовъ, но какъ же мнѣ быть съ порученнымъ мнѣ дѣломъ? Я уже телеграфировалъ изъ Одессы о своемъ выѣздѣ на факторію!

— О, сынъ мой, если только это тревожитъ тебя, то успокойся,

я дамъ знать туда, что тебя задержали дѣла на нѣсколько дней въ Бомбей, а этимъ временемъ ты исполнишь свою священную обязанность.

— Какъ, развѣ мой старый родственникъ...

— Это будетъ чудомъ, если онъ проживетъ еще два дня,—отозвался Баварата:—припадокъ, подобный сегодняшнему, не можетъ повториться безнаказанно два раза!

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я остаюсь,—твердо проговорилъ сэръ Генри,—священные узъ родства для меня важнѣе денежныхъ расчетовъ.

— Прекрасно сказано, сынъ мой!.. Въ одномъ могу поклясться тебѣ, ты не расквѣшься въ своей рѣшимости. Теперь еще спрошу у тебя, хочешь ли ты, чтобы твое родство съ умирающимъ было торжественно заявлено передъ старшинами нашей касты? Хочешь ли ты вступить въ число братьевъ хранителей священныхъ храмовъ Вишну? Это тебя ни чему не обязываетъ, кромѣ клятвы сохранить въ тайнѣ то, что ты увидишь и услышишь.

— О, разумѣется. Вашъ по плоти и по крови, я хочу быть вашимъ и по духу. Я такъ глубоко ненавижу чопорную Англію и всѣхъ англичанъ, что готовъ всецѣло посвятить себя на освобожденіе моей несчастной родины.

Сэръ Генри сказалъ эту фразу съ такимъ выраженіемъ искренности, что Суами бросился ему на шею и обнялъ его.

— Но что скажутъ на это англичане, если узнаютъ, что ихъ соотечественникъ сталъ открыто на сторону ихъ враговъ?

— Во первыхъ, они узнаютъ ничего не могутъ. „Наши“ друзья, даже умирая, не выдаютъ тайнъ. Во вторыхъ, кто же мѣшаетъ тебѣ официально считаться вѣрноподданнымъ императрицы Великобританіи и Индіи, и даже являться на рауты и балы резидента и нашего бывшаго спутника м-ра Мальбро, сборщика податей, самаго безпощаднаго вора во всей Индіи!

— Подъ видомъ кого-же?

— Подъ видомъ самаго совершеннаго джентльмена соединенныхъ королевствъ и уполномоченнаго торговаго дома Джонсонъ въ Одессѣ.

— А мои обязанности относительно васъ и братіи браминовъ?

— Держать открытый домъ, принимать всѣхъ, имѣющихъ какое-либо касательство къ дѣламъ управленія страной, устраивать праздники и рауты.

— Но для этого нужны капиталы, а ты знаешь самъ, что только потеря состоянія заставила меня принять мѣсто въ Индіи.

— Ты гораздо богаче, чѣмъ былъ!—съ усмѣшкой проговорилъ браминъ.—Вотъ тебѣ пока подарокъ отъ твоего прадѣда, великаго Паракришны; онъ заготовилъ его еще утромъ.—Баварата подаль сѣру Генри вексель, на предъявителя, на отдѣленіе лондонскаго банка въ Бомбей, подписанный лондонскимъ Ротшильдомъ, на 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Сэръ Генри чуть не вскрикнулъ—такого капитала ему еще и не снилось.

Баварата замѣтилъ невольное движеніе молодого человѣка.
— Это только начало,—проговорилъ онъ,—мы не умѣемъ дѣлать дѣла на половину... пусть удастся наше дѣло и всѣ сокровища Голконды будутъ у ногъ твоихъ.

— Изволь, я готовъ... Скажи, что долженъ я дѣлать, чтобы заслужить и оправдать ваше довѣріе?

— Выполни три клятвы, на которыхъ зиждется всякое дѣло.

— Но какія же? Какія же?—добивался молодой человѣкъ.

— Послушаніе, терпѣніе и.. молчаніе!—строго проговорилъ Баварата.

XII.

Посвященіе и клятва.

Великій первосвященникъ Суами Паракришна, какъ и предполагалъ Суами Баварата, уже очнулся отъ обморока и очень обрадовался, когда его другъ, старый браминъ, сообщилъ ему вѣсть о томъ, что сынъ его внуки согласился примкнуть торжественно къ ихъ кастѣ и поклялся въ вѣрности ея уставамъ.

Чувствуя паденія силъ, онъ потребовалъ, чтобы церемоніальнаго принятія и посвященія новаго члена состоялся въ ту же ночь, въ подземныхъ храмахъ, около которыхъ онъ и самъ проживалъ.

Суами Баварата, удалившись съ сэромъ Генри въ отдаленный покой, въ теченіи цѣлага дня подготавливалъ молодого неопита къ роли, которую ему придется играть, и убѣдилъ его даже снять для церемоніи европейскій костюмъ и облачиться въ индусскій, гораздо болѣе подходящий для торжественной церемоніи.

Ясно, что являясь въ храмъ и принимая благословеніе своего престарѣлаго родственника, онъ не могъ быть иначе, какъ въ національномъ костюмѣ и съ знакомъ касты на лбу. Этотъ значекъ ему нарисовалъ кистью его менторъ.

Когда сэръ Генри, одѣтый въ туземный костюмъ, со знакомъ Шивы на лбу, взглянулъ на себя въ зеркало—онъ даже испугался, такъ мало теперешній индусъ напоминалъ бѣлаго европейца.

— Помни, что тебя звать Суами Гарашава, что ты никогда не забывай своего происхожденія, и что ты пріѣхалъ въ Индію, чтобы заняться изученіемъ родного языка, который забылъ на чужбинѣ.

Сэръ Генри только наклонилъ голову вмѣсто отвѣта. Онъ продолжалъ разсматривать себя въ зеркало, и къ удивленію своему

находилъ, что и по цвѣту кожи, и по блестящимъ чернымъ волосамъ, и по громаднымъ чернымъ глазамъ, онъ дѣйствительно больше походилъ на индуса, чѣмъ на европейца.

— Еще не время, наши еще не собрались въ храмъ, настаетъ часъ—насъ увѣдомятъ,—отвѣчалъ Суами, и вновь началъ объяснять многое, что казалось непонятнымъ молодому неопиту въ области индусскихъ легендъ и сказаній. Рѣшившись до конца разыграть свою роль, сэръ Генри дѣлалъ видъ, что слушаетъ своего учителя съ величайшимъ вниманіемъ, и не прерывалъ его ни вопросами, ни замѣчаніями.

Баварата, увлекшись рѣчью учителя и проповѣдника, казалось, совсѣмъ забылъ про время, когда вдругъ мѣрные, глухіе удары, похожіе на звонъ отдаленнаго колокола, раздались въ покоѣ. Они словно выходили откуда-то изъ стѣны, или изъ-подъ пола.

— Пора, всѣ въ сборѣ, насъ ждутъ!—проговорилъ Суами и быстро всталъ съ дивана. Сэръ Генри сдѣлалъ тоже.

— Ну, Суами Гарашава, иди за мной, я буду твоимъ проводникомъ.—Съ этими словами Баварата взялъ со стола причудливаго вида свѣтильникъ, зажегъ его и направился къ двери, скрытой портьерой, въ которую Шакиръ внесъ спящаго путника.

Дверь, до той поры не замѣтная, медленно скользнула въ сторону, а за ней открылось зияющее узкое отверстіе, куда смѣло направился Суами Баварата. Сэръ Генри покорно и молча за нимъ послѣдовалъ.

Долго двигались они по безконечнымъ извилистымъ корридорамъ, просѣченнымъ въ цѣльной скалѣ, поднимались по каменнымъ лѣстницамъ и отпирали запертыя двери. Звонъ колокола становился все явственнѣе, все ближе. Наконецъ Суами отворилъ послѣднюю дверь, искусно скрытую за выступомъ гранита, и взойшелъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ въ небольшую, но роскошно убранную и освѣщенную комнату. Колоколь гудѣлъ теперь, казалось, въ нѣсколькихъ шагахъ.

Суами осторожно раздвинулъ драпировки, висѣвшія по стѣнамъ на сторонѣ, противоположной входу, и сэръ Генри съ удивленіемъ разсмотрѣлъ, что они находятся въ небольшой камерѣ, отдѣленной только занавѣской отъ не очень большаго, но чрезвычайно роскошно отдѣланнаго храма, наполненнаго индусами въ бѣлыхъ кисейныхъ тюбанахъ на головахъ.

Громадное золотое или бронзовое изображеніе какого-то божества, съ четырьмя головами и 4 парами рукъ, видѣлось вдали, прямо насупротивъ. Тутъ же, въ самомъ центрѣ храма, стояло нѣчто вродѣ трона или золоченаго кресла, и на немъ, съ жезломъ въ рукахъ, возсѣдалъ первосвященникъ, высшій браминъ, въ блестящей брилліантами и драгоценными камнями повязкѣ. Алмазъ огромной величины сверкалъ на ручкѣ его жезла и при каждомъ движеніи сыпалъ миллионы искръ.

Вглядываясь пристально въ черты главнаго брамина, сэръ

Генри сразу узналъ его. Это былъ его прадѣдъ, столѣтній Суами Паракришна, уже болѣе двадцати лѣтъ не появлявшійся на торжественномъ богослуженіи въ подземномъ храмѣ Вишну.

Вѣсть о томъ, что самъ Паракришна хочетъ лично присутствовать въ храмѣ, быстро облетѣла всѣхъ суами и браминовъ высшихъ степеней, живущихъ въ окрестностяхъ храма и въ его подземельяхъ, не мудрено, что къ назначенному часу всѣ, кто только имѣлъ право присутствовать на подобныхъ торжествахъ, а ихъ было не много, собрались въ храмѣ.

— Братъ и дѣти мои!—раздался тихій, но внятный голосъ Паракришны.—Уже сто десять разъ солнце вступило въ знакъ скорпіона съ тѣхъ поръ, какъ духъ мой воплотился въ это тѣло, великій Шива не посылаетъ мнѣ освобожденія отъ этого земного вещества. Вы всѣ знаете, что было мнѣ предсказано моимъ предшественникомъ, Суами Наврагатой, что мнѣ въ послѣдній разъ закроетъ глаза мой кровный, плоть отъ плоти моей, кость отъ кости моей... Сынъ, единственное дитя мое, умеръ юношей, его единственная дочь была убита инглезами, но младенецъ, рожденный ею, котораго и вы всѣ, и одно время и я самъ считали тоже погибшимъ,—нашелся. Воспитанный въ другой странѣ, въ другой вѣрѣ, онъ не гнушается нами, онъ хочетъ быть „нашимъ“, онъ хочетъ теперь, сейчасъ, сію минуту предстать передъ вами и повторить священные слова клятвы! Допускаете ли вы его до этого, дѣти мои и братья?..

Нѣсколько высшихъ браминовъ - отшельниковъ, стоявшихъ отдѣльно отъ остальныхъ и имѣвшихъ одни право разговаривать съ великимъ первосвященникомъ, переговорили между собой и изъ среды ихъ выдѣлился человѣкъ громаднаго роста, но ужасной худобы, скорѣе похожій на остовъ человѣка.

— Если ты, святой прозорливецъ, призналъ его своимъ кровнымъ, не намъ спорить противъ этого!.. Пусть будетъ по слову твоему!—проговорилъ онъ и, отдавъ низкій поклонъ Паракришнѣ, снова ушелъ къ своимъ товарищамъ.

— Суами Баварата, введи сюда кровнаго моего, пусть совершится признаніе его передъ лицомъ великаго Вишну!—снова раздался повелительный голосъ старика.

— Пора!—проговорилъ тихо Баварата, обращаясь къ сѣру Генри.—Помни то, чему я тебя училъ!

Онъ взялъ его за руку, разомъ откинулъ занавѣски и повелъ молодого человѣка на середину храма.

XIII.

Братство.

Все стихло при видѣ вошедшихъ. Сѣръ Генри, въ своемъ индусскомъ костюмѣ и со знакомъ касты на лбу, ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ браминовъ, и только болѣе свѣтлый цвѣтъ тѣла давалъ чувствовать примѣсь другой, болѣе сѣверной расы.

Баварата повелъ его къ трону, на которомъ возлежалъ Паракришна, и сѣръ Генри, продолжая съ точностью выполнять свою роль, снова преклонилъ колѣна предъ старикомъ.

— Встань, сынъ мой, и произнеси обѣтъ передъ великимъ и грознымъ богомъ Вишну!—раздался тихій голосъ первосвященника, и онъ жезломъ чуть коснулся его плеча.

Тотчасъ Баварата съ одной стороны и тощій аскетъ браминъ съ другой взяли его за руки и повели предъ огромнаго идола Вишну, помѣщавшагося на возвышеніи въ центрѣ храма.

Хоръ браминовъ запѣлъ древнюю молитву „Мантру“ и Баварата отъ лица всего собранія спросилъ у неофита громко и твердо:

— Желаетъ ли вступить въ наше братство, на что тебѣ даетъ право твое рожденіе?

— Желаетъ!—отвѣчалъ громко сѣръ Генри.

— Клянешься ли ты никому и никогда даже на смертномъ одрѣ не открывать того, что ты увидишь и услышишь среди насъ?

— Клянусь!—также твердо проговорилъ молодой человѣкъ.

— Знаешь ли ты чему подвергаешься, если измѣнишь этой клятвѣ?

— Знаю!—нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ отозвался онъ.

— Смерти! смерти! смерти!..—загремѣлъ хоръ браминовъ. Раздался рѣзкій звонъ тамъ-тама, и всѣ присутствующіе разпростерлись передъ восьмирукимъ истуканомъ. Сѣръ Генри не отставалъ отъ другихъ; теперь съ чекомъ на груди, съ надеждами впереди, онъ готовъ былъ кланяться цѣлыми днями золотому тельцу.

Браминны, предшествуемые трубачами, музыкантами, бившими въ тамъ-тамъ, въ мѣдныя тарелки своеобразной формы и треугольники, цѣлой сотней пестро и великолѣпно разряженныхъ священныхъ танцовщицъ, причисленныхъ къ этому храму (бандерками), повели сѣра Генри вокругъ всего храма, останавливаясь около каждаго выдающагося идола Брамъ, грознаго Шивы, съ шеей, оплетенной страшнымъ ожерельемъ изъ змѣй, его жены, кровожадной богини Кали, и многимъ второстепеннымъ богамъ. и воспѣвая „Мантры“.

Одна изъ баядерокъ, одѣтая въ короткій костюмъ ярко-оранжеваго цвѣта съ чернымъ и золотомъ, совсѣмъ околдовала его блескомъ своихъ таинственныхъ, темныхъ глазъ и змѣиною гибкостью своихъ граціозныхъ, но дикихъ движеніи. Два раза онъ чувствовалъ на себѣ ея взоръ, и взгляды ихъ оба раза встрѣтились. О, въ этотъ мигъ сѣръ Генри забывалъ все и всѣхъ, если бы ему не шепнули на ухо Баварата:

— Опомнись—всему свой чередъ!

Эти таинственные слова, поманивъ его далекой надеждой, казалось, обожгли его внутренно.

Кортежъ, сдѣлавъ три тура вокругъ центральнаго идола, остановился наконецъ противъ трона стараго Паракришны.

— Принять ли кровный мой вами, братья и дѣти?!—спросилъ старикъ.

— Принять!—отозвались въ одинъ голосъ брамины, и подъ гулъ трубъ и барабановъ, Баварата и сухой аскетъ подвели сѣра Генри вторично къ трону старика.

Старикъ приподнялся на ложѣ, и собственноручно приготовленной кисточкой прибавилъ нѣсколько черточекъ къ знаку, сдѣланному Баваратой на лбу молодого человѣка.

— Теперь, передъ лицомъ великихъ боговъ нашихъ Брами, Вишну и Шивы, объявляю тебя моимъ правнукомъ и членомъ нашего священнаго братства!

Онъ положилъ обѣ руки на голову сѣра Генри и обнялъ его своими исхудалыми руками.

— Да будетъ благословенъ всемогущій Вишну, пославшій мнѣ такое утѣшеніе на старости лѣтъ!!—Съ этими словами онъ надѣлъ ему на шею маленькій золотой флакончикъ, такой же, какой мы видѣли у Бавараты.—Теперь, сынъ мой, ступай и займи мѣсто среди равныхъ тебѣ, и пусть этотъ великій день для меня завершится пиромъ.

По знаку, подааному какими-то невидимыми распорядителями, младшіе брамины, служители храма, внесли накрытые столы, заставленные драгоценными сосудами съ фруктами и рисомъ во всѣхъ формахъ и видахъ. Брамины, не употребляя въ пищу ни мяса, ни рыбы, умѣютъ изъ риса, хлѣба, картофеля и молока готовить удивительныя по вкусу и разнообразію кушанья.

Едва успѣли гости—брамины увѣчаться гирляндами цвѣтовъ и помѣститься за трапезу, какъ раздались звуки довольно пріятной, даже для европейца, музыки и тѣ-же дѣвы танцовщицы, которыя участвовали въ церемоніи, по-парно появились вокругъ столовъ и закружились въ самыхъ прихотливыхъ, упоительныхъ танцахъ.

Ихъ глаза горѣли, манили, дразнили пирующихъ, но, увы, молодыхъ между присутствующими было мало, но даже у старыхъ браминовъ-аскетовъ начали разгораться глаза при взглядѣ на соблазнительныя движенія и полныя дикой прелести танцы полунагихъ красавицъ.

Маленькіе бубенчики, пришитые къ ихъ костюму, тихо брнчали, сливаясь съ звяканьемъ золотыхъ браслетъ на рукахъ и ногахъ. Съ каждымъ моментомъ мелодіи становились быстрее и сладострастнее. Танцовщицы вились теперь, почти касаясь своими одеждами пирующихъ. Запахъ одуряющихъ благовоній до неистовства возбуждалъ нервы. Сѣру Генри казалось, что та самая баядерка въ оранжевомъ съ чернымъ костюмъ, которую онъ замѣтилъ еще во время церемоніи, старается держаться возможно ближе отъ него, пронзая его своими огненными, таинственными глазами. Она два раза слегка коснулась своими руками его рукъ и онъ почувствовалъ словно ударъ электрическаго тока. Такъ музыканты сдѣлались дикимъ, бѣшеннымъ, порывистымъ. Розовый свѣтъ, которымъ былъ освѣщенъ изъ сводовъ весь храмъ, начиналъ гаснуть. Сѣръ Генри чувствовалъ, что какой-то приливъ неизвѣданной, всепоглощающей страсти охватываетъ его и, теряя сознаніе мѣста и времени, онъ протянулъ руки настрѣчу приближающейся къ нему красавицѣ, она дико вскрикнула и бросилась къ нему на грудь. Свѣтъ угасъ!

XIV.

Новыя лица.

Что было дальше, сколько времени продолжалось это дивное упоеніе страсти, сѣръ Генри сказать не могъ. Въ его возбужденномъ воображеніи дѣйствительность сливалась съ мечтою, съ бредомъ фантазіи, онъ только сознавалъ одно, что еще никогда въ жизни не испытывалъ такого сладкаго напряженія всѣхъ нервовъ. Ему казалось, что время летитъ быстрее мысли, что въ каждое мгновеніе онъ проживаетъ года.

Быль-ли то результатъ нѣсколькихъ чаръ вина, выпитыхъ въ началѣ ужина, дивный ли ароматъ куреній, силали волшебныхъ объятий красавицы, но сѣръ Генри скоро пересталъ сознавать гдѣ онъ, что онъ, и это состояніе смѣнилось такимъ же восхитительнымъ сномъ.

Дальше наступила полная потеря сознанія и мертвый непробудный сонъ. Онъ очнулся только въ то мгновеніе, когда вѣрный Шакиръ, какъ прежде, снялъ его со слона и бережно сложилъ его на мягкія подушки дивана въ его бенгалу въ Бомбей.

Онъ хотѣлъ вскочить на ноги, но силы ему измѣнили и онъ снова упалъ на диванъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ заснулъ уже натуральнымъ сномъ, и проспалъ до разсвѣта слѣдующаго дня.

Онъ потерялъ счетъ времени, и когда позванный Шакиръ сказалъ ему, что отсутствіе ихъ изъ Бомбея продолжалось всего двое сутокъ, онъ не повѣрилъ, ему показалось, что онъ пробылъ въ подземныхъ храмахъ бесконечно долгое время.

Все перепуталось въ его памяти: и древній старикъ, назвавшийся его прадѣдомъ, и церемонія принятія, и подземные храмы, и поклоненіе восьмирукому идолу, и держаніе за хвостъ священной коровы, и, наконецъ, обладаніе красавицей баядеркой.

Все это ему казалось какимъ-то далекимъ, фантастическимъ сномъ! Но нѣтъ, это былъ не сонъ, а явь. Сколько разъ въ теченіи этого дня онъ разсматривалъ чекъ, тщательно хранимый имъ на груди, и всякій разъ онъ пріобрѣталъ въ его глазахъ все новую и новую прелесть.

Теперь онъ былъ богатъ. Мечта всей его жизни осуществилась. Онъ на эти деньги могъ безбѣдно, даже хорошо жить, гдѣ ему угодно, для чего же ему было подвергать себя всякимъ искусамъ и опасностямъ, оставаясь въ Индіи. При его умѣ и предпримчивости, въ нѣсколько лѣтъ этотъ капиталъ могъ удесатериться; зачѣмъ-же прозябать въ Индіи и поддакивать разнымъ бреднямъ браминовъ. Нѣтъ, надо уѣхать отсюда, какъ можно скорѣе. Сэръ Генри былъ изъ тѣхъ людей—игроковъ, которые довольствуются малымъ выигрышемъ и отходятъ отъ игорнаго стола, не рассчитывая, что счастье можетъ служить вѣчно.

Эта мысль, какъ червякъ, немолчный, неутомимый, забралась въ его голову и нещадно точила его съ перваго часа возвращенія въ Бомбей. Онъ пока еще не рѣшался ни на что. Ему надо было увѣриться въ достоинствѣ векселя, и онъ на другой же день, сказавъ Суами Баварата, что ему нужно явиться въ резиденцію и властямъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, отправился въ нарочно приведенномъ наемномъ экипажѣ въ европейскій городъ, и по дорогѣ къ резиденту заѣхалъ въ отдѣленіе англійскаго банка и показалъ вексель одному изъ директоровъ.

Тотъ со вниманіемъ осмотрѣлъ подпись и, свѣрившись съ книгами, спросилъ, чѣмъ, золотомъ или билетами, угодно будетъ сэру получить уплату. Сэръ Генри, разумѣется, отъ полученія отказался, такъ какъ именно вексель былъ гораздо надежнѣе безымянныхъ банкнотовъ или золота, и направился домой, уже съ облегченнымъ сердцемъ.

Резидента онъ не засталъ, тотъ былъ на большой охотѣ на тигровъ, но когда привратный церберъ попросилъ записать его адресъ, онъ сконфузился: показать, что онъ живетъ у Суами Баварата, въ Черномъ городѣ, показалось ему подозрительнымъ и не деликатнымъ и онъ смѣло написалъ адресъ: въ „Британскомъ отелѣ“. Онъ видѣлъ эту надпись на одномъ изъ громадныхъ домовъ, не далеко отъ дворца резидента.

Разумѣется, возвращаясь отъ резидента, онъ заѣхалъ въ отель и занялъ тамъ двѣ комнаты, сказавъ, что вещи пришлетъ немедленно. Ни г. Мальбро, ни другихъ англійскихъ властей онъ тоже не засталъ, всѣ они были на той же охотѣ и только мистрисъ Мальбро изъявила желаніе съ нимъ познакомиться.

Хотя это было внѣ церемоній англійскаго этикета, но въ Индіи, при 40 градусной жарѣ, не до соблюденія формальностей,

и сэръ Генри черезъ минуту сидѣлъ на роскошной террасѣ, обдуваемой «панками», насупротивъ во всѣхъ отношеніяхъ пріятной мистриссъ Мальбро. Рядомъ съ ней, за пальцами помѣщалась прелестная дѣвушка, совсѣмъ не похожая на хозяйку. Это была, какъ оказалось изъ представленія, очень дальняя родственница, недавно прибывшая изъ Англіи, миссъ Елена Брейтонъ, оставшаяся послѣ смерти матери вдовы круглой сиротой.

Много видѣлъ сэръ Генри красивыхъ женщинъ на своемъ вѣку, и не дальше какъ вчера еще его взглядъ буквально терялся среди множества красавицъ-баядерокъ, собранныхъ въ подземномъ храмѣ бога Вишну, но никогда еще ни одна женщина не производила на него такого поражающаго впечатлѣнія.

Ни во что не вѣрующій, испорченный нравственно, до костей пропитанный эгоизмомъ и невѣріемъ, сэръ Генри невольно почувствовалъ въ своей душѣ, при первомъ же взглядѣ на него лучистыхъ глазъ миссъ Еленъ, такое же ощущеніе, какое долженъ испытывать узникъ, много лѣтъ томившійся въ подземной мрачной тюрьмѣ, при первомъ лучѣ свѣта, ворвавшася въ его темницу и дающаго ему надежду на свободу.

Онъ зажмурился и нѣсколько секундъ не зналъ, какъ продолжать разговоръ съ мистриссъ Мальбро, которая такъ и сыпала комплиментами по адресу европейскаго джентльмена, существа довольно рѣдкаго въ бомбейскихъ салонахъ.

По тому пренебрежительному тону, съ которымъ она обращалась къ миссъ Еленѣ, ясно можно было видѣть, что она ее держитъ изъ милости, какъ бѣдную родственницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боится ее, какъ соперницы по красотѣ—хотя, въ самомъ дѣлѣ, сравнивать блестящую, только распустившуюся красоту молодой дѣвушки было бы смѣшно съ перерзвѣлой, подмазанной, сильно поблекшей красотой мистриссъ Мальбро. У этой послѣдней, какъ у большинства англичанокъ, переступившихъ 30-лѣтній возрастъ, обѣ челюсти какъ-то выдались впередъ и зубы-клыки сильно выпятились. Странное дѣло, но этотъ феноменъ, присущій всей англосаксонской расѣ, къ сорока годамъ превращаетъ самое ангельское личико воздушной миссъ въ зубастую рожу гориллы.

— Ну, какъ вы находите нашу раскаленную печь, которую называютъ благословенной Индіей,—продолжала, уставъ отъ комплиментовъ, мистриссъ Мальбро,—я слышала отъ моего мужа, что вы очарованы здѣшними индус-джентльменами.

Сэръ Генри вспыхнулъ; это былъ легкій намекъ на его знакомство съ браминами, которое такъ шокировало гонорнаго англичанина.

— Мнѣ кажется, это очень интересныя личности,—рѣшился замѣтить онъ.

— Въ смыслѣ изученія, какъ звѣри, я съ вами согласна,—протянула съ улыбкой любезная хозяйка;—и если вы чуть-чуть археологъ, или этнографъ, то могу увѣрить васъ, здѣсь вамъ будетъ широкая арена. Но за то въ смыслѣ цивилизаціи и ком-

Джэкъ—тайнственный убійца.

форта, то эта страна сдѣлалась обитаема только съ тѣхъ поръ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появились англійскіе піонеры! О, если бы не мы, эти бронзовые независимые царьки и раджи передупили бы въ междоусобныхъ войнахъ и другъ друга, и все населеніе.

Забравшись на политико-административную почву, мистриссъ Мальбро такъ разошлась въ выхваленіяхъ англійскаго цивилизующаго направленія, что сэръ Генри едва сумѣлъ найти моментъ, чтобы безъ невѣжливости переменить разговоръ и затѣмъ откланяться.

Мистриссъ Мальбро проводила его новыми комплиментами и взяла слово бывать по чаще, а молодая дѣвушка, почти не сказавшая ни слова во время общаго разговора, бросила на уходящаго молодого человѣка, какъ ему показалось, взглядъ, въ которомъ онъ прочелъ: „Кто бы ты ни былъ, спаси меня отъ этого ада!“

Этотъ взглядъ преслѣдовалъ его долго, снился всю ночь, и онъ мысленно сравнивалъ его съ жгучимъ, полнымъ страсти и тайны взглядомъ той дивной красавицы-баядерки, которая тамъ, въ пещерномъ храмѣ, сама бросилась въ его объятія, и странное дѣло, волшебный образъ дивной красавицы, ея искристый взглядъ, ея бѣшенныя ласки, все это ступевывалось, блекло передъ безмолвнымъ взглядомъ молодой дѣвушки, не коснувшейся его даже концами своихъ пальцевъ.

Еще вчера, наэлектризованный страстными мелодіями, отуманенный ароматомъ чуждыхъ куреній, ослѣпленный невиданной роскошью костюмовъ и сладострастными танцами десятками полунугихъ красавицъ, забывшій весь міръ въ объятіяхъ одной изъ нихъ, онъ готовъ былъ молить, чтобы эта дивная ночь тянулась вѣчно, а сегодня пошелъ бы безпрекословно по первому призыву за той, чьи дѣвственныя уста еще, казалось, не шептали словъ любви!

Странное существо человѣкъ. Контрасты дѣйствуютъ на него сильнѣе всего; самые идеально-честные и нравственные люди сходили съ ума отъ любви къ куртизанкамъ, самые испорченные, безнравственные субъекты падали ницъ передъ идеаломъ чистоты.

Ночь пробѣжала безъ сна, однимъ мучительнымъ, тревожнымъ кошмаромъ. Надо было рѣшить теперь, или никогда, чью сторону держать—индусовъ или англичанъ? Средины быть не могло. Сэръ Генри колебался не долго—онъ получилъ отъ индусовъ все, что было можно; идти дальше, было бы подвергать себя крупной опасности, а сдѣлавшись неожиданно-негаданно богатымъ человекомъ, сэръ Генри сразу, казалось, потерялъ половину своей смѣлости и предприимчивости.

Утромъ, когда онъ, еще лежа въ постели, просматривалъ газеты, послышался стукъ въ дверь. Вошелъ Шакиръ. Онъ былъ очевидно блѣденъ, на глазахъ его были замѣтны слезы.

XIV.

Отвѣтные визиты.

— Что случилось?—быстро спросилъ сэръ Генри, зная, что Шакиръ не рискнетъ безъ особой нужды явиться въ еропейскій отель.

— Сегодня въ ночь великій Паракришна заболѣлъ, такъ что Суами Баварата прислалъ гонца къ тебѣ, великій братъ и отецъ.

— Чѣмъ же я могу помочь ему?—равнодушно отвѣчалъ сэръ Генри.—Ваши ученые знаютъ, какъ усыплять и воскрешать людей...

— О, Суами!—съ удивленіемъ и почти ужасомъ отозвался индусъ, пораженный тономъ отвѣта.—Никто не въ правѣ бороться со смертью, когда она наступаетъ... Но у Суами есть великій долгъ передъ великимъ Паракришна...

— Долгъ?!—невольно воскликнулъ англичанинъ.

— Да, великій, священный долгъ.. Пророчествомъ определено, что кровный и никто другой не закроетъ глазъ великаго Паракришны! Неужели же Суами откажется послѣдовать за мною и исполнить то, что предопредѣлено свыше!

Сэръ Генри молчалъ. Онъ колебался.

— Но когда же ѣхать?—вдругъ спросилъ онъ рѣзко.—Неужели теперь, въ такой страшный жаръ?

— О, я знаю, что Суами добръ и великодушенъ!—воскликнулъ Шакиръ:—онъ не откажется, онъ согласится; если не будетъ другихъ извѣстій, я буду ждать его со слонами, въ домѣ Суами Баварата, за часъ до солнечнаго заката. Какъ будетъ весь день стоять у дверей отеля.

— Хорошо,—проговорилъ сэръ Генри:—если будетъ необходимо, я поѣду, но предупреждаю, за мной слѣдять, мое отсутствіе не можетъ быть продолжительнымъ.

Шакиръ повеселѣлъ. Съ знаками величайшаго почтенія онъ выбрался изъ комнаты и скоро топотъ его лошади, пущенной въ галопъ, достигъ до ушей сэра Генри, подошедшаго къ открытому окну своей комнаты.

Зная, что отвѣтные визиты не заставятъ себя ждать, онъ быстро одѣлся, и почти въ ту же секунду, когда онъ, кончивъ свой туалетъ, подошелъ къ зеркалу, чтобы поправить прическу, послышался стукъ въ дверь и, на приглашеніе войти, въ дверяхъ появилась толстенная, пузатенькая, рыженькая фигурка мистера Роджерса, вездѣсущаго дѣльца, биржевого маклера, агента всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ и корреспондента многихъ торговыхъ фирмъ, у которыхъ сэръ Генри тоже оставилъ карточку и письмо главы Одесскаго дома фирмы Джонсонъ и К^о, поручающаго сэра Генри его покровительству на первыхъ шагахъ въ Индіи.

— О, какъ я радъ, какъ я радъ, что засталъ васъ дома, сэръ Генри,—началъ онъ, протягивая молодому человѣку свою крас-

ную и потную руку. — Я получилъ письмо отъ сэра Джонсона и К°. Они не раскаются, что поручили васъ, сэръ, именно мнѣ, никто такъ хорошо не знаетъ Индію какъ я; мистеръ Роджерсъ, биржевой и портовой маклеръ, остальные званія и должности на карточкѣ.

Онъ сунулъ въ руку молодого человѣка свою визитную карточку. Но и безъ этой рекомендаціи сэръ Генри изъ разсказовъ Джонсона зналъ, что за личность стоитъ передъ нимъ.

Подъ маской весельчака балагура, бонъ-вивана, мистеръ Роджерсъ былъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ торговыхъ агентовъ, дѣйствительно зналъ «свою Индію» какъ свои пять пальцевъ.

Сэръ Генри обрадовался посѣтителю, усадилъ его въ кресло, предложилъ сигару и разговоръ тотчасъ пошелъ по душѣ.

— Вотъ, видите, сэръ Генри, — говорилъ онъ черезъ минуту, пуская кольца благовоннаго дыма, — простите, что я буду говорить вамъ для перваго визита вещи неприятныя, — вотъ видите, вы едва успѣли пріѣхать, а уже подняли на ноги всю британскую полицію и возстановили противъ себя всю бомбейскую чиновную аристократію. А это очень опасно, — добавилъ онъ, поводя чинивая головой.

— Какъ такъ? Я васъ не понимаю!

— А очень просто. Вы пріѣхали сюда на русскомъ пароходѣ, изъ русскаго города Одессы, всю дорогу говорили по русски, и наконецъ, пріѣхавъ сюда, остановились у Суами Баварата.

— Такъ что же изъ этого?! — воскликнулъ сэръ Генри. — пріѣхалъ сюда больше, чтобы изучить Индію, чѣмъ для того, чтобы служить. Знакомство съ индусами мнѣ не могутъ повредить въ упрекъ.

— Вы ошибаетесь, сэръ!.. Именно поставятъ, и не въ упрекъ, а въ преступленіе... Вы еще не знаете этихъ правителей Индіи (онъ самъ былъ ирландцемъ).. Они въ каждомъ, кто знаетъ по русски, видятъ шпиона, а кто при томъ не гнушается индусами, среди которыхъ дѣйствительно не мало порядочныхъ людей, видятъ революціонера. Имъ не даетъ покоя движеніе русскихъ въ Афганистану! И мой совѣтъ вамъ, если только вы не хотите жить себѣ враговъ и получить массу неприятностей — оставьте хотя на время, вашихъ друзей индусовъ и повертѣться въ штемъ англійскомъ обществѣ... Простите еще разъ, сэръ, что говорю такъ, но это мой долгъ, вашъ покойный отецъ, сэръ Джонъ Варягъ, оказалъ мнѣ нѣсколько услугъ, которыя не забываются.

— Да, я уже рѣшился познакомиться съ англійскимъ обществомъ, — послѣ паузы заговорилъ сэръ Генри. — Я вчера былъ у резидента, у многихъ изъ начальствующихъ и между прочимъ у мистера Мальбро и былъ даже удостоенъ приѣма леди Мальбро...

— Причемъ разумѣется видѣли и миссъ Елленъ? Не правда ли, какая красавица?..

Сэръ Генри вспыхнулъ, но мистеръ Роджерсъ продолжалъ, не прерывая свой панегирикъ красотѣ миссъ Елленъ.

— И представьте, — безприданница, а вѣдь была на одинъ шагъ, чтобы сдѣлаться миллионершей!

— Это очень интересно?

— И поучительно... Представьте себѣ, что не далѣе какъ 2—3 года, въ газетахъ появилась публикація о томъ, что разыскиваются наслѣдники къ громадному наслѣдству какого-то эсквайра Антона Бриджуатера, умершаго въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ, какъ извѣстно, оставилъ въ англійскомъ банкѣ капиталъ и огромныя помѣстья въ Шотландіи, съ тѣмъ, чтобы все это было раздѣлено между тремя ближайшими наслѣдниками, которые окажутся въ 1889 году, т. е. черезъ сто лѣтъ. Мать миссъ Елленъ была рожденная Бриджуатеръ. По просьбѣ леди Мальбро, я наводилъ справки у нотаріусовъ, публиковавшихъ вызовъ, но мнѣ отвѣчали, что хотя права миссъ Елленъ неоспоримы, такъ какъ срокъ истекаетъ, а другихъ наслѣдницъ не оказывается, но, къ сожалѣнію, мать миссъ Елленъ не могла представить свидѣтельства о своемъ бракѣ, совершенномъ здѣсь, въ Индіи, въ Делитакъ какъ весь городъ былъ разграбленъ индусами во время возстанія сипаевъ, и архивы исчезли!

— Но вы не можете ли мнѣ сказать навѣрно хотя годъ и число совершенія брака и гдѣ, въ какихъ книгахъ и регистрахъ искать брачнаго контракта? — переспросилъ сэръ Генри, у котораго мелькнула мысль, воспользоваться своей дружбой съ браминами, постараться разыскать документы, если только они не истреблены.

— Нѣтъ ничего легче, какъ исполнить ваше желаніе; въ объясненіи, поданномъ матерью миссъ Елленъ, есть всѣ данныя. Онъ у меня въ кассѣ, заверните ко мнѣ. Мы поговоримъ. Однако, смотрите, самъ резидентъ и мистеръ Мальбро направляются къ отелю, навѣрно къ вамъ — я исчезаю, до свиданья. — Мистеръ Роджерсъ крѣпко пожалъ руку сэра Генри и исчезъ изъ комнаты.

XV.

Ложная тревога.

Черезъ минуту, въ мѣщеніе сэра Генри вступали два джентльмена, совершенно другого склада убѣжденій, наружнаго вида и манеры себя держать, чѣмъ только что ушедшій мистеръ Роджерсъ. Это былъ извѣстный намъ уже по путешествію на пароходѣ мистеръ Мальбро, сборщикъ податей, и правительственный резидентъ, высокій чопорный старикъ, съ сѣдыми бакенбардами и такими же сѣдыми волосами, зачесанными на виски впередъ.

— Я имѣлъ честь получить вашу карточку, сэръ, считъ должнымъ отдать вамъ визитъ, — сухо кивнувъ головою и едва протягивая руку, заговорилъ резидентъ.

— А мы уже знакомы по пароходу, вѣрнѣе на какой-то плавучей ярмаркѣ, которую называютъ русскимъ пароходомъ, — улыбулся, скаля желтые зубы, мистеръ Мальбро, — но жалѣю, наше знакомство было кратковременно. Сэръ Варягъ такъ увлекся индус-джентльменами, что совсѣмъ почти забылъ про насъ, подданныхъ ея величества! — уже съ громкимъ смѣхомъ добавилъ онъ. — Но теперь, милордъ, онъ на пути къ исправленію, какъ мнѣ объ этомъ передавала леди Мальбро, и не прочь иногда появляться и въ обществѣ бѣлокожихъ. Не правда-ли, сэръ Генри?

Молодой человѣкъ, не зная какъ и понять эту рѣчь: какъ намекъ, какъ шутку, или какъ оскорбленіе.

— Я васъ не понимаю, сэръ, — началъ онъ. — Меня, въ первый разъ посѣщающаго Индію, разумѣется, чрезвычайно заинтересовали представители совершенно чуждой мнѣ народности, съ ихъ вѣрованіями, обычаями, взглядами, и я невольно увлекся, тѣмъ болѣе, что они очень хорошо говорятъ по-англійски.

— Въ послѣднее время, особенно за годы моего резидентства, изученіе языка метрополіи сдѣлало большіе успѣхи въ Бомбейской провинціи! — докторальнымъ тономъ, словно сентенцію, произнесъ резидентъ.

— Я слышалъ, даже отъ индусовъ, самыя восторженные похвалы о системѣ управленія вашего превосходительства, — проговорилъ съ поклономъ сэръ Генри.

— Они только отдають должное ихъ превосходительству, — отозвался мистеръ Мальбро.

Резидентъ, не сгибая спины, кивнулъ обоимъ собесѣдникамъ головою.

— Въ теченіи моего двадцатилѣтняго управленія Бомбейской провинціей, я не упускалъ случая доказать имъ преимущества англійской цивилизаціи.

— И вполне достигли этого! — слово сговорясь, отвѣчали сэръ Генри и мистеръ Мальбро.

— Я не гнушаюсь ихъ... напротивъ, на мой ежегодный балъ я всегда приглашаю нѣсколько индус-джентльменовъ, я нахожу, что они даже придають нѣкій національный характеръ моимъ празднествамъ! Кстати, хотя, сэръ Варягъ, вы получите официальное приглашеніе на мой ежегодный балъ, который состоится 15-го сего мѣсяца, но я пользуюсь случаемъ, чтобы имѣть честь пригласить васъ лично, надѣюсь, что вы ничего противъ этого не имѣете!

— Сочту за величайшую честь! — вставъ и поклонившись, проговорилъ сэръ Генри.

— А я, въ свою очередь, прошу васъ, сэръ Варягъ, откушать ко мнѣ сегодня въ 6 часовъ, я и леди Мальбро будемъ васъ ждать! — добавилъ сборщикъ податей и всталъ вслѣдъ за резид-

дентомъ, который уже собирался уходить, считая, что и безъ того сдѣлалъ слишкомъ много чести, удостоивъ молодого человека такимъ долгимъ визитомъ и разговоромъ. Сэръ Генри хотѣлъ отговориться отъ приглашенія мистера Мальбро, но тотъ не далъ ему и рта разинуть.

— Пожалуйста, безъ отговорокъ и разсужденій... Я исполняю приказаніе леди Мальбро, а она у меня неограниченная властелинша... и, надѣюсь, вы не рѣшитесь первый идти противъ ея желанія... конечно, если вы только не дали раньше согласія раздѣлить трапезу какого-нибудь индус-джентльмена!

Эти слова были сказаны съ такой злой ироніей, что сэръ Генри не могъ возражать и далъ слово быть въ шестомъ часу въ домѣ мистера Мальбро...

Сэръ Генри вспомнилъ, что въ разговорѣ съ Баваратой относительно своего рожденія, когда дѣло коснулось документовъ его отца, тоже исчезнувшихъ во время возстанія, старый Суами выразился такъ, что это дѣло поправимое, что документы могутъ отыскаться... Слѣдовательно, можно было и въ этомъ случаѣ предполагать, что часть, если не всѣ англійскіе архивы, уцѣлѣла, а почему же не попытаться счастья и не поискать бумагъ миссъ Брейтонъ.

Но для этого необходимо было сохранить расположеніе Суами Баварата, самаго могущественнаго изъ бряминовъ послѣ Паракришны, но какъ же это сдѣлать, когда два приглашенія, одно на пиръ, другое на печальный обрядъ надъ умирающимъ старикомъ, исключали другъ друга...

Онъ не зналъ на что рѣшиться. Сказаться больнымъ, чуть не умирающимъ, и обмануть и тѣхъ и другихъ, была его первая мысль... Какъ вдругъ легкій стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Онъ пошелъ отворять дверь; на порогѣ стоялъ коммисіонеръ, изъ индусовъ, съ письмомъ на его имя въ рукѣ. Почеркъ былъ незнакомъ.

Быстро сорвалъ сэръ Генри конвертъ и прочелъ слѣдующія строки: „Ложная тревога, „отцу и брату“ легче. Баварата“.

Словно гора съ плечъ свалилась у сѣра Генри. Онъ сунулъ мелкую монету въ руку индуса и быстро сталъ одѣваться, чтобы не опоздать на обѣдъ къ мистеру Мальбро.

Первая гроза пронеслась благополучно.

XVI.

Обѣдъ у м-ра Мальбро.

Сэръ Генри одѣлся съ большою поспѣшностью, и за нѣсколько минутъ до 6 часовъ, во фракъ и бѣломъ галстухѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ, входилъ въ салонъ леди Мальбро.

Гости, которыхъ было всего человѣкъ шесть или семь, были разодѣты, какъ на балъ.

Мужчины—гости леди Мальбро, всѣ были уже знакомы сэру Генри, а двумъ дамамъ, женѣ резидента и ея дочери, рыжекудрой миссъ Хенѣ (Аннѣ), онъ былъ немедленно представленъ самой леди Мальбро.

Миссъ Елленъ, въ минуту появленія сэра Генри, въ салонѣ не было, она появилась только за нѣсколько минутъ до обѣда, что-то шепнула своей родственницѣ и снова ушла, видимо распорядиться по хозяйству. Ни жена резидента, ни ея дочь не обратили почти никакого вниманія на молодую дѣвушку, да и нарядъ ея былъ очень простъ и далеко не могъ идти въ сравненіе съ роскошными костюмами хозяйки и ея дружекъ дамъ—гостей.

Черезъ минуту въ дверяхъ появился благообразный метръ-д'отель и заявилъ, что обѣдъ поданъ.

Миссъ Елленъ помѣщалась насупротивъ сэра Генри и должна была исполнять обязанность хозяйки. Леди Мальбро была слишкомъ тонкая дама, чтобы самой заниматься этимъ дѣломъ и держала свою бѣдную родственницу чуть-ли не въ роли экономки.

Обѣдъ прошелъ довольно безцвѣтно. Когда же, послѣ пылающаго пломъ-пуддинга, подали на столъ цѣлую батарею бутылокъ съ виномъ и спиртными напитками, дамы молча удалились въ салонъ, оставивъ мужей и братьевъ оканчивать обѣдъ, по англійской модѣ, т. е. сильной выпивкой.

Нѣсколько разъ, въ теченіи того времени, какъ продолжалась пирушка, миссъ Елленъ входила въ комнату, чтобы посмотреть хватило-ли вина, и всякій разъ ея взглядъ съ удивленіемъ останавливался на сэрѣ Генри, который одинъ изъ всѣхъ гостей не подавалъ еще ни малѣйшихъ признаковъ опьяненія.

Взгляды ихъ встрѣтились; она потупилась и покраснѣла.

Во взглядѣ молодого человѣка она прочла глубокое сочувствіе, а она такъ въ немъ нуждалась!

Вечеръ наступилъ быстро, а когда редицентъ и прочіе гости рѣшили вернуться въ салонъ, то ни леди Мальбро, ни резидентши съ дочерью уже не было, онѣ уѣхали кататься, не захвативъ съ собою миссъ Елленъ.

Она одна сидѣла на террасѣ, обращенной къ морю, и любовалась дивной лунной ночью.

Мужчины, увлеченные разговоромъ и подогрѣтые алкого-

лемъ; шумно спорили между собой о разныхъ текущихъ дѣлахъ и совсѣмъ забыли о сэрѣ Генри, который былъ еще чужимъ въ этомъ обществѣ.

Воспользовавшись минутой общаго невниманія, онъ тоже вышелъ на террасу, на которой замѣтилъ граціозную фигуру миссъ Елленъ, и подошелъ къ ней. Она вздрогнула, но не ушла прочь. На нее тоже произвела сильное впечатлѣніе красивая и представительная фигура сэра Генри, она ждала, чтобы онъ заговорилъ первый. Сэръ Генри не заставилъ ждать долго.

— Я слышалъ, миссъ Елленъ, что вы еще недавно здѣсь, въ Индіи?—спросилъ онъ довольно робко.

— Въ послѣдній прїездъ—да, но я родилась въ Индіи. Мой отецъ служилъ и умеръ въ Дели.

— Но какъ же вамъ понравилась Англія? Не правда ли тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

Миссъ Елленъ посмотрѣла на него вопросительно.

— Почему вы такъ думаете, сэръ?—спросила она.—Напротивъ, мнѣ кажется, что и природа тамъ бѣднѣе, и люди холоднѣе сердцемъ, чѣмъ здѣсь.

— Неужели же вы нашли здѣсь, именно здѣсь, въ странѣ, на которую англичане смотрятъ, какъ на мѣсто ссылки, болѣе сердечныхъ людей между вашими компатріотами?—онъ бросилъ довольно знаменательный взглядъ въ сторону продолжавшихъ споры англичанъ.

— Кто же говорить про нихъ!...—вспыхнувъ, отвѣчала миссъ Елленъ.—Я не дѣлаю различія въ цвѣтѣ кожи людей. Могу васъ увѣрить, что я встрѣчаю столько преданности, беззавѣтной любви и вѣрности въ бронзовой половинѣ обитателей Индіи, что мнѣ право, совѣстно за моихъ компатріотовъ!

— А что вы скажете о мистерѣ Роджерсѣ?

— О, это былъ большой другъ моего отца и матери, и изъ всѣхъ здѣшнихъ знакомыхъ только онъ одинъ, къ которому можно чувствовать симпатію!—Это были послѣднія слова, которыя сказала миссъ Елленъ. Словно стыдась своей откровенности, она поклонилась сэру Генри, быстро и неслышно скользнула съ террасы и скрылась во внутреннихъ апартаментѣхъ дома.

Сэръ Генри еще нѣсколько минутъ простоялъ совершенно одинъ на террасѣ и уже хотѣлъ вернуться въ салонъ къ гостямъ, какъ увидѣлъ идущаго ему на встрѣчу биржевого маклера Роджерса.

— А я шелъ за вами, сэръ Генри, пора и по домамъ; не сдѣлаете-ли вы мнѣ честь позволить мнѣ подвезти васъ въ моемъ экипажѣ?

— О, съ благодарностью!—воскликнулъ сэръ Генри.—Ночь такъ восхитительна, что я не хотѣлъ бы еще такъ рано запереться въ номерѣ своего отеля.

Они распростились съ хозяиномъ и гостями, дремавшими по кресламъ, и направились къ выходу.

Прекрасный экипаж мистера Роджерса стоялъ у подъезда, запряженный парой кровныхъ английскихъ лошадей. Онъ быстро покатился по направленію отеля, гдѣ жилъ сэръ Генри, но на половинѣ дороги мистеръ Раджерсъ вдругъ обратился съ приглашеніемъ къ своему собесѣднику, предлагая ему закончить вечеръ у него и распить бутылку, другую шампанскаго. Да, кстати, помните, сегодня утромъ вы спрашивали „даты“ бумаги миссъ Елленъ—я уже ихъ проготовилъ. А что, неправда-ли прелестная дѣвица? И если бы при томъ эти два-три миллиончика—завидная невѣста, а? А вы, какъ я вижу, мастеръ, и время не теряете,—видѣлъ, все видѣлъ,—хоталъ онъ добродушнымъ полушьянымъ смѣхомъ.—Что же, ѣдете ко мнѣ?

— Домой!—крикнулъ онъ кучеру, получивъ утвердительный отвѣтъ сэра Генри.

XVII.

По дорогѣ въ факторію.

Черезъ нѣсколько минутъ быстрые кони примчали ихъ къ жилищу портового маклера. Онъ былъ очень веселъ и шумливъ всю дорогу, и все подтрунивалъ надъ сэромъ Генри, въ шутку называя его женихомъ миссъ Елленъ.

— Только бы эти миллионы разыскать!.. А тогда хоть сейчасъ можно въ церковь!

— Эй! кто-нибудь!—крикнулъ онъ во все горло. Вбѣжало разомъ двое слугъ.—Шампанскаго, льду и коньяку, да два стакана. Не такъ ли, сэръ Генри?

Лакеи подали шампанское, ледъ и коньякъ. Роджерсъ влил себѣ въ стаканъ съ шампанскимъ изрядную дозу коньяку и предложилъ сдѣлать то-же гостю, но тотъ отказался и удовольствовался просто шампанскимъ.

Хозяинъ оказался питухомъ удивительнымъ. Онъ пилъ какъ губка и не хмѣлѣлъ, но сэръ Генри чувствовалъ, что въ головѣ его начинается шумъ, и что надо какъ можно скорѣе приступить къ дѣлу.

— Ахъ, да, хорошо, что напомнили,—воскликнулъ хозяинъ, когда гость спросилъ его о годѣ, въ которомъ былъ заключенъ бракъ отца и матери миссъ Елленъ.—Вотъ и отлично.

Онъ досталъ копію съ прошенія, поданнаго ея матерью въ судъ, въ немъ всѣ цифры и даты были проставлены аккуратно.

— Въ 1854 году, іюня 22,—въ свою очередь чуть не воскликнулъ сэръ Генри.—Въ этотъ самый день мой отецъ тоже женился на моей матери!

— Ахъ, да, помню, помню!.. Еще ихъ вѣнчали вмѣстѣ, въ одинъ день и въ одной церкви, я еще былъ шаферомъ у обоихъ!..

Только миссъ Елленъ родилась черезъ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ послѣ брака, прежде ея было четыре или пять мальчиковъ, да всѣ умирали отъ страшнаго здѣшняго климата!..

— Однако, это открытіе меня крайне радуетъ!—сказалъ сэръ Генри.—Я могу начать поиски моихъ личныхъ документовъ и тѣмъ не возбудить ни въ комъ подозрѣнія... Но, позвольте, кто же мнѣ поручится, что другіе наслѣдники еще не заявили своихъ правъ и что наслѣдство еще не раздѣлено...

— О, въ этомъ можете быть спокойными. Вотъ, смотрите, послѣдній № „Таймса“... Вотъ, видите, публикаціи присяжныхъ адвокатовъ и нотариусовъ, а вотъ въ текстѣ и срокъ исполненія—1890 годъ.. Все въ порядкѣ, недостаетъ пустого—клочка бумаги, страницы изъ книги и миллиончики готовы и богатая невѣста ваша!

Сэръ Генри ничего не отвѣчалъ. Совпаденіе чиселъ свадьбы его пріемнаго отца и отца миссъ Елленъ давало ему возможность, не открывая тайны даже Баваратъ, черезъ него попытаться разыскать утеренные документы.

Онъ сунулъ въ карманъ копію съ прошенія и резолюцію суда и, вполнѣ довольный началомъ дѣла, сталъ дружно вторить своему хозяину въ осушеніи бутылокъ.

Солнце уже показалось на горизонтѣ и облило своими лучами и городъ, и море, и горы, когда сэръ Генри вернулся, наконецъ, въ отель.

Онъ бросился на кровать и черезъ минуту спалъ мертвымъ сномъ.

Онъ проснулся такъ поздно, что предпринять путешествіе въ это утро къ факторіи было немыслимо, по причинѣ страшной жары. Онъ послалъ индуса-комисіонера за Шакиромъ.

Отдавъ ему распоряженіе приготовить носильщиковъ для поѣздки вечеромъ къ факторіи, онъ изъ разговора съ нимъ могъ уяснить, что Баварата къ утру вернулся отъ Паракришны и что старику вдругъ стало гораздо лучше и кризисъ прошелъ безъ послѣдствій.

За часъ до захожденія солнца сэръ Генри уже качался въ паланкинѣ, быстро увлекаемомъ восьмью носильщиками—индусами, а еще шестнадцать бѣжало рядомъ, чтобы смѣнить утомленныхъ. Шакиръ сопровождалъ путешественника верхомъ на своей маленькой, бѣлой лошади.

Отдалившись отъ города верстъ на 15—18, онъ предложилъ сэру Генри маленькій привалъ, чтобы дать отдохнуть носильщикамъ и самимъ поужинать. Сэръ Генри съ радостью согласился. Непріятная и непривычная качка паланкина давала себя чувствовать.

Незатѣйливый ужинъ, состоящій изъ плодовъ и рису, скоро былъ сѣденъ и путники готовы были пуститься въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ съ дерева, на которомъ помѣстились обезьяны, раздался пронзительный визгъ и вой.

— Что это значит?—спросил сэр Генри и инстинктивно схватился за револьверъ.

— Обезьяны чувствуютъ присутствіе тигра,—шопотомъ отвѣтилъ Шакиръ и тоже схватился за рукоятъ кинжала, заткнутого у него за поясомъ.

Одновременно, словно по командѣ, всѣ индусы-носильщики разбѣжались въ стороны, со странными гортанными криками.

Безоружные, почти голые, они могли быть слишкомъ легкой добычей для царя индѣйскихъ джонглей.

Шакиръ сталъ пристально всматриваться въ обширную поляну, поросшую мелкой травой и кустиками, разстилавшуюся къ югу отъ лѣса.

Вдругъ онъ схватилъ сэра Генри за руку и молча указалъ на одинъ изъ небольшихъ холмовъ, окружающихъ лѣсъ и поляну.

На довольно свѣтломъ фонѣ неба, озареннаго полной луной, отчетливо, ясно видѣлся черный силуэтъ громадной кошки, которая, то прижимаясь къ землѣ, то изгибая спину, полускачками подвигалась къ лѣсу, словно желая зайти нашимъ путешественникамъ въ тылъ.

Положеніе было весьма опаснымъ. Изъ чащи темнаго лѣса звѣрь могъ сдѣлать нечаянное, и главное, невидимое нападеніе. Шакиръ, казалось, понялъ это. Онъ быстро поднялъ руку къ губамъ, и рѣзкій крикъ ночной птицы пронесся въ воздухѣ.

Прошло нѣсколько секундъ, и тотъ же крикъ донесся откуда-то, словно изъ чащи лѣса.

Лицо Шакира просіяло.

— Теперь Суами можетъ быть спокоенъ... друзья и братья не спать... При нихъ тигръ не опасенъ.

— Друзья и братья... Но кто же?—переспросилъ сэръ Генри. Шакиръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на англичанина.

— Тѣ, которые, послѣ клятвы Суами, считаютъ его своимъ братомъ,—сказалъ онъ не безъ афектаціи. Сэръ Генри вздрогнулъ.

XVIII.

Встрѣча съ тигромъ.

Дальній крикъ совы повторился гораздо ближе и отчетливѣе. Теперь уже не могло быть сомнѣнія, что это сигналъ, поданный человѣкомъ. Но кѣмъ? Сэръ Генри никакъ не могъ предрѣшить этого вопроса.

Между тѣмъ, положеніе обоихъ путниковъ продолжало быть весьма критическимъ. Тигръ былъ въ лѣсу и весьма легко могъ однимъ прыжкомъ обрушиться на путешественниковъ. Семейство обезьянъ, гонимое паническимъ страхомъ, давно уже убралось съ деревьевъ, и теперь нестройный крикъ и визгъ длиннохвостыхъ „макакъ“ слышался гдѣ-то очень далеко.

Хотя и успокоенный заявленіемъ Шакира, сэръ Генри всетаки чувствовалъ себя очень неловко отъ близкаго сосѣдства такого опаснаго звѣря, и съ крайнимъ безпокойствомъ поглядывалъ на чащу рощи, такъ какъ только узкій перелѣсокъ отдѣлялъ группу деревьевъ, подъ которой они помѣстились, отъ лѣса, въ которомъ скрылся тигръ.

Онъ вдругъ замѣтилъ, что какая-то человѣческая фигура быстро вышла изъ тѣни лѣса, скользнула черезъ освѣщенный мѣсяцемъ перелѣсокъ, и снова скрылась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ за громаднымъ кустомъ алоэ.

Черезъ нѣсколько мгновеній, по тому же направленію, крадучись и граціозно изгибая спину, изъ лѣса на ту же полянку неслышно проскальзнулъ громадный королевскій тигръ, и почувавъ добычу въ лицѣ сэра Генри и Шакира, припалъ къ землѣ, чтобы сдѣлать еще прыжокъ по направленію къ нимъ.

Рѣшительная минута наступила. Сэръ Генри чувствовалъ, какъ у него поднялись дыбомъ всѣ волосы. Капли холоднаго пота выступили у него на лбу. Онъ машинально поднялъ дрожащей рукой револьверъ, но въ ту же секунду самъ созналъ, что стрѣлять при такомъ нервномъ состояніи, да еще ночью, не принесетъ никакой пользы. Спасти ихъ могъ только какой-либо счастливый случай; ручной бой съ этимъ лѣснымъ гигантомъ, вооруженнымъ страшными когтями и острыми клыками, не представлялъ шансовъ успѣха. Порывъ робости, больше паническаго страха, охватилъ его. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы вскочить и бѣжать, но ноги отказались повиноваться ему.

Онъ инстинктивно взглянулъ на Шакира, но тотъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ бронзовое изваяніе, ни одинъ мускулъ лица его не шевелился, но глаза были устремлены въ одну точку, въ фосфорические глаза страшнаго звѣря, фантастически сверкавшіе среди ночи.

Почти въ ту же секунду, когда тигръ готовъ уже былъ броситься впередъ, изъ-за куста алоэ, прямо на перерѣзъ его пути, выступила высокая темная фигура въ бѣлой повязкѣ на головѣ. Тигръ вздрогнулъ и обратилъ свои зеленые фосфорические глаза на пришельца. Что произошло далѣе, сэръ Генри понять и уяснить себѣ не могъ. Произошло нѣчто невѣроятное, сверхъестественное. Тигръ вдругъ, словно пораженный паническимъ страхомъ, опутивъ голову, весь пригнулся къ землѣ, и съ явными признаками безконечнаго ужаса бросился бѣжать въ сторону, и въ нѣсколько прыжковъ исчезъ среди чащи лѣса.

Въ это мгновеніе напряженные нервы сэра Генри не выдержали. Онъ лишился чувствъ.

Когда онъ очнулся, Шакиръ сидѣлъ около него, въ той же позѣ на корточкахъ, носильщики толпились въ нѣсколькихъ шагахъ, но еще одинъ человѣкъ присоединился къ путешественникамъ. Это былъ полунагой индусъ, съ бѣлой повязкой на головѣ.

Всматриваясь въ черты его лица, сэръ Генри не могъ воздержаться отъ восклицанія удивленія. Онъ узналъ Суами Баварата.

Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствій, Баварата предложилъ отправиться въ путь немедленно, чтобы добраться къ факториямъ до восхода солнца, но сэръ Генри не могъ удержаться, чтобы не спросить:

— Ради великаго Вишну, заклинаю тебя, мой отецъ и братъ, скажи, какой силой, какимъ путемъ ты могъ отогнать отъ насъ тигра?

— Я могъ бы убить его однимъ словомъ, но я не хотѣлъ лишать жизни живое существо.

— Убить словомъ!—воскликнулъ сэръ Генри.—Убить словомъ! Что же это за слово?

— Изучи „Веды“ и ты найдешь его!—уклончиво отозвался Баварата.—У васъ въ Европѣ теперь проповѣдуютъ магнетизмъ, гипнотизмъ, ясновидѣніе, для насъ это только азбука, извѣстная нашимъ ученымъ много тысячъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ мы пошли дальше. Учись, достигай совершенства и тайнъ нашей науки не будетъ для тебя!

— О, мудрый Суами!—схвативъ Баварату за руку и крѣпко пожавъ ее, сказалъ сэръ Генри:—одного молю—возьми меня въ ученики.

— Съ радостью, но только тогда, когда ты урегулируешь свои отношенія къ инглезамъ. Ты хорошо дѣлаешь, что рѣшился жить въ факторіи, тамъ меньше шпионовъ, чѣмъ въ Бомбеѣ, и никто не станетъ вычислять часовъ, которые ты пробудешь со мною и нашими братьями! Однако, пора, пути еще больше трехъ часовъ.

— Еще одно слово, отецъ и братъ,—быстро заговорилъ сэръ Генри.—Ты мнѣ говорилъ, что нѣкоторые изъ документовъ англійскихъ архивовъ, которые считаются утраченными во время возстанія, могутъ быть найденными. Мнѣ необходимъ одинъ документъ—1854 года—метрическая книга записей браковъ.

— Увы, мой сынъ и братъ. Большинство подобныхъ книгъ уничтожено. Если мы хранимъ еще въ нашихъ подземельяхъ нѣкоторые документы, такъ это тѣ, которые относятся къ ипотечнымъ владѣніямъ! Но все-таки, скажи мнѣ, какого резидентства?

— Делійскаго... Мой названный отецъ былъ вѣнчанъ тамъ, въ Дели, въ 1854 году 22 іюня, и мнѣ было бы необходимо имѣть эту запись въ подлинникъ.

— Ты родился, мой сынъ и братъ, подъ счастливой звѣздой. Архивы города Дели всѣ цѣлы. Книгу, о которой ты говоришь, я могу найти, но для того мнѣ необходимо будетъ отправиться туда лично, или послать довѣренное лицо. Я съ удовольствіемъ доставлю тебѣ ее, но прежде прошу, скажи, для чего тебѣ нужно это свидѣтельство?

Хотя сэръ Генри былъ приготовленъ къ этому вопросу, но

онъ вдругъ почувствовалъ, что волненіе охватываетъ его и гложетъ ему измѣнить. Онъ сдѣлалъ видъ, что закашлялся, и только выдержавъ нѣсколько мгновеній, отвѣчалъ естественно и просто.

— Видишь, мудрый Суами, я изгнанъ изъ Англіи не только какъ неимѣющий доказательствъ своего рожденія, но даже нашлись люди, которые утверждали, что сэръ Джонъ Варягъ никогда не былъ женатъ. Не только въ Англіи, но даже здѣсь, при дворѣ резидента, это можетъ доставить мнѣ много несправедливостей, оскорбленій и броситъ тѣнь на моего пріемнаго отца, сэра Джона Варяга. Онъ меня вскормилъ, и я не хочу этого.

— Любовь къ отцу, хотя бы пріемному, одна изъ величайшихъ добродѣтелей,—докторальнымъ тономъ проговорилъ Баварата,—я помню сэра Джона и обязанъ ему многимъ, вотъ моя рука,—луна не успѣетъ еще разъ повернуть къ намъ лицо свое, книга эта будетъ у тебя,—разумѣется, если только она существуетъ!

— Однако, пора, какъ мы замѣшались.

XIX.

Жизнь въ факторіи.

Солнце поднялось уже довольно высоко на горизонтѣ, когда наши путники достигли факторіи фирмы „Джонсонъ и Ко“ и Баварата распростился съ сэрѣмъ Генри, прежде чѣмъ они достигли входа въ роскошную рошу, окаймлявшую зданіе факторіи.

— Помни, сынъ мой и братъ,—сказалъ молодому человѣку на прощаніе Суами Баварата:—у твоихъ и у моихъ братій по крови больше враговъ, чѣмъ друзей, среди мѣстнаго населенія. Индусы, магометане—злѣйшіе враги намъ, браминамъ, чѣмъ сами инглезы... Если услышишь, что противъ насъ собирается съ ихъ стороны гроза, вызови Шакира и на словахъ передай ему что знаешь... Если же это будетъ сдѣлать неудобно, позови перваго попавшагося индуса, конечно, не магометанина, передай ему вотъ этотъ засохшій цвѣтокъ лотоса и скажи мое имя... Этого будетъ достаточно... Мы будемъ предупреждены... Это единственно, что просили меня передать тебѣ отцы и братья и твой кровный Паракришна! Общаешься-ли ты?..

— Общаю, клянусь!—быстро проговорилъ сэръ Генри.

— Не клянись, Суами, довольно слова, мы тебѣ вѣримъ. А теперь прости и прощай. Меня и Шакира не должны видѣть около тебя люди факторіи. Но помни, что во всей Индіи ты въ безопасности. Сотни глазъ, нашихъ индусскихъ глазъ, слѣдятъ за тобой и охраняютъ тебя...

„И фискалятъ за мной“,—подумалъ сэръ Генри, но разумѣется, не сказалъ этого и съ благодарностью пожалъ руки обоимъ спутникамъ.

Черезъ минуту они были уже далеко, а уполномоченный фирмы Джонсонъ и К° въ Одессѣ, сэръ Генри, вступалъ въ свои владѣнія.

Факторія Джонсонъ и К° занималась почти исключительно приготовленіемъ цѣннаго экспортнаго товара, именно опиума, и опиумъ этой фирмы высоко цѣнился въ Китаѣ и на торговомъ рынкѣ Бомбея.

Главный мастеръ—химикъ О' Брайнь, завзятый ирландскій патриотъ, сильнѣе индусовъ ненавидѣлъ англичанъ и дѣлалъ исключеніе для сэра Генри, такъ какъ былъ знакомъ съ его отцемъ. Это былъ старый, травленный волкъ, посѣдѣвшій въ лабораторіи и успѣвшій, въ теченіи тридцати лѣтняго пребыванія въ Индіи, научиться многимъ тайнамъ индусской фармакопеи и химіи. Онъ держалъ себя со своими помощниками и рабочими индусами крайне просто, безъ задора, свойственнаго британцамъ, и индусы любили его и уважали больше всѣхъ англичанъ, служившихъ на факторіи.

Кончивъ осмотръ фабрикъ, плантацій, складочныхъ сараевъ, сэръ Генри просилъ О' Брайна указать ему его будущее жилище. Тотъ повелъ его къ отдѣльному павильону, стоящему среди лѣсной чащи, въ глубокой тѣни.

— Вотъ, сэръ, вотъ дворецъ. Это было жилище самого мистера Джонсона, когда онъ жилъ здѣсь. Три комнаты, прихожая и прекрасная лабораторія.

Прежде чѣмъ войти въ павильонъ, приготовленный для него, сэръ Генри освѣдомился у О' Брайна, нѣтъ ли въ этомъ помѣщеніи змѣй или ядовитыхъ пауковъ.

— О, сэръ, какъ напугали васъ индусы... Да у меня здѣсь, благодаря карболовой кислотѣ и фенолу, на цѣлую милю вокругъ нѣтъ ни одной змѣи, ни одного тарантула; не скажу ни слова о москитахъ... наука безсильна противъ нихъ, но теперь, успокойтесь, не ихъ пора, они появятся въ періодъ дождей, т. е. черезъ два мѣсяца, а теперь,—покойнаго сна, сэръ! Винавать, еще вопросъ, угодно ли вамъ будетъ обѣдать за общимъ столомъ со всѣми нами, служащими, или прикажете подавать себѣ отдѣльно.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ!—воскликнулъ сэръ Генри.—Я хочу поближе познакомиться съ моими сослуживцами.

Дѣйствительно, часъ спустя, новый главноуправляющій обѣдалъ запросто, за однимъ столомъ со всѣми служащими въ факторіи, которые давнѣе уже составляли какъ бы одно семейство. Только индусы не участвовали за общимъ столомъ; щепетильность англичанъ не могла имъ дозволить такого панибратства, да и индусы не согласились бы раздѣлять трапезу неочищенныхъ, которые ѣдятъ мясо и рыбу. Они даже съ тайнымъ удивленіемъ смотрѣли на сэра Генри, котораго, «свыше», отъ браминовъ, приказано было считать за «своего», что онъ сѣлъ за одинъ столъ съ инглезами и ѣлъ все то, что ему подавали.

Но это были безкастные паріи, не смѣвшіе разсуждать, а

тѣмъ болѣе осуждать то, что дѣлають „высшіе“, а сэра Генри приказано было считать „дваждырожденнымъ“, т. е. членомъ самой высшей касты браминовъ.

Съ этого дня миръ и согласіе водворились на факторіи и жизнь пошла прежнимъ обычнымъ порядкомъ. Сэръ Генри ни во что не мѣшался, серьезно занимался устройствомъ своей лабораторіи и съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Бавараты.

Они не замедлили.

XX.

Тайныя совѣщанія.

Въ то время, когда сэръ Генри устраивался въ факторіи, въ Бомбей, во дворцѣ резидента, ежедневно происходили тайныя совѣщанія высшихъ англійскихъ представителей власти и ихъ вѣрныхъ слугъ—индусовъ магометанъ, относительно раскрытія послѣдняго убѣжища высшихъ браминовъ—идолопоклонниковъ, не желавшихъ всецѣло покориться англійскому владычеству.

Баварата былъ правъ, говоря, индусъ—магометанинъ гораздо злѣйшій врагъ послѣдователя Брамъ, чѣмъ англичане, довольно индифферентные относительно религіозныхъ вопросовъ; англичане ревностно отстаиваютъ только престижъ своей власти, предоставляя своимъ союзникамъ индусамъ—магометанамъ, въ силу ихъ религіознаго антагонизма, преслѣдовать своихъ враговъ со всею злобою дикихъ звѣрей.

Въ послѣдній день совѣщанія, въ кабинетѣ резидента сидѣло нѣсколько человѣкъ. Кромѣ самого резидента и мистера Мальбро, тутъ были два полковника, командиры двухъ полковъ сипаевъ, расположенныхъ въ Бомбей, начальникъ мѣстной полиціи и двое лицъ изъ судебнаго персонала: предсѣдатель апелляціонной палаты сэръ Варвикъ и генеральный судья мистеръ Скоттъ.

— И такъ, вы полагаете, ваше превосходительство,—обратился генеральный судья къ резиденту,—что экспедиція въ подземныя капища бога „Вишну“ необходима?

— Думаю, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, сэръ,—отвѣчалъ резидентъ.—Намъ, какъ я уже выяснилъ, необходимо поддерживать, во что бы то ни стало, антагонизмъ между браминами и магометанами. „Раздѣли и властвуй“!.. какъ говоритъ Маккиавели, а что же можетъ быть удобнѣе этого момента. Вамъ, сэръ, принесена жалоба зажиточнымъ магометаниномъ, что его дочь похищена слугами „Брамъ“ и что она находится въ заключеніи и рабствѣ въ подземныхъ храмахъ „Вишну“, въ нѣсколькихъ часахъ пути отсюда... Вотъ и предлогъ нагнать и осмотрѣть эти таинственные храмы..

Джекъ—таинственный убійца.

— Но индусы-брамины могут счесть это насиліемъ!—замѣтилъ сэръ Варвикъ.

— Однако, съ формальной стороны, мы будемъ вполне правы и даже безпристрастны. Мы должны подать помощь потерпѣвшему, мы не можемъ дозволить похищенія и рабства въ странѣ, надъ которой развивается британскій флагъ; наконецъ, если мы ошиблись—вина не наша, а мусульманъ, подавшихъ ложный доносъ. Если же онъ справедливъ, это будетъ новымъ пунктомъ раздора, а мы приобретаемъ великую выгоду—мы на законномъ основаніи изслѣдуемъ эти подземныя логовища, гдѣ скрываются, какъ гады, всѣ ненавистные намъ, англичанамъ, элементы!

— Совершенно вѣрно, блистательный планъ,—заговорили въ одинъ голосъ оба полковника. Ихъ поддержали остальные члены гайнаго совѣта и рѣшено было отправиться въ экспедицію, на слѣдующій же день послѣ большаго индусскаго праздника въ Бомбеѣ, до котораго оставалось около трехъ недѣль.

— Мы еще увидимся и переговоримъ окончательно, господа,—замѣтилъ резидентъ,—у меня на балу, надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь на него пожаловать. Молодежь будетъ танцовать, а мы, здѣсь, за стаканомъ шампанскаго можемъ обсудить всѣ подробности. До тѣхъ поръ прошу васъ, господа: тайна и тайна!!

Гости разошлись, общая г. резиденту сохранить глубочайшую тайну.

На этотъ разъ дѣло было задумано и организовано гораздо серьезнѣе. Былъ подогрѣтъ мусульманскій фанатизмъ, и главная цѣль вторженія была совершенно законная, не имѣющая никакой, повидимому, политической подкладки. Защита слабыхъ, освобожденіе рабовъ и узниковъ всегда были номинальными девизами англійскаго управленія. Англичане не были отвѣтственны за ложность доноса, но, благодаря ему, могли „законно“ ворваться въ самый центръ дѣятельности индусскихъ „заговорщиковъ“.

Дѣло велось такъ таинственно и скрыто, что никто изъ браминовъ, даже самъ Баварата, не подозрѣвалъ грозы, которая собиралась надъ головой его братьевъ и его собственной.

Со дня переѣзда сэра Генри въ факторію, онъ два раза видѣлся съ нимъ, и каждый разъ все болѣе и болѣе убѣждался въ вѣрности молодого человѣка.

Гаденская натура сэра Генри сказывалась во всемъ. Онъ былъ теперь на пути достиженія богатства, т. е. цѣли всей своей жизни, и уже изыскивалъ и готовилъ средства, чтобы уничтожить оружіе, которымъ добывалъ его. Онъ смотрѣлъ на Баварату не только какъ на врага, но и какъ на временное зло, и только ждалъ окончательныхъ свѣдѣній по дѣлу миссъ Елленъ, чтобы круто повернуть свои отношенія.

За три дня до бала у резидента, онъ вдругъ получилъ короткую записку отъ Бавараты. Въ ней было только нѣсколько словъ, но они произвели потрясающее впечатлѣніе на молодого авантюриста:

„Книга найдена въ цѣлости,—писалъ старый браминъ:—оставятъ черезъ пять дней“.

Теперь сомнѣваться больше было нечего. Оставалось смѣло вести атаку на сердце молодой красавицы, и завладѣвъ ея взаимностью, привести въ исполненіе грандіозный планъ... стать милліонеромъ!..

Балъ резидента представлялъ удобное поле для атаки.

XXI.

Балъ у резидента.

Чудный построенный, казалось, руками фей дворецъ резидента блисталъ словно днемъ, освѣщенный сотнями электрическихъ фонарей и тысячами газовыхъ рожковъ и плашекъ. Въ залахъ, гдѣ непрерывно поддерживалась искусственная вентиляція, бродили разряженные гости.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Звуки музыки разносились далеко и танцующія пары то и дѣло мелькали сквозь открытыя окна палаццо.

Въ одной изъ цѣлаго ряда гостиныхъ, превращенной искусствомъ декораторовъ въ прохладный гротъ, убранный искусственными камнями и тропическими растеніями, сидѣла красивая, молодая парочка, очевидно, сильно заинтересованная другъ другомъ.

Это былъ сэръ Генри и миссъ Елленъ.

Они только что кончили безконечный котильонъ, во время котораго много было недосказанныхъ намековъ, полусловъ, полустѣговъ. Какъ сэръ Генри давно уже замѣтилъ, онъ сильно заинтересовалъ красавицу, да и въ его сердцѣ или, вѣрнѣе, чувственности, чудный образъ бѣлокурой красавицы запечатлѣлся огненными чертами.

Въ теченіи трехъ дней, предшествовавшихъ балу, онъ былъ неизмѣннымъ гостемъ въ салонѣ леди Мальбро и, наконецъ, рѣшился сдѣлать предложеніе на балу у резидента.

Всѣ эти дни леди Мальбро держала себя съ сѣромъ Генри хотя весьма ласково и привѣтливо, но какъ-то таинственно... словно, у нея на душѣ было что-то, что она не рѣшалась открыть молодому человѣку. Теперь же, потерявъ свою молодую родственницу на балу у резидента, она, съ трудомъ протискиваясь сквозь компактную толпу приглашенныхъ, отправилась на ея поиски во внутренніе покои дворца.

Между тѣмъ, сэръ Генри, разъ рѣшившись, быстро шелъ къ своей цѣли, и черезъ пять минутъ интимнаго разговора въ волшебномъ гротѣ, рискнулъ на формальное признаніе, и въ самыхъ страстныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленныхъ формахъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Миссъ Елленъ, съ самаго начала бала, съ первыхъ же словъ, сказанныхъ ей сэромъ Генри, уже чувствовала, что произойдетъ что-то необычайное. Она прямо и открыто взглянула въ глаза молодого человѣка и отвѣчала чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Я ваша!.. Я вамъ вѣрю, я хочу вамъ вѣрить!

Сэръ Генри схватилъ ее за руку и хотѣлъ поцѣловать. Она стыдливо отдернула руку.

— Нѣтъ, Генри, не здѣсь, и не теперь!..—быстро проговорила она.—Мнѣ кажется, здѣсь стѣны и камни слышать и завидуютъ моему счастью!..—Она вспыхнула и низко опустила голову.

Въ эту минуту въ комнату, шурша роскошнымъ параднымъ платьемъ, влетѣла мистриссъ Мальбро. Замѣтивъ парочку, привставшую около выступа искусственной скалы, въ группѣ тропической зелени, она готова была разразиться цѣлымъ потокомъ ядовитыхъ рѣчей на свою родственницу, но та не дала ей времени открыть ротъ.

— Имѣю честь представить вамъ, миледи, моего жениха, сэра Генри Варяга,—сказала она полуофициальнымъ тономъ.—Онъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ честь просить руки моей и я дала согласіе.

— Даже не спросивъ ни мистера Мальбро, ни меня,—чуть не воскликнула дама.

— Я знала, миледи, что вы всегда такъ хорошо относились ко мнѣ, что и теперь не будете препятствовать моему счастью!

— Но вы, сэръ,—обратилась мистриссъ Мальбро къ молодому человѣку:—вамъ непростительно, зная наши англійскіе обычаи, обращаться не къ родственникамъ и опекунамъ, а...

— Прямо къ невѣстѣ!.. Простите, миледи, я слишкомъ долго жилъ въ странѣ, гдѣ принято спросить сначала согласія у той, съ кѣмъ придется жить всю жизнь, чѣмъ родственниковъ. Но и теперь считаю первѣйшимъ долгомъ испросить вашего согласія и уважаемаго мистера Мальбро.

Хитрая дама посмотрѣла ему въ глаза.

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, ровно въ часъ, я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ. Помните, ровно въ часъ и не опоздайте!..

— Но все-таки могу ли я надѣяться?

— Это вполне зависитъ отъ васъ... Есть одно условіе, не поставивъ котораго, я не могу дать полного согласія... А такъ какъ миссъ Елленъ пока еще не достигла совершеннолѣтія, а мой мужъ ее опекунъ и въ подобныхъ дѣлахъ не дѣлаетъ ни шагу безъ моего желанія, то, я надѣюсь, что мое согласіе необходимо.

— Но эти условія не будутъ жестоки?—нерѣшительно спросилъ сэръ Генри.

— Опять повторяю, что все зависитъ отъ того, на сколько вы любите мою Елленъ!..

— Я готовъ за нее биться со всѣмъ свѣтомъ!..—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Ой, какъ пылко!—шутливо замѣтила мистриссъ Мальбро.—Въ такомъ случаѣ успокойтесь, то, что я предложу, гораздо испокон

нимъе... Однако, смотрите, наше отсутствіе замѣтили... Я не хочу, чтобы говорили о васъ, какъ о женихѣ, до официальной помолвки... Намъ пора разстаться! Помните, завтра въ часъ, или даже нѣсколько минутъ раньше!

Она милостиво протянула руку молодому человѣку и, взявъ подъ руку миссъ Елленъ, повела ее обратно въ залъ, гдѣ продолжались танцы.

Сэръ Генри едва успѣлъ ухватить маленькую ручку миссъ Елленъ и крѣпко пожать ея тоненькіе пальчики.

Въ эту самую минуту, въ кабинетъ у резидента, составлялся окончательный планъ нападенія на индусскіе храмы и окончательно выработывалась диспозиція войскъ, на случай внезапнаго сопротивленія. До похода оставалось всего пять дней и тайна пока еще не была угадана браминами; по донесенію начальника полиціи, полное спокойствіе царило среди языческаго туземнаго населенія Бомбея—ясный знакъ того, что тайна не проникла еще въ высшія сферы браманизма.

Совѣщаніе кончилось и мистеръ Мольбро, сомодовольно покуривая бакенбарды, вышелъ изъ кабинета лорда резидента. Почти у самаго входа въ большую залу, онъ встрѣтился съ своей женой. Она остановила его фразой:

— Ну, my dear, я выиграла пари!

XXII

Выигранное пари.

— Неужели?—воскликнулъ мистеръ Мальбро.—Но расскажи, какъ это могло случиться.

— А очень просто. Наша безприданница сумѣла такъ обворожить этого полуинду-жентльмена, что онъ просилъ ея руки, и не дальше какъ завтра въ часъ дня будетъ у меня за рѣшительнымъ отвѣтомъ и я ему продиктую свои условія.

Мистриссъ Мальбро проговорила эту фразу однимъ духомъ. Она была такъ довольна одержанной побѣдой, и еще тѣмъ, что можетъ, на законномъ основаніи, сбыть изъ своего салона красивую родственницу, затмѣвавшую ее своей молодостью и красотой.

— О... О...—промычалъ мистеръ Мальбро,—это удивительно, кажется такой практичный человѣкъ, и дѣлаетъ такой необдуманнѣйшій шагъ, какъ жениться безъ приданаго... Но ты, по крайней мѣрѣ, объявила ему, что у насъ есть свои дѣти, и мы ничего за нихъ дать не можемъ!..

— Онъ, кажется, это прекрасно знаетъ... но, во всякомъ случаѣ, я укажу ему на это завтра весьма опредѣленно... А главное, предложу свои условія относительно дружбы съ этими язычниками.

— О, разумеется... разумеется... Надо выбирать одно — англичанъ или индусовъ. Надѣюсь, что онъ настолько уменъ, чтобы понять, гдѣ сила! Да, ты скажи ему, такъ мимоходомъ, отъ себя, что онъ на весьма дурномъ счету у правительства, и что ему представляется превосходное средство доказать г. резиденту противное. Экспедиція окончательно назначена на будущую пятницу, въ 8 часовъ вечера; отъ него зависитъ присоединиться къ намъ хотя-бы въ качествѣ туриста. Но нѣтъ, нѣтъ! — вдругъ перебилъ самъ себя мистеръ Мальбро, — его нельзя посвящать еще пока въ подобныя тайны... Не говори ему ни слова, онъ можетъ насъ выдать, и тогда опять неудача!

— Будь покоенъ, my dear, хотя я теперь готова поручиться рукою за сѣра Генри, но исполню по твоему и не скажу ему ни слова, ты вѣдь знаешь, какъ я умѣю хранить тайны.

— Мистеръ Мальбро на послѣднее замѣчаніе жены улыбнулся, но такъ какъ въ его головѣ шумѣли нѣсколько стакановъ замороженнаго шампанскаго, да горячаго грога, то онъ не обратилъ на него особеннаго вниманія и снова направился къ группѣ вышшихъ должностныхъ лицъ, горячо спорившихъ о какомъ-то административномъ распоряженіи.

Балъ кончился далеко за полночь, и сѣръ Генри, радостный и возбужденный, вскочилъ въ свой нанятой экипажъ и помчался въ отель, гдѣ снова занялъ номеръ на нѣсколько дней. Не успѣлъ онъ войти къ себѣ и зажечь свѣчу, чтобы раздѣться, какъ въ открытое окно его комнаты влетѣлъ какой-то твердый предметъ и упалъ къ его ногамъ. Въ ту же секунду послышался удаляющийся знакомый крикъ совы.

Сѣръ Генри нагнулся и поднялъ брошенный предметъ; это былъ небольшой плоскій камешекъ, на которомъ по-англійски было нацарапано: „Все доставлено. Получите въ четвергъ утромъ, въ факторіи. В.“

Это извѣстіе было чрезвычайно важно для сѣра Генри. Рѣшаясь на бракъ съ миссъ Еленъ, первой мечтой его, разумеется, было желаніе воспользоваться громаднымъ наслѣдствомъ; чувственная любовь, вѣрнѣе страсть, овладѣла имъ уже гораздо позже, такъ что теперь трудно было бы разобраться, какое изъ этихъ чувствъ влекло больше сѣра Генри къ молодой красавицѣ-невестѣ.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ слѣдующаго дня, который долженъ былъ рѣшить его участь! Онъ долго обдумывалъ загадочныя слова мистриссъ Мальбро, но не могъ добиться ихъ тайнаго смысла.

Ровно безъ 10 минутъ часа, маленькій груммъ въ ливреѣ ввелъ его въ салонъ, гдѣ уже его дожидалась мистриссъ Мальбро; хозяинъ отсутствовалъ по „дѣламъ службы“.

— Васъ, вѣроятно, удивило то, что я сказала вамъ вчера, относительно условій, — съ ласковой, но довольно сдержанной улыбкой проговорила хозяйка, когда банальныя фразы о погодѣ и здоровьи были окончены.

— Ничуть, я жду только ихъ предъявленія, чтобы немедленно согласиться на ихъ исполненіе, — быстро отвѣтилъ молодой человѣкъ, рѣшившійся ни въ чемъ не перечить на этотъ разъ своей будущей родственницѣ.

— Я очень рада, потому что должна поставить ихъ *sine qua!* — Хозяйка любила иногда приводить цитаты въ разговорѣ. — Вотъ, видите, въ городѣ ходятъ довольно распространенные слухи, что вы, — виновата, это говорить „слухи“, а не я, что вы очень дружите съ индусами, и... индусами браминами-язычниками, врагами теперешняго режима. Мой мужъ состоитъ на службѣ ея величества императрицы Индіи, и занимаетъ важный и весьма отвѣтственный постъ, и дорожитъ имъ, какъ патріотъ и чиновникъ... Скажите, можемъ ли мы отдать руку нашей родственницы вамъ, и ввести васъ въ нашу семью, зная изъ достоверныхъ источниковъ, что всѣ ваши симпатіи на сторонѣ этихъ „негрикосовъ“!..

— Меня оклеветали въ вашихъ глазахъ, — съ жаромъ воскликнулъ сѣръ Генри, который вдругъ почувствовалъ всю справедливость этого аргумента достопочтенной леди. — Я готовъ доказать это!

— Докажите! Это и было съ моей стороны единственнымъ препятствіемъ вашему браку, но теперь, я увѣрена, что вы постараетесь доказать всю неосновательность этихъ слуховъ, и доказать это немедленно и явно для всѣхъ.

— Я готовъ хотя сейчасъ послѣ брака уѣхать отсюда навсегда, покинуть Индію.

— Но вѣдь вы сами же говорили, что только хорошее жандованіе, заставило васъ ѣхать сюда; слѣдовательно, собственнаго вашего состоянія не хватало, чтобы жить безбѣдно въ Англіи. Къ этому я могу добавить только одно: миссъ Еленъ не имѣетъ никакого приданаго, разумеется, если не считать наслѣдственный процессъ, который проглотилъ все состояніе ея матери и проигранъ безнадежно, все по милости вашихъ друзей, индустриальныхъ, слѣдовательно...

— Слѣдовательно, — докончилъ фразу молодой человѣкъ: — я могу больше чѣмъ когда разсчитывать на руку миссъ Еленъ, я постараюсь доказать и вамъ, и всему обществу, что я никогда не промѣняю моихъ родичей на индусовъ, съ которыми у меня нѣтъ ничего общаго, и готовъ это исполнить когда угодно и какимъ способомъ мнѣ это предложить!

— И вы говорите это не шутя? — воскликнула радостно хозяйка.

— Кто же шутитъ такими серьезными вещами! Еще разъ говорю, дайте мнѣ случай, возможность доказать вамъ, — и всякія сомнѣнія въ васъ исчезнутъ.

— Вы это такъ горячо сказали, — быстро отозвалась мистриссъ Мальбро, на которую напалъ моментъ откровенности: — что я рѣшаюсь повѣрить вамъ государственную тайну. Вотъ видите, въ

эту пятницу, въ восемь часовъ вечера, назначено отправленіе цѣлаго отряда въ экспедицію, для какой-то секретной экскурсіи, въ подземные храмы индусовъ, недалеко отсюда... Я зову васъ обѣдать въ четвергъ къ 6 часамъ, вы можете присоединиться къ обществу англичанъ и къ моему мужу... Они ѣдутъ зрителями!.. Но только помните: тайна, тайна и тайна... Я вѣрилась вамъ, какъ джентльмену, надѣюсь, вы не заставите меня раскаиваться.

Сэръ Генри сначала нервно вздрогнулъ, но потомъ сдѣлалъ надъ собою сверхъестественное усиліе.

— Очень благодаренъ за довѣріе и за приглашеніе, отъ вашего мужа будетъ зависеть принять меня въ число его спутниковъ!—совершенно спокойно произнесъ онъ.

— Только объ одномъ прошу—ни слова моему мужу, ни вашей невѣстѣ о томъ, что я открыла вамъ секретъ экспедиціи! Помните, отъ одного неосторожнаго слова зависитъ все!..

Въ это время въ комнату вошла миссъ Елленъ и разговоръ, разумѣется, принялъ другой оборотъ.

На этотъ разъ мистриссъ Мальбро не была такъ жестоко-сердна, какъ вчера, и скоро ушла изъ салона. Она уже считала сѣра Генри женихомъ своей родственницы.

XXIII.

Тайная экспедиція.

Поздно вечеромъ, оставшись одинъ въ своемъ отельномъ номерѣ, сэръ Генри едва могъ собраться съ мыслями.

— Что за экспедиція? Какую она можетъ играть роль? Эти вопросы волновали его очень долго. Онъ понялъ только одно, что англичане собираются сдѣлать какое-то вторженіе въ браминскіе подземные храмы, т. е. туда, гдѣ еще такъ недавно онъ самъ клялся въ вѣрности своимъ братьямъ-индусамъ. Экспедиція была назначена на пятницу, въ восемь часовъ вечера; слѣдовательно, не могла помѣшать его свиданію съ Баваратой, назначенному въ четвергъ утромъ; слѣдовательно, если ему удастся получить отъ стараго брамина нужные документы, онъ можетъ смѣло прекратить всякія отношенія съ своими сокастниками и открыто стать на сторону англичанъ; въ случаѣ же неуспѣха, т. е. если нужныхъ документовъ въ книгѣ не окажется, то кто же ему помѣшаетъ, какъ другу, заявить Баваратѣ о готовящейся противъ нихъ экспедиціи и тѣмъ самымъ подкрѣпить свои узы съ индусами, и уже отъ нихъ ожидать великихъ и богатыхъ милостей.

О словѣ, данномъ мистриссъ Мальбро, онъ и не думалъ, люди подобнаго закала смѣются надъ клятвами, но онъ понималъ, что

играя такую двойную игру, онъ долженъ быть очень и очень аккуратенъ, ибо малѣйшая неосторожность можетъ погубить его и тамъ, и здѣсь.

Во вторникъ рано утромъ сэръ Генри вернулся въ факторію.

Онъ провелъ очень безпокойную ночь на четвергъ, и только часа за два до восхода солнца задремалъ, чтобы вновь проснуться. У его постели стоялъ самъ Баварата, со сверткомъ въ рукахъ.

— Я исполнилъ обѣщаніе, мой братъ и сынъ,—началъ онъ,—вотъ просимая тобой книга. Я нашелъ въ ней подлинныя записки о бракѣ твоего пріемнаго отца, и радъ, что могу передать тебѣ эти документы. Скажу тебѣ еще одну вѣсть, печальную, но неизбѣжную: нашъ старый Паракришна съ каждымъ днемъ слабѣетъ и готовится къ смерти. Не забудь обѣщанія, даннаго тобой: закрыть ему глаза. Когда будетъ нужно, я пришлю тебѣ вотъ эту бездѣлушку съ кѣмъ-нибудь изъ нисшихъ браминовъ,—онъ покажетъ жемчужину, обдѣланную въ формѣ головы „Шивы“,—спѣши ко мнѣ въ домъ. Если будешь въ Бомбей, тамъ тебя будетъ ждать Шакиръ и носильщики или слонъ; если же ты будешь здѣсь, то выходи къ тому мангловому дереву, разбитому когда-то грозой, что стоитъ на опушкѣ вашего лѣса, и тебя будутъ ждать посланные отъ меня. Спѣши тогда исполнить свое слово и свой долгъ! Будешь?—спросилъ серьезно Баварата и пристально взглянулъ въ глаза молодого человѣка. Казалось, этимъ взглядомъ онъ пронизалъ насквозь душу сѣра Генри, но тотъ не потерялся.

— Развѣ въ этомъ можетъ быть сомнѣніе. Всѣмъ обязанный вамъ, я только ищущу способовъ отблагодарить васъ.

— Еще два слова,—снова заговорилъ Баварата, словно замѣтивъ какую-то, чуть замѣтную неискренность въ словахъ собеседника. — Говорятъ, что мусульмане-индусы что-то волнуются? У нихъ сегодня праздникъ... Не слыхалъ-ли ты чего-нибудь, не затѣвается ли противъ насъ какая-нибудь ловушка? Можетъ быть въ разговорахъ, въ намекахъ?...

Сэръ Генри былъ какъ на горячихъ угольяхъ. Ему уже показалось, что Баварата все знаетъ и только испытываетъ его. Признаніе готово было сорваться съ его языка, но онъ еще не видѣлъ книги, онъ еще не могъ судить о годности документовъ, къ тому же онъ имѣлъ еще два дня сроку.

— Можетъ быть, что и есть,—отвѣчалъ онъ уклончиво,—но такъ какъ меня считаютъ вашимъ другомъ, то, разумѣется, во всякомъ случаѣ, мнѣ послѣднему сообщать что-либо подобное. Я помню твой завѣтъ, отецъ и братъ, едва завижу или слышу опасность, тотчасъ передамъ цвѣтокъ лотоса первому встрѣчному брамину и скажу одно слово „Баварата“.

— Этого вполне довольно, мой сынъ и братъ... а теперь прощай... Получишь отъ меня извѣстіе, спѣши!..

Баварата, проговоривъ эти слова, пожалъ крѣпко руку молодому человѣку и быстро скрылся во мглѣ еще продолжавшейся ночи.

Едва онъ исчезъ изъ глазъ, сэръ Генри схватилъ принесенную имъ книгу, сорвалъ обертку и началъ переворачивать страницы.

Гнилью и затхлостью пахло отъ книги, видимо долгіе годы лежавшей гдѣ-то въ погребѣ; листы слипались, иные совершенно превратились въ клочки. Съ трепетомъ дошелъ сэръ Генри до роковаго числа 22 іюня 1854 года и съ величайшею радостью, тотчасъ же подъ записью о бракѣ своего названнаго отца, нашелъ другую запись о бракѣ миссъ Мэри Бриджуатеръ и Артура Лоренца, т. е. отца и матери миссъ Елленъ... Теперь сомнѣнія быть не могло. Запись была вполне форменною, книга не могла возбуждать никакихъ сомнѣній, и миссъ Елленъ становилась владѣтельницей многомилліоннаго состоянія.

О, какъ похвалилъ себя сэръ Генри, что въ минуту разговора съ Баваратой не только не сообщилъ ему о готовящейся облавѣ, но даже намекомъ не упомянулъ объ опасности.

Теперь передъ лицомъ всей англійской компаніи онъ могъ смѣло показать свой разрывъ съ индусами и получить, какъ награду, руку миссъ Елленъ.

Онъ едва дождался утра, и тотчасъ же отправился въ Бомбей на великолѣпномъ слонѣ, принадлежащемъ факторіи. Онъ чувствовалъ, что можетъ быть никогда больше не возвратится сюда и потому всѣ свои цѣнности и бумаги захватилъ съ собой. Драгоценная книга лежала въ изящномъ чемоданѣ, а переводный вексель на отдѣленіе банка помѣщался въ особомъ замшевомъ мѣшечкѣ на груди молодого человѣка. За поясомъ былъ заткнутъ револьверъ, а хорошій двухствольный штуцеръ болтался за плечами.

Его вдругъ беспричинно охватилъ страхъ передъ индусами, которымъ онъ задумалъ измѣнить. Измѣна еще не была совершена, а измѣнникъ уже трепеталъ, боясь мстительнаго удара.

XXIV.

Женихъ.

Въ то время пока сэръ Генри слѣшилъ въ Бомбей, чтобы не опоздать на обѣдъ къ мистриссъ Мальбро, а Баварата, завернувъ на обратномъ пути изъ факторіи къ обиталищу стараго Паракришны, самъ въ свою очередь хотѣлъ отправиться въ Бомбей, чтобы разузнать о подробностяхъ мусульманскаго праздника, торжества, происходившаго въ эту ночь, предъ нимъ предсталъ совершенно нагой браминъ, очевидно пробѣжавшій безъ отдыха громадное разстояніе.

Онъ быстро сунулъ цвѣтокъ лотоса въ руку Бавараты и хриплымъ голосомъ прошепталъ:

— Отъ Шакира!

— Гдѣ ты его оставилъ?—быстро спросилъ Баварата.

— Въ трехъ часахъ пути отсюда,—отвѣчалъ индусъ:—онъ зналъ, что я обгону его носильщиковъ и передалъ мнѣ этотъ цвѣтокъ.

— Что же онъ сказалъ при этомъ?—нетерпѣливо переспросилъ Баварата. Онъ зналъ, что цвѣтокъ лотоса означаетъ сигналъ внезапной тревоги, но не могъ себѣ уяснить, откуда она на-двигается.

— Ничего больше, Суами... Онъ сказалъ только два слова: Баварата—опасность!

Баварата на минуту задумался.

— Скажи, мой сынъ,—снова началъ онъ:—не збѣчалъ ли ты чего особаго среди проклятыхъ мусульманъ, или нашихъ измѣнниковъ?

— Ничего, мудрый Суами, Только ихъ праздникъ былъ очень блестящъ и всѣ именитые инглезы съ ихъ резидентомъ на намъ присутствовали.

— Были ли тамъ, по крайней мѣрѣ, сипайскіе полки?

— Могу утвердительно сказать, что—нѣтъ,—отвѣчалъ индусъ,—но зато я видѣлъ, что сегодня ночью они совершали большое движеніе. Къ югу и сѣверу отсюда двигались тысячи всадниковъ.

— И ты узналъ, что это были за люди!?

— Тутъ не могло быть и сомнѣнія, это полки изъ бомбейскаго гарнизона; они остановились приваломъ часахъ въ двухъ пути отсюда.

Баварата, видимо, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Онъ приказалъ брамину слѣдовать за собой и снова опустился въ подземный храмъ, откуда только что вышелъ.

Передавъ вѣстника на попеченіе служителей храма, онъ тотчасъ же пошелъ къ Паракришнѣ, и скоро три глухихъ удара огромнаго гонга созвали на совѣтъ къ великому первосвященнику всѣхъ главныхъ браминовъ храма Вишну.

Совѣщаніе продолжалось не долго; рѣшено было принять обыкновенныя мѣры предосторожности и къ ночи оповѣстить всѣхъ вѣрныхъ окрестныхъ индусовъ, по первому сигналу собираться для защиты храма.

— Нѣтъ-ли свѣдѣній отъ моего кровнаго?—спросилъ тихимъ голосомъ Паракришина:—онъ бы первый долженъ былъ насъ увѣдомить.

— Я видѣлъ его только сегодня утромъ въ факторіи... Онъ ничего не говорилъ, даже не намекалъ на опасность...—отвѣчалъ Баварата.—И не мудрено, инглезы провѣдали о его дружбѣ къ намъ и, кажется, сильно его чуждаются!.

— Прости, братъ и отецъ,—вдругъ послышался голосъ высокаго, худого брамина:—я слышалъ изъ достовѣрныхъ устъ, что нашъ братъ Суами Гарашава очень подружился со сборщикомъ податей, мистеромъ Мальбро, а извѣстно, что нѣтъ въ Индіи

большаго врага послѣдователямъ Брамъ, чѣмъ этотъ рыжій инглець.

— Я даже знаю больше, отцы и братья,—заговорилъ въ свою очередь звѣрообразный индусъ-браминъ, только что прибывшій утромъ изъ Бомбея:—нашъ братъ Суами Гарашава (сэръ Генри) потому такъ часто бываетъ у мистера Мальбро, что у него въ домѣ есть красавица—невѣста... Говорятъ, онъ на ней женится!

— Но этому надо представить доказательства, судить по слухамъ и обвинять человѣка легко!—замѣтилъ Баварата.

— Я передаю братьямъ и отцамъ, что слышалъ самъ отъ одного изъ нашихъ бывшихъ на балѣ у резидента; ему удалось подслушать часть разговора между мистриссъ Мальбро и нашимъ новымъ братомъ. Не было сомнѣнія, онъ просилъ руки миссъ Елленъ.

— Можетъ быть, для того ему и понадобились книги,—сказалъ одинъ изъ браминовъ:—тамъ записанъ бракъ его пріемнаго отца.

— А также бракъ родителей невесты,—подумалъ Баварата, но не промолвилъ ни слова, и только мысленно укорялъ себя за излишнюю поспѣшность и довѣріе къ недостаточно испытанному еще молодому человѣку.

Расходясь, высшіе брамины рѣшили собраться снова черезъ нѣсколько часовъ, когда придетъ или самъ Шакиръ, или вѣстникъ съ письмомъ отъ него, а пока только усилить бдительность и выставить кругомъ храма на большое разстояніе тайную стражу.

Дѣйствительно, какъ и ожидалъ Баварата, вѣрный Шакиръ не замедлилъ прибытіемъ и засѣданіе совѣта началось снова.

Рѣшеніе, которое было принято единогласно всѣми, составляло для непосвященныхъ непроницаемую тайну, и наружные подступы къ подземнымъ храмамъ казались меньше оберегаемы, чѣмъ въ обыкновенное время. Индусамъ предстояла трудная задача: отразить силою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не разрывать официально-дружескихъ отношеній съ инглезами.

Задача казалась невыполнимой.

Почти въ то же время, когда совѣтъ индусовъ собрался во второй разъ, сэръ Генри, одѣтый и расфранченный, вступалъ въ салонъ мистриссъ Мальбро. Онъ засталъ тамъ нѣсколько ближайшихъ друзей дома и, между прочимъ, мистера Роджерса, подавшаго ему первую мысль о бракѣ съ миссъ Елленъ.

Старый биржевой и портовой маклеръ торжествовалъ. Онъ очень любилъ молодую дѣвушку и искренно надѣялся, что бракъ ея съ сэромъ Генри принесетъ ей счастье.

Хозяева встрѣтили молодого человѣка чрезвычайно радушно, миссъ Елленъ подала ему руку и вся вспыхнула, когда глаза ихъ встрѣтились. Она была счастлива, безконечно счастлива, и

сознаніе этого счастья свѣтилось въ ея дивныхъ глазахъ. Она была прелестнѣе, чѣмъ когда либо. На этотъ разъ она не покидала салона, чтобы хлопотать по хозяйству, мистриссъ Мальбро предоставила ей играть роль молодой хозяйки.

За нѣсколько минутъ до 6 часовъ, пріѣхалъ самъ резидентъ съ супругой и дочерью. Послѣ первыхъ привѣтствій, резидентъ подошелъ къ сэру Генри, вторично протянулъ ему руку и авторитетнымъ тономъ проговорилъ, вѣрнѣе, процѣдилъ сквозь зубы:

— Я очень радъ, что наши подозрѣнія относительно васъ, сэръ, не оправдались, и что вы желаете вступить окончательно въ нашу англійскую семью. Мнѣ остается только поздравить васъ и вашу невесту; мнѣ мистеръ Мальбро сегодня сообщилъ эту новость!..

Хозяинъ, стоявшій рядомъ съ резидентомъ, махнулъ рукой, и официанты внесли два серебряныхъ ведра съ бутылками шампанскаго, завернутыми во льду, и подносъ съ бокалами.

За здоровье жениха и невесты!—провозгласилъ мистеръ Мальбро и, наливъ бокалы, подошелъ къ молодымъ людямъ, стоявшимъ рядомъ.

— Гипъ! гипъ! гипъ! ура! ура!—подхватили гости и потянулись чекаться съ нарѣченными.

Мистриссъ Мальбро сказала нѣсколько чувствительныхъ словъ, и со слезами на глазахъ обняла и расцѣловала миссъ Елленъ; леди резидентша и ея дочь дружески пожали ей руки, гости пожелали счастья и благополучія на много лѣтъ и формальное провозглашеніе было окончено.

— А теперь, уважаемый сэръ Варягъ,—обратился резидентъ къ жениху,—такъ какъ съ этой минуты мы можемъ васъ считать вполне своимъ, я могу обратиться къ вамъ съ приглашеніемъ. Не желаете-ли вы принять участіе въ тайной экспедиціи, которая отправляется завтра, въ 8 часовъ вечера, къ подземнымъ храмамъ Вишну.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—безъ колебанія отвѣчалъ сэръ Генри,—но въ качествѣ кого-же?

— Зрителя-туриста, не больше, это будетъ, вѣроятно, очень интересно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Предлагаю вамъ взять съ собою, по крайней мѣрѣ, револьверъ.

— Хотѣ два. Но гдѣ же сборный пунктъ? Тотчасъ за зданіемъ военнаго госпиталя, на окраинѣ города... ровно въ 8 часовъ. Могу на васъ рассчитывать?

— Безусловно!..

XXV.

Въ западнѣ.

Была половина восьмого пятницы—дня, назначеннаго для экспедиціи, и къ военному госпиталю, стоявшему на самой окраинѣ города, съ разныхъ направленій двигались экипажи, паланкины и шагали своей тяжелой походкой громадные слоны.

Это стѣпили къ сборному пункту со всѣхъ концовъ Бомбея приглашенные резидентомъ гости и участники тайной экспедиціи.

Сэръ Генри былъ одинъ изъ первыхъ, явившихся на randevu. Вотъ уже двѣ ночи онъ обдумывалъ свое положеніе и не находилъ другого исхода, какъ всецѣло присоединиться къ англійской партіи и пренебречь грезами и местию индусовъ. Но все-таки сэръ Генри былъ неспокоенъ. Онъ, по собственному опыту, зналъ могущество браминовъ, видѣлъ своими глазами всю недоступность входа въ ихъ храмы и потому безъ особаго риска согласился принять участіе въ экспедиціи, что былъ увѣренъ въ полной неудачѣ.

Одно, что смущало его,—за часъ до отъѣзда его изъ отеля, къ нему явился посланный отъ Бавараты, и передалъ ему жемчужину съ изображеніемъ языческаго божества. Сэръ Генри вздрогнулъ; онъ понялъ, что этотъ присылъ означалъ, что Паракришна при-смерти и требуетъ къ себѣ своего внука!

Вмѣсто всякаго отвѣта, сэръ Генри сунулъ въ руку индуса засохшій цвѣтокъ лотоса и сказалъ одно слово—„Баварата“!

Индусъ поглядѣлъ на него удивленными глазами, потомъ быстро сунулъ цвѣтокъ въ складки своего тюрбана и словно тѣнь исчезъ изъ комнаты.

Подавая теперь сигналъ тревоги, сэръ Генри зналъ, что онъ не можетъ испортить дѣла. Никакимъ способомъ въ теченіи часа вѣсть эта не могла быть передана Баваратѣ... а въ случаѣ, если побѣда останется на сторонѣ браминовъ, у него будетъ отговорка... онъ далъ знать объ опасности въ тотъ же мигъ, когда узналъ о ней...

Съ величайшей пунктуальностью, достойной лучшаго дѣла, лордъ-резидентъ прибылъ къ мѣсту сбора ровно въ 8 часовъ, и тотчасъ же далъ сигналъ къ отправленію.

Проводниками, носильщиками, даже карнаками слоновъ были исключительно индусы-магометане; и цѣлая масса паланкиновъ, слоновъ и всадниковъ двинулась по дорогѣ къ сѣверу.

Части войскъ, посланныя заранѣе окружить и оцѣпить всѣ мѣстности, гдѣ были расположены храмы, давно уже были на мѣстахъ, а экспедиція должна была прибыть къ мѣсту нѣсколько позже полуночи.

Все было готово: и свидѣтели увоза молодой мусульманки, и ея родители, и толпа ихъ знакомыхъ, желавшихъ выступить

свидѣтелями, и представитель мѣстной судебной власти, тоже индусъ, но магометанскаго закона. Собранные заранѣе предписаніемъ генеральнаго судьи, они явились на мѣсто въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ единовѣрцевъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Это была та грубая сила, которая должна была, по мнѣнію резидента и его совѣтниковъ, безъ официальнаго разрѣшенія, но якобы возбужденная фанатизмомъ, вторгнуться въ языческій храмъ и захватить браминовъ.

Резидентъ отдалъ приказаніе немедленно же занять всѣ извѣстные доступы къ храму и начать осмотръ, по указанію проводниковъ.

Нѣсколько проводниковъ, изъ бывшихъ нѣкогда язычниками индусовъ, тотчасъ двинулись впередъ, сопровождаемые полисменами изъ туземцевъ магометанъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ судьей. Они скоро разыскали главный входъ, скрытый въ развалинахъ будійскаго храма, зажгли факелы и фонари, и стали осторожно спускаться въ подземные корридоры.

Ни малѣйшихъ признаковъ живыхъ существъ они не встрѣтили на протяженіи цѣлыхъ сотенъ шаговъ и, наконецъ, дальнѣйшій проходъ оказался заваленнымъ громаднымъ камнемъ. Идти дальше было невозможно. Какъ, какимъ путемъ эта глыба попала въ корридоръ, обрушилась ли она съ потолка, или была сдвинута искусственно изъ бока галлерей, никто, даже проводники, не бывшіе здѣсь много лѣтъ, не могли опредѣлить, а между тѣмъ, не смотря на всѣ усилія разыскать какой-либо обходъ, они ничего не могли добиться.

— Кирокъ сюда! ломовъ! пороку! Надо взорвать это препятствіе!—слышались крики магометанъ проводниковъ и передовыхъ развѣдчиковъ, но болѣе опытные убѣждали ихъ не прибѣгать къ пороку, такъ какъ отъ взрывовъ могли обрушиться стѣны и своды подземныхъ корридоровъ и уже окончательно преградить путь.

Между тѣмъ, резидентъ и его англійскіе гости начали проявлять нетерпѣніе, не получая такъ долго свѣдѣній отъ передового отряда. Наконецъ, одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ, посланный за свѣдѣніями, скоро вернулся и доложилъ о неожиданномъ препятствіи, встрѣтившемся на пути.

— Все это вздоръ,—рѣшилъ резидентъ,—приглашаю васъ, господа, послѣдовать за мной, мы своими глазами убѣдимся, что это все вздоръ, картонныя преграды, страшныя только для дикарей. Во имя великой Англіи, за мной!

Нѣсколько англичанъ, и въ томъ числѣ мистеръ Мальбро, всегда отличавшійся своей безразсудной рѣшимостью, направились вслѣдъ за резидентомъ; сэръ Генри колебался, но насмѣшливое замѣчаніе его будущаго родственника заставило его рѣшиться.

— Я за вами слѣдую, мистеръ Мальбро,—проговорилъ онъ быстро и, осмотрѣвъ револьверъ, твердо пошелъ за маленькой

группой, столпившейся вокруг резидента. Большая же часть англичанъ и вся масса остальныхъ зрителей осталась у входа.

Едва сэръ Генри и группа англичанъ съ резидентомъ спустились по лѣстницѣ подземелья, молодому измѣннику показалось, что гдѣ-то въ отдаленіи прокатился и замеръ уже знакомый ему крикъ совы. Онъ рискнулъ сдѣлать замѣчаніе объ осторожности, но резидентъ довольно рѣзко замѣтилъ ему, что рядомъ съ его персоной, представителемъ ея величества, каждый вполнѣ безопасенъ,—даже въ подземныхъ храмахъ Индіи! Последнюю фразу онъ сказалъ особенно громко и быстро пошелъ впередъ.

Уже вдали виднѣлись фонари и факелы передового отряда, работавшаго надъ расчисткой пути, какъ вдругъ страшный трескъ и грохотъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ резидента, шедшаго впереди всей группы, внезапно обрушился потолокъ и гряда камней загородила дальнѣйшій путь. Инстинктивно и онъ, и всѣ его спутники бросились назадъ, но и тамъ обратный путь былъ прегражденъ громаднымъ кускомъ скалы, упавшей, или искусственно спущенной со свода.

Они были пойманы, какъ птицы въ клѣткѣ.

Крикъ ужаса вырвался у самыхъ храбрыхъ!..

Они были погребены живо!

XXVI.

Измѣнникъ.

— Мы погибли!..—первый воскликнулъ мистеръ Мальбро, и при слабомъ свѣтѣ единственнаго фонаря, бывшаго случайно съ ними, бросился къ резиденту, который едва держался на ногахъ отъ волненія.

— Къ намъ! сюда! на помощь!—кричали, бросаясь во всѣ стороны и напрасно пытаясь раздвинуть руками камни, завалившие входы, остальные спутники, но голосъ ихъ терялся среди мрачныхъ, нависшихъ сводовъ подземнаго корридора, ни одинъ звукъ извнѣ не доходилъ до нихъ!

— Мы попались въ ловушку этихъ злодѣевъ-браминовъ,—проговорилъ, оправившись, резидентъ.—О, дайте мнѣ только выбраться отсюда, и сумѣю съ ними расправиться!

— Но для этого, ваше превосходительство, надо во-первыхъ, выбраться отсюда, во-вторыхъ доказать, что это дѣло браминовъ, а не случая, и въ третьихъ, и самое главное, изловить ихъ!..—отвѣчалъ скептически главный судья.

— Но этого такъ оставить нельзя, это оскорбленіе представителя ея величества императрицы Индіи!—снова возразилъ губернаторъ, все еще не терявшій присутствія духа и собственнаго престижа.

Сэръ Генри въ первое мгновеніе обвала совсѣмъ растерялся. Ему тотчасъ же пришли на память слова Бавараты, который, нѣсколько разъ, показывая на циклоническія постройки подземныхъ храмовъ, говорилъ, что для того, чтобы выбить его братьевъ оттуда, потребуется больше артиллеріи и пороху, чѣмъ во всѣхъ британскихъ складахъ въ Индіи.

Онъ теперь былъ увѣренъ, что кто-нибудь проговорился, измѣнилъ, можетъ быть, англичанинъ, и брамины приняли мѣры, чтобы встрѣтить вторженіе. При этой мысли кровь застыла у него въ жилахъ... Онъ былъ между ихъ врагами и въ полной безпомощности.

За мгновеннымъ пробужденіемъ, произведеннымъ словами резидента, наступила реакція, паника охватила всѣхъ, и несчастные, словно безумные, начали оглашать воздухъ нестройными криками, другіе схватывали отвалившіеся отъ скалъ камни и стучали ими въ стѣну. Одинъ изъ наиболѣе перетрусившихъ англичанъ выхватилъ изъ-за пояса револьверъ и одинъ за другимъ выпустилъ всѣ заряды.

Пули дробились объ камни, брызгали вокругъ разбитымъ свинцомъ, ѣдкій дымъ захватывалъ дыханіе. Пришлось силой обезоружить безумца, который хотѣлъ стрѣлять еще.

Теперь воздухъ сдѣлался такимъ испорченнымъ и зловоннымъ, что дышать становилось трудно. Маленькій ночникъ фонаря чуть мерцалъ, и зловѣщая, грозная темнота надвигалась со всѣхъ сторонъ. Факелоносцы были впереди и позади группы, когда случился обвалъ, и трудно было даже предполагать, что случилось съ ними.

Какъ стадо, предчувствуя грозу, толпится въ одной точкѣ, стараясь держаться возможно скученно, такъ и наши члены экспедиціи, при видѣ неотразимой и грозной опасности, столпились въ одинъ изъ угловъ ихъ импровизированной тюрьмы.

Становилось душно, жарко, воздуха не хватало для дыханія. Всѣ молчали, словно боясь проронить слово, и чутко прислушивались ко всякому внѣшнему звуку.

Гдѣ-то вдали, но очень, очень далеко, слышались словно удары инструмента о камень. Но это даже не была надежда на освобожденіе, а скорѣе страшное сознаніе, что освобожденія не будетъ.

Начиналась медленная, тяжелая агонія... Кто могъ молился, или шепталъ имена близкихъ и дорогихъ существъ. Вдругъ сѣру Генри показалось, что въ смрадномъ воздухѣ пахнуло рѣзкимъ запахомъ того снотворнаго эликсира, какимъ былъ наполненъ золотой флаконъ, подаренный ему Паракришной. Сначала ему показалось, что это не болѣе, какъ галлюцинація, но и мистеръ Мальбро, притиснутый къ нему плечемъ, словно въ полу-снѣ проговорилъ:

— Ахъ, какъ хорошо пахло вдругъ...—и голосъ его замеръ.

Джекъ—таинственный убійца.

Сэръ Генри схватилъ его за руку и хотѣлъ спросить о чемъ-то, но рука его была холодна и словно парализована.

Въ ту же секунду и сэръ Генри почувствовалъ какое-то довольно пріятное нервное оцѣпенѣніе и лишился чувствъ.

Сколько прошло времени, онъ сообразить не могъ, но онъ съ ужасомъ увидѣлъ себя лежащимъ на томъ самомъ диванѣ, и въ той же круглой комнатѣ, какъ и при первомъ посѣщеніи подземныхъ храмовъ.

Возлѣ него стоялъ Баварата и, казалось, ожидалъ его пробужденія.

Не безъ страха взглянулъ сэръ Генри въ глаза стараго брамина, но не могъ уловить ихъ выраженія... Ихъ пристальный, пронизывающій взглядъ, казалось, какъ всегда, скрывалъ какую-то великую тайну.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что поспѣшилъ на мой зовъ... Ты не опоздалъ. Время дорого, пойдемъ къ умирающему.

Ни малѣйшей насмѣшки, или глумленія не слышалось въ словахъ Бавараты, словно будто бы молодой человѣкъ явился, дѣйствительно, по приглашенію, а не среди враговъ.

— Я виноватъ передъ вами, что не могъ раньше дать знать объ опасности,—робко началъ сэръ Генри,—мнѣ стало извѣстнымъ объ экспедиціи лишь сегодня за обѣдомъ!

— О чемъ ты говоришь, мой братъ? Чтобы добраться до насъ, экспедиція употребила 6 часовъ, а черезъ шесть минутъ послѣ того, какъ ты передалъ цвѣтокъ лотоса индусу, мы уже знали, что намъ грозитъ опасность и приготовились.

Тонъ Бавараты былъ настолько натураленъ, что сэръ Генри дѣйствительно повѣрилъ, что онъ, только онъ, сообщилъ вѣсть о нападеніи.

— Но какимъ же образомъ могло такъ быстро дойти извѣстіе?—спросилъ онъ, чтобы вполне удостовѣриться въ своемъ предположеніи.

— У европейцевъ есть телеграфъ и телефонъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Баварата,—у насъ есть приспособленіе и проще, и дешевле, но дѣйствуетъ не хуже. Однако пора, онъ ждетъ, идемъ!—и взявъ молодого человѣка за руку, онъ повелъ его, знакомой уже дорогой, въ комнату умирающаго старика.

При видѣ вошедшихъ, потухающій взглядъ Паракришны внезапно оживился и заблестѣлъ.

— Призываю на тебя благословеніе всѣхъ боговъ моей родины, о сынъ дѣтей моихъ! Ты честно исполнилъ данное тобою слово, теперь я умираю спокойно! Мой кровный закроетъ мнѣ глаза!

Благословивъ преклонившагося передъ нимъ внука, онъ началъ тихо читать „мантру смерти“ и всѣ присутствующіе въ храмѣ брамины тотчасъ опустили на колѣни и стали тихо ему вторить. Вдругъ тѣло старика вздрогнуло, словно отъ судороги, глаза широко раскрылись, онъ приподнялся на своемъ ложѣ и рухнулъ на него безжизненнымъ тѣломъ.

— Умеръ! Переселился въ лучший міръ!—торжественно провозгласилъ Баварата, и преклонилъ передъ мертвымъ колѣно.

— Теперь, о Суами,—обратился онъ къ сэру Генри,—исполни свой послѣдній долгъ, закрой глаза своему кровному!

Сэръ Генри, котораго всѣ предыдущія событія настроили какъ-то мистически, сдѣлалъ два шага впередъ и протянулъ руку, чтобы закрыть остановившіеся, словно стеклянные глаза старика.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, рука Бавараты опустилась на его плечо.

— Во имя предвѣчнаго и единого Бога, запрещаю тебѣ касаться тѣла умершаго, если въ душѣ или сердцѣ твоёмъ таилась измѣна ему и намъ!—рѣзко проговорилъ Баварата.—Не коснись, не оскверняй мертваго, и мы не сдѣлаемъ тебѣ ни малѣйшаго зла!

— Но я не знаю за собой никакой измѣны!—проговорилъ сэръ Генри, чувствуя на себѣ огненные взоры присутствующихъ. Онъ понялъ, что малѣйшее колебаніе будетъ его смертнымъ приговоромъ.

— И ты клянешься въ этомъ?—строго спросилъ браминъ.

— Клянусь!—отвѣчалъ безъ колебанія молодой человѣкъ.

— Такъ будь же ты проклятъ, презрѣнный лжецъ!—воскликнулъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ Баварата и ударилъ по лицу измѣнника.

XXVII.

Освобожденіе.

Сэръ Генри хотѣлъ броситься на оскорбителя, но могучіе брамины схватили его за руки и мгновенно лишили возможности защищаться.

— Я щадилъ не тебя, измѣнникъ,—продолжалъ Баварата,—а честь старика, нашего великаго первосвященника, щадилъ его, чтобы онъ не ушелъ отъ насъ съ сознаніемъ, что сынъ его дѣтей—измѣнникъ!! Но теперь, когда душа его отлетѣла, что мнѣ скрывать твое преступленіе. Пусть лучше не сбудется пророчество, чѣмъ рука измѣнника коснется праха великаго подвижника. Прочь съ глазъ нашихъ, иди къ своимъ англезамъ, которые задышались, какъ кроты въ норѣ. Скажи имъ, что никогда, пока мы живы, не попадутъ они въ священные храмы великаго Вишну, хотя бы у нихъ были сотни такихъ измѣнниковъ, какъ ты! Бѣги скорѣй изъ Индіи, скрой свой слѣдъ тамъ, гдѣ измѣну считаютъ честью, не оскверняй своимъ видомъ нашего опочившаго отца и брата. Выбросьте его къ его братьямъ рыжимъ англезамъ, пусть онъ дѣлитъ ихъ участь!!

Проговоривъ эти страшныя слова, Баварата махнулъ рукой и преданные индусы потащили сѣра Генри въ другую комнату и, наложивъ на лицо платокъ, налитанный наркотической жидкостью, привели его въ безсознательное состояніе.

Далѣе уже онъ ничего не помнилъ. Онъ очнулся въ глубокой темнотѣ того же заваленнаго камнями корридора, рядомъ со спящимъ мертвымъ сномъ мистеромъ Мальбро. Фонарь давно угасъ. Душная безмолвная тьма окружала его, у ногъ его лежали спящіе глубокимъ сномъ англичане. Въ первый моментъ послѣ пробужденія, онъ думалъ, что они умерли, задохшись отъ недостатка воздуха, но онъ ясно ощущалъ теперь грудь мистера Мальбро, и съ радостью замѣтилъ, что сердце его билось. Онъ только спалъ, погруженный въ полудетаргическій сонъ, который наводитъ индусскій снотворный эликсиръ.

Сэръ Генри началъ полакомъ ощущивать другихъ, лежащихъ въ повалку рядомъ, и могъ констатировать только, что всѣ они живы, но погружены въ глубокой непробудный сонъ... Что было дѣлать въ этомъ положеніи? Что предпринять? И тутъ только лучъ надежды сверкнулъ въ умѣ измѣнника. Если бы индусы хотѣли убить его, то ничего не было легче, какъ исполнить это, когда онъ былъ въ ихъ рукахъ. Если они его пощадили, и даже Баварата приказалъ ему немедленно покинуть Индію—слѣдовательно онъ возвратитъ ему свободу... Но тутъ другая мысль: не было ли все происшествіе у смертнаго одра Паракришны—галлюцинаціей, мимолетнымъ сномъ, навѣяннымъ наркотикомъ, зародилась и тутъ же исчезла. Ударъ Бавараты еще болѣзненно горѣлъ на щекѣ негодяя... Воспоминаніе объ этомъ оскорбленіи, жажда мести, бѣшенство мгновенно охватили все существо сѣра Генри. Голова его была готова лопнуть, сердце прыгало, рвалось въ груди и стучало словно молотомъ!..

Вдругъ сѣру Генри показалось, что тутъ, сейчасъ, возлѣ, надъ самой его головой, раздался рѣзкій ударъ металла по камню. Онъ со вниманіемъ сталъ прислушиваться... Удары повторились—и смолкли.

Очевидно, оставшіеся люди экспедиціи искали заживо погребенныхъ и выстукивали стѣны подземныхъ ходовъ...

Онъ бросился къ мѣсту, откуда раздался стукъ, и крикнулъ, что было силы, но очевидно голосъ его не долеталъ до искавшихъ. Стукъ повторился нѣсколькими шагами далѣе по корридору. Тогда сэръ Генри рѣшился на послѣднее средство, онъ нагнулся къ мистеру Мальбро, и схвативъ одинъ изъ пистолетовъ, бывшихъ у него за поясомъ, выстрѣлилъ на удачу... (Его собственные револьверы были отобраны при арестѣ индусами). Очевидно, сигналъ былъ понятъ, и могучіе удары дружно застучали по камнямъ сводовъ. Сэръ Генри торжествовалъ. Если ему удастся теперь вырваться на свободу, спасая своихъ товарищей, то онъ внутренне клялся, что немедленно удаляясь изъ Индіи, поставить непреодолимыя преграды мстительному чувству обманутыхъ имъ индусовъ.

Удары становились все чаще, все громче. Вотъ посыпались куски мрамора и мелкихъ камней, и красный свѣтъ факела, блеснувшій въ пробитое отверстіе, освѣтилъ страшную тюрьму, въ которой были заключены англичане.

Быстро закипѣла работа. Десятки рукъ спѣшили расширить отверстіе, и скоро какъ сэръ Генри, такъ и остальные англичане были освобождены. Но искусственный сонъ, наведенный на все общество англичанъ наркозомъ, не скоро уступилъ усиліямъ европейскихъ докторовъ, бывшихъ въ экспедиціи. Только благодаря знанію туземной медицины однимъ изъ старѣйшихъ индусовъ-могOMETанъ, удалось привести въ чувство какъ резидента, такъ и всѣхъ его товарищей, безъ особаго вреда для ихъ здоровья.

— О, они у меня поплатятся! Они поплатятся головами!—кипятился администраторъ, показывая кулакъ по направленію къ храму, но кому предназначалась угроза, сказать было трудно, такъ какъ съ самаго начала экспедиціи не было встрѣчено ни одного индуса.

Главный судья, человѣкъ весьма пунктуальный, старался убѣдить въ этомъ господина резидента, но онъ не унимался и продолжалъ грозить невидимымъ врагамъ.

Но какъ бы тамъ ни было, цѣль экспедиціи не была достигнута. Магометанскіе проводники отказались идти въ глубь каменныхъ громадъ, приходилось возвращаться обратно, не достигнувъ никакого результата.

Разумѣется, сэръ Генри ни слова не сказалъ о томъ, что произошло съ нимъ въ теченіи этой ночи. Теперь у него была одна цѣль: условиться окончательно насчетъ брака съ миссъ Елленъ и бѣжать какъ можно скорѣе въ Англію и тамъ заняться окончаніемъ процесса своей будущей жены.

Оставивъ нѣсколько десятковъ рабочихъ и инженера для освобожденія партіи, раньше заваленной въ корридорахъ храма, резидентъ рѣшилъ вернуться въ Бомбей, мотивируя передъ высшимъ правительствомъ неудачу въ изслѣдованіи храмовъ крайне опаснымъ состояніемъ доступовъ къ нему, ежеминутно грозящихъ обвалами.

Разумѣется, героемъ былъ сэръ Генри. Всѣ восхваляли его находчивость, энергію, и даже резидентъ нѣсколько разъ принимался жать ему руку.

Но другая мысль крайне беспокоила сѣра Генри. Онъ уже нѣсколько разъ пытался ощупать, цѣла ли на груди его замшевая сумка, въ которой было все его состояніе, или такъ же отобрана, какъ его оружіе, и только улегшись на подушкахъ паланкина и разстегнувъ жилетъ, онъ вполнѣ успокоился.

Сумка была при немъ и въ цѣлости.

XXVIII.

Отравленіе уколомъ.

Ему удалось устроить такъ, что мистриссъ Мальбро и сама миссъ Елленъ дали ему слово, по первой его телеграммѣ изъ Лондона (куда онъ долженъ былъ выѣхать для устройства, якобы, своихъ дѣлъ черезъ три дня), ѣхать къ нему съ первымъ пакеботомъ, и онъ долженъ былъ встрѣтить ихъ въ Портъ-Саидъ или въ Александрію.

Вернувшись домой поздно вечеромъ и ложась спать, сэръ Генри съ изумленіемъ почувствовалъ, что у него начинается сильный зудъ въ плечѣ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у него была таинственная татуировка.

Онъ поднялъ рукавъ рубашки и замѣтилъ маленькую гноящуюся ранку, какъ разъ на мѣстѣ изображенія индусскаго божества. Сначала не обративъ на этотъ укусъ насѣкомаго (онъ такъ понималъ это) никакого вниманія, сэръ Генри бросился въ кровать, но долго не могъ заснуть. Боль въ ранкѣ дѣлалась все интенсивнѣе, все острѣе, и къ утру превратилась въ жестокия страданія. Призванный немедленно докторъ опредѣлилъ болѣзнь укушеніемъ какого нибудь ядовитаго паука, а между тѣмъ, рука распухла, рана приняла весьма злокачественный видъ, развилась сильнѣйшая лихорадка, и скоро молодой человѣкъ потерялъ сознание.

Когда онъ очнулся, то кромѣ доктора возлѣ него сидѣлъ старый химикъ-ирландецъ изъ факторіи, дѣлавшій перевязку.

Только благодаря его знанію, сэръ Генри былъ спасенъ, что не опровергаль и лечившій сѣра Генри медикъ.

— Благодарите его, — сказалъ онъ, показывая на добродушнаго старика, — я принялъ это за укушеніе ядовитаго паука и ничѣмъ не помогъ бы вамъ.

— Но что же это за болѣзнь? — слабымъ голосомъ спросилъ больной.

— Это не болѣзнь, а искусственное отравленіе уколомъ! О, эти негодные индусы умѣютъ обдѣлывать свои дѣлишки. Да слава Богу, я кое-что маракую въ ихъ таинственныхъ наукахъ.

— Но зачѣмъ же? Не смерти же они моей хотѣли?

— А хоть бы для того, чтобы уничтожить бывшую здѣсь татуировку.

— Какъ бывшую? — спросилъ сэръ Генри.

— Очень просто, на всемъ этомъ мѣстѣ одна сплошная рана, которая недѣли черезъ двѣ затянется рубцомъ и слѣдовъ разной чертовщины здѣсь не останется!

Сэръ Генри прикусилъ губу. Онъ понималъ чего хотѣли брамины и какъ достигли своей цѣли. Татуировка была уничтожена, онъ больше не принадлежалъ къ ихъ кастѣ.

Черезъ двѣ недѣли, сопровождаемый напутствіями миссъ Елленъ, ея родственниковъ, цѣлой толпы англичанъ, собравшейся его проводить на пакеботъ, уходящій въ Англію, сэръ Генри дружественно пожималъ руку мистеру Роджерсу, который одинъ былъ посвященъ въ тайну миллионнаго дѣла, которое затѣвалъ женихъ миссъ Елленъ. Всѣ нужные документы были у него въ портфель, рекомендательныя письма къ нотаріусамъ — стряпчимъ тоже, и молодой человѣкъ просто сіялъ отъ счастья!.. Еще немного, и онъ будетъ обладателемъ одного изъ крупнѣйшихъ состояній соединенныхъ королевствъ...

О, теперь, чтобы достигнуть желаемого, онъ не остановится ни передъ чѣмъ!

Раздался послѣдній звонокъ и пароходъ медленно двинулся вдоль мола. Миссъ Елленъ стояла у самыхъ перилъ и махала платкомъ. Она, дѣйствительно, горячо полюбила молодого человѣка, сумѣвшаго скрыть негодяя подъ личиной безукоризненнаго джентльмена.

Сэръ Генри могъ, наконецъ, вздохнуть свободно. Онъ оставлялъ за собой эту таинственную Индію, самое пребываніе въ которой казалось ему теперь тяжелымъ кошмаромъ.

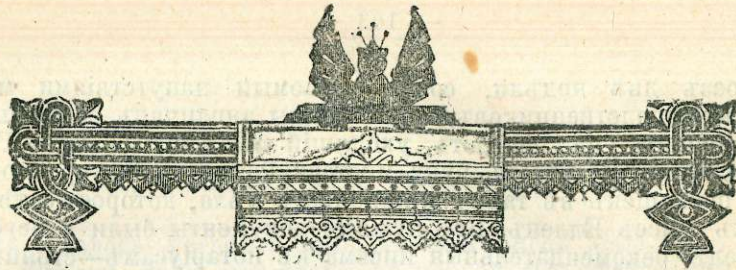
Теперь, закаленный въ борьбѣ, обладающій денежными средствами и массой познаній, полученныхъ отъ Бавараты, онъ гордо стремился къ намѣченной цѣли... Что могло остановить его? Документы были въ его рукахъ. Препятствія, борьба? Да онъ не остановился бы и передъ преступленіемъ!..

Когда Бомбей скрылся изъ виду, онъ вошелъ въ свою каюту и словно сломленный усталостью, бросился на койку.

— Все вадоръ! Въ Англіи они мнѣ не опасны! Я смѣюсь надъ вашими угрозами! — проговорилъ онъ громко, словно успокаивая себя, но радостное выраженіе исчезло съ его лица.

Онъ зналъ по опыту, какъ мстительны брамины!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Новые авторитеты.

НИЧТО не изменилось на пароходѣ „Москва“ съ момента отъѣзда на берегъ въ Бомбеѣ сэра Генри. Дамы можетъ быть пожалѣли о неглупомъ собесѣдникѣ, но скоро его забыли; одинъ только санитаръ, мрачный Яковъ Момлей, ходилъ нѣсколько дней какъ потерянный, и самъ не могъ дать себѣ отчета въ охватившемъ его чувствѣ.

Это была какая-то болѣзненная, чисто психическая тоска, тоска преслѣдующая, отравляющая существованіе.

Казалось, сэръ Генри, оставляя пароходъ, унесъ у несчастнаго молодого человѣка всю душу, всю надежду на будущее.

Однажды, когда онъ подошелъ къ одному изъ легко больныхъ арестантовъ, даже готовому къ выпискѣ, этотъ послѣдній, высокій, черноволосый мужчина, съ лицомъ, на которомъ была написана грозная исторія его преступной жизни, вдругъ окликнулъ его по англійски.

Это такъ поразило Момлея, что онъ внезапно вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на больного.

— Развѣ ты говоришь по-англійски?—спросилъ онъ удивленно.

— Люди говорятъ, почему-же мнѣ не говорить,—съ улыбкой отвѣчалъ по англійски же арестантъ.

— Но вѣдь ты же русскій, изъ московскихъ мѣщанъ, гдѣ же ты учился?—переспросилъ Момлей.

— Назвать могутъ, какъ хотятъ, фамилія-то не на шкурѣ, а въ паспортѣ проставляется, такъ называй какъ хочешь, мнѣ какое дѣло!

— Но гдѣ же ты такъ хорошо научился говорить?—съ изумленіемъ допытывался Момлей.

— Не все же въ острогѣ сидѣлъ... и на волѣ гулялъ. Да еще куда залеталъ...

— Что же вамъ отъ меня угодно?—спросилъ Момлей, переходя на „вы“.

— Вотъ это, братъ, напрасно, все вы, да вы!.. Съ арестантами такъ не модель, говори просто—вѣрнѣе будетъ.

— Что же тебѣ надо отъ меня?

— А вотъ что, батюшка Яковъ Альбертовичъ, смерть моя—скучно!

— Что же я могу тутъ сдѣлать, чѣмъ пособить?!—удивился санитаръ.—Что же ты хочешь, несчастный? Скажи, я попытаюсь попросить капитана.

— Эхъ, не то, братъ, не то!.. Какъ бы я зналъ самъ, чего мнѣ нужно, я бы тебя не спрашивалъ! Нѣтъ, вотъ что: отрави ты меня, отрави, Христа ради, прошу, потому что все равно, я и другихъ многихъ уложу, и на себя руки наложу. Видишь, какъ кругомъ люди мрутъ... Ну, что тебѣ стоитъ... прикончи! Охъ, какъ страшно, страшно жить. Не хочу больше, не хочу... слышишь, не хочу! Убей меня, а то хуже будетъ...—Онъ схватилъ руку санитаря и поцѣловалъ.

Момлей невольно вздрогнулъ. Въ голосѣ арестанта слышалось такое горе, такая отчаянная рѣшимость, что онъ нѣсколько секундъ колебался, что ему дѣлать, потомъ медленно всталъ, пошелъ въ походную аптечку и, изготавивъ сильный пріемъ хлораль-гидрата, подаль пузырекъ больному.

— Не обманываешь?—нервно скрививъ губы въ улыбку, спросилъ тотъ.—Сразу уложить?

— Говори тише, не я одинъ понимаю по англійски, услышать, хорошаго мало!

— Ну, все равно, будь здоровъ!—сказалъ арестантъ и залпомъ выпилъ лекарство.

Момлей не отходилъ отъ него, зная, что дѣйствіе должно проявиться быстро.

— Мучиться не буду?—прервалъ арестантъ тягостное молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ.

— Заснешь, безъ боли.

— Засну, а если проснусь? Если проснусь?!—сверкнувъ глазами, вскрикнулъ арестантъ.

Момлей не отвѣчалъ. Онъ хорошо зналъ, что меньше чѣмъ чрезъ сутки несчастный проснется и первый же станетъ благодарить его за спасеніе.

Арестантъ хотѣлъ еще сказать что-то, но губы его уже едва шевелились, руки повисли, какъ плети, и онъ въ безсиліи упалъ на койку.

Лекарство подѣйствовало, онъ спалъ мертвымъ сномъ.

Поручивъ спящаго надзору фельдшера, Момлей направился къ

начальнику этапной команды, чтобы узнать изъ статейного списка, что за субъектъ, съ которымъ онъ только что бесѣдовалъ.

Въ статейномъ спискѣ значилось: по собственному показанію непомнящій родства мѣщанинъ Фролъ Фроловъ, 35 лѣтъ, осужденъ за грабежъ съ убійствомъ, какъ рецидивистъ, бѣжавшій съ каторжныхъ работъ, на вѣчную каторгу. Въ примѣчаніи къ рѣшенію было сказано: наказать по прибытіи на мѣсто отбытія наказанія сорока ударами!!

Ему вдругъ, совершенно инстинктивно, стало жаль несчастнаго, и онъ даже одно мгновеніе пожалѣлъ, что не далъ ему дѣйствительно яду вмѣсто хлорала. При большой смертности отъ диссентеріи и другихъ болѣзней, кто бы обратилъ вниманіе на смерть одного лишняго арестанта!

Онъ продумалъ объ этомъ случаѣ весь день, всю ночь, и со страхомъ и смущеніемъ вошелъ на слѣдующее утро въ отдѣленіе больницы, гдѣ помѣщался Фролъ Фроловъ.

Тотъ уже проснулся, и увидѣвъ вошедшаго санитаря, пристально и укоризненно посмотрѣлъ на него, словно говоря этимъ взглядомъ:

— Ну, пусть, быть по вашему, а теперь добра не ждите!

II.

„Тарабарскій языкъ“.

Не смотря на то, что Момлей не исполнилъ просьбы Фрола Фролова (мы такъ и будемъ впредь звать каторжника), интимныя отношенія между ними не прекращались. Фроловъ видѣлъ, что черезъ молодого санитаря онъ можетъ добыть себѣ разныя льготы, и потому всѣми силами старался возбудить въ немъ чувство состраданія къ себѣ.

Давно оправившись отъ нездоровья, онъ упросилъ Момлея не выписывать его изъ больницы, такъ какъ больничныя порціи были гораздо вкуснѣе арестантскаго пайка, да койка была несравненно мягче нарѣ.

Докторъ, все еще болѣвшій, окончательно положился въ управленіи больничнымъ отдѣленіемъ на молодого санитаря, и потому Момлею не трудно было сдѣлать послабленіе для заинтересовавшаго его арестанта.

Онъ даже до извѣстной степени привязался къ нему, и по цѣлымъ часамъ просиживалъ у его койки, слушая его, по большей части фантастическіе рассказы о своей бѣглой жизни. Арестантъ, притворяясь чистосердечно раскаявшимся грѣшникомъ, со слезами на глазахъ рассказывалъ ему печальную повѣсть своей жизни, борьбу бурныхъ страстей, преступленіе и наконецъ возмездіе закона, пославшаго его на каторгу...

Продолжая морочить рассказами молодого санитаря, онъ не прерывалъ своей связи съ товарищами-арестантами, оставленными имъ по камерамъ. Еще до своей болѣзни онъ особенно дружно сошелся съ двумя „безсрочными“ каторжниками, старостой 2-й камеры Власомъ Ивановымъ и его другомъ-пріятелемъ Зосимой Непомнящимъ.

Зосима былъ изъ бѣглыхъ, попался въ грабежѣ на большой дорогѣ, былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги, бѣжалъ убивъ конвойнаго, былъ въ тотъ же день схваченъ и снова осужденъ на вѣчную каторгу. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, цыганскаго типа и атлетическаго здоровья, смотрѣлъ изподлобья и рѣдко вставлялъ свое слово въ товарищескую бесѣду. Напротивъ, Власъ Ивановъ, молодой, юркій человѣчекъ, съ рѣденкой бородкой клинушкой (теперь бритый, постоянно подсмѣивался надъ всѣми товарищами, и ни слова не могъ сказать безъ прибаутки или комической гримасы. Подвижный, какъ ртуть, вертлявый, скорѣе ловкій, чѣмъ сильный, онъ сумѣлъ настолько заслужить довѣріе товарищей и даже начальства, что выборъ его въ старосты артели камеры № 2-й былъ утвержденъ безъ труда.

Хотя по статейнымъ спискамъ и значилось, что онъ осужденъ на вѣчную каторгу за убійство съ поджогомъ цѣлаго семейства, но онъ всегда при начальствѣ говаривалъ: „Что, молъ, такой поклепъ навели, совсѣмъ, почитай, безвиннаго засудили, а онъ спорить противъ начальства не хотѣлъ, пусть, говорить, грѣхъ на ихъ совѣсти будетъ“!

„Рыбакъ рыбака чувствуетъ издалика“, говоритъ русская пословица. Не мудрено, что эти двѣ личности, встрѣтившись и познакомившись въ центральной тюрьмѣ (въ ожиданіи ссылки на Сахалинъ), не только сошлись, но и подружились, а черезъ нѣсколько дней стали „товарищами“.

Много значить слово „товарищъ“ въ томъ темномъ и малоизслѣдованномъ мірѣ, который называется „острогъ“ и „каторга“! Фролъ Фроловъ, стоявшій гораздо выше ихъ по своему развитію и образованію, тотчасъ смекнулъ, что за сила таится въ подобномъ товариществѣ и постарался примкнуть къ нимъ. Это ему удалось. Онъ былъ человѣкъ испытанный, побывавшій уже разъ на Сахалинѣ, слѣдовательно, знакомый съ будущимъ мѣстомъ дѣйствія, словоохотливый, сильный и, главное, „бывалый“. Власъ первый протянулъ ему руку и призналъ своимъ товарищемъ. Зосима, хотя и поморщился въ первый разъ, но не хотѣлъ отступать отъ побратима, и союзъ „трехъ“ былъ заключенъ на вѣки нерушимо, т. е. до достиженія все той же одной общей цѣли—бѣгства съ каторги.

Успѣвъ заслужить симпатію Момлея, Фроловъ тотчасъ же ухитрился сообщить объ этомъ двумъ товарищамъ. Тѣ прикинулись больными, и не дальше, какъ въ тотъ же день, оба были положены въ той же больничной каютѣ, гдѣ помѣщался и Фроловъ.

При посторонних друзья даже не подали вида, что они знакомы другъ съ другомъ, но лишь только фельдшеръ и конвойные удалились, приятели повскакали съ своихъ коекъ и начались бесѣды по душѣ.

Говорили они на особомъ жаргонѣ, придуманномъ въ острогахъ центральныхъ губерній, на такъ называемомъ языкѣ „на-фара“, совершенно непонятномъ для большинства. Вся суть заключается въ томъ, чтобы сбить съ толку непрощенныхъ слушателей и вообще не посвященныхъ въ тайны этого „тарабарскаго“ языка.

Если слово коротко, не больше двухъ слоговъ, то между слогами прибавляютъ слово „фара“, и имъ заканчиваютъ фразу. Такимъ образомъ выходитъ: дафарайте фара хлѣфарабафа (дайте хлѣба). Непривычному уху слышится только звукъ „фара“ и разобрать смыслъ словъ, особенно произносимыхъ быстро, почти невозможно.

Нѣсколько времени „товарищи“ говорили на этомъ языколомательномъ жаргонѣ, но когда вполне убѣдились, что никто ихъ не подслушиваетъ, а вѣрнѣе когда все, о чемъ имъ надо было тайно условиться, было уже высказано и обсуждено, а теперь оставалась просто болтовня „по душѣ“, не требовавшая особой тайны, перешли къ простому разговору.

Вдругъ оба бросились отъ Фролова на свои койки и укрылись одеялами. Было какъ разъ время: капитанъ, въ сопровожденіи начальства, дѣлалъ обходъ арестантскихъ помѣщеній.

III.

Осмотръ каторжниковъ.

На этотъ разъ осмотръ капитана былъ гораздо строже обыкновеннаго; онъ получилъ доносъ отъ одного изъ каторжниковъ, что здоровые содержатся на больничномъ положеніи, и хотѣлъ лично убѣдиться въ этомъ.

Увлеченные рассказомъ Власа, оба его слушателя хотя и успѣли броситься на свои койки, но все-таки не достаточно быстро, чтобы это движеніе не ускользнуло отъ капитана. Онъ ничего не сказалъ Момлею, шедшему позади его съ фельдшеромъ, но вопросительно и строго поглядѣлъ на Фролова.

— Скоро къ выпискѣ?—спросилъ онъ.

— Про то знаетъ ихъ высокоблагородіе,—отрапортовалъ арестантъ, показывая глазами на Момлея.

— Хорошо. Василий Львовичъ васъ сегодня осмотритъ (Василий Львовичъ былъ судовой врачъ). Терпѣть не могу притворщиковъ.—Капитанъ съ перваго взгляда на Фролова почувствовалъ къ нему какую-то неизъяснимую антипатію, которая все

болѣе и болѣе усиливалась во время перехода. Онъ словно видѣлъ насквозь душу этого человѣка, кровавая исторія котораго еще не была дописана до конца... Онъ помнилъ его еще по первому рейсу на Сахалинъ, когда Фроловъ, ссылаемый въ первый разъ, своимъ интеллигентнымъ видомъ и искренностью своихъ словъ сумѣлъ возбудить сочувствіе во всѣхъ начальствующихъ лицахъ, и воспользовался имъ для того, чтобы тотчасъ по приходѣ въ портъ Дуэ, бѣжать черезъ Японію.

Капитанъ видѣлъ въ пребываніи Фролова въ больницѣ какую-то хитрость, но не сталъ спорить съ Момлеемъ, доказывавшимъ, что арестантъ недостаточно поправился, чтобы вернуться въ душные камеры сыльныхъ.

Присутствіе тутъ же въ больницѣ двухъ другихъ „подозрительныхъ“ арестантовъ еще болѣе возбудило недовѣріе капитана, и онъ рѣшилъ просить выздоравливающего доктора дать свое заключеніе по этому предмету.

Когда двери больничной камеры снова захлопнулись за начальствомъ, арестанты нѣсколько минутъ лежали молча.

Каждый изъ нихъ понялъ, что слова капитана сказаны не с проста, и что надо вести себя возможно осторожнѣе, чтобы не лишиться послѣдняго довѣрія начальства.

Вѣдь только на одномъ довѣріи начальства они основывали свой планъ побѣга, который теперь былъ рѣшенъ безповоротно.

Дни летѣли за днями. Тропическіе ливни и пассаты смѣнились жестокими шквалами Японскаго моря и громадный корпусъ „Москвы“ порою бросало, какъ щепку.

Докторъ, совершенно не переносившій морской болѣзни, снова слегъ на койку, и снова Момлею пришлось завѣдывать хозяйствомъ и распорядками въ больничномъ отдѣленіи.

Едва узнали объ этомъ товарищи каторжники изъ 2 камеры, какъ тотчасъ съ Фроломъ Фроловымъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ столбняка, такъ хорошо и искусно имъ разыгранный, что фельдшеръ, спѣшно вызванный въ камеру, тотчасъ-же, не дожидаясь распоряженій санитаря, распорядился перенести его въ больницу.

Этого только и нужно было хитрому рецидивисту. Онъ зналъ, что послѣ полудня Момлей будетъ обходить больничныя помѣщенія и, разумеется, увидитъ его. На этомъ свиданіи онъ основывалъ многое и для себя, и для своихъ „товарищей“.

Молодой санитаръ очень удивился, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпокоился, увидавъ Фролова, лежащимъ на больничной койкѣ, съ безжизненнымъ, словно окаменѣвшимъ лицомъ. Онъ нагнулся къ нему и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ?

Больной, казалось, не слышалъ вопроса, когда же Момлей нагнулся еще ниже, и на второмъ вопросѣ губы больного чуть зашевелились и онъ прошепталъ:

— Мнѣ нужно поговорить наединѣ.

Момлей даже вздрогнулъ отъ неожиданности и украдкой

взглянулъ на фельдшера, но онъ былъ въ другой смежной палатѣ и помогаль переложить съ койки на койку тяжело больного арестанта.

— Придете?—тихо, но настойчиво переспросилъ Фроловъ, и въ голосъ его слышалась какъ бы нотка приказанія.

Момлей снова вздрогнулъ. Онъ чувствовалъ, что больной говорить, какъ власть имѣющей, что онъ можетъ повелѣвать, а ему нѣтъ другого исхода, какъ повиноваться.

— Приходи! Я такъ хочу!..—на этотъ разъ уже гораздо громче и, сверкнувъ глазами прямо въ глаза молодого санитаря, проговорилъ Фроловъ.

— Приду!—бессознательно отвѣчалъ Момлей. — Онъ хотѣлъ отойти, бѣжать, скрыться отъ чарующей, неотразимой воли этого, лежащаго на больничной койкѣ, арестанта, но не могъ. Это было свыше силъ его.

— Приходи сегодня вечеромъ, когда капитанъ ляжетъ спать. Я такъ хочу!—снова раздался тихій, но повелѣвающий шопотъ Фролова, и Момлей тотчасъ почувствовалъ, что борьба будетъ напрасна, что онъ придетъ, что онъ долженъ придти.

— Хорошо, приду, приду, приду, а теперь пусти меня,—уже совсѣмъ въ галлюцинаціи, проговорилъ онъ, хотя Фроловъ и не думалъ его не только удерживать, но даже не прикасался къ нему.

— Что прикажете для этого?—обратился вдругъ къ санитару фельдшеръ.—Очень ужъ бился давеча, ваше высокоблагородіе.—Онъ указалъ на Фролова.

— Пока лавровишневая капли и больше ничего, а вечеромъ я зайду, можетъ быть будетъ нужна ванна, я посмотрю!—сказалъ Момлей, чтобы сказать что-либо.

— Руду не бросить ли, ваше высокоблагородіе, очинно въ такихъ случаяхъ помогаетъ.

— Кровь?..—словно въ полуснѣ переспросилъ Момлей.—Нѣтъ... нѣтъ, не надо крови, не надо крови... не надо крови!..—Послѣдній разъ проговоривъ эту фразу, молодой санитаръ нервнымъ жестомъ закрылъ себѣ глаза, и почти выбѣжалъ изъ больничнаго отдѣленія.

Едва дверь затворилась за санитаромъ и фельдшеромъ, Фроловъ, лежавшій до того совершенно неподвижно, словно статуя, едва удержался, чтобы не разсмѣяться.

— Вотъ и прекрасно, первый опытъ сдѣланъ,—съ злой улыбкой мысленно проговорилъ онъ.—Если онъ послушаетъ да придетъ ко мнѣ вечеромъ, наше дѣло сдѣлано, словно по нотамъ разыграемъ. Не содрана та шкура на плеть, которая будетъ хлестать Фрола Фролова.

IV.

Гипнотическій сонъ.

Какъ ни боролся Момлей, какъ ни старался забыть дерзкія слова арестанта, но едва капитанъ, смѣнившись съ вахты, поужиналъ и направился въ свою каюту, какая-то неодолимая сила подняла Момлея съ его мѣста и довела до входа въ больничное отдѣленіе.

Подобныя вечернія визитаціи доктора и санитаря были не рѣдкость во время большой болѣзненности подневольныхъ пассажировъ, и потому завѣдующій карауломъ немедленно же пропустилъ Момлея въ больничное отдѣленіе. Фельдшеръ спалъ на диванчикѣ въ аптечной комнатѣ, и Момлею показалось, что двѣ какія-то фосфорисцирующія точки обращены къ нему изъ другого конца больничной палаты.

Онъ не ошибся—это Фролъ Фроловъ, приподнявшись на своей койкѣ, вперилъ свои блестящіе черные глаза во входившаго.

Тутъ, уже на порогѣ, Момлей чуть не сдѣлалъ послѣднюю попытку бѣжать, но попытка такъ и осталась попыткой—ноги его больше не повиновались его волѣ и подвели его прямо къ койкѣ арестанта.

Тотъ, казалось, былъ такъ увѣренъ, что Момлей придетъ, что даже не поблагодарилъ его и только спросилъ:

— Отчего опоздалъ?

— Капитанъ долго ужиналъ,—отозвался совсѣмъ упавшимъ голосомъ молодой санитаръ, словно извиняясь за промедленіе.

— Хорошо; а теперь садись сюда и смотри мнѣ прямо въ глаза.

Повинуясь волѣ арестанта, Момлей моментально опустился на койку, стоящую рядомъ.

Въ этомъ больничномъ отдѣленіи никого не было. Тускло свѣтила въ углу комнаты небольшая качающаяся лампочка, да изъ дверей аптечнаго отдѣленія на полу лежала узкая полоска свѣта.

Было тихо, насколько можетъ быть тихо на морѣ, послѣ только что окончившагося шквала, когда разыгравшееся волненіе бросаетъ корабль какъ щепку, и его крутые бока и стальные скрѣпленія скрипятъ и гнутся при напорѣ цѣлыхъ водяныхъ горъ.

— Спи!—послышалось рѣзкое и отрывистое приказаніе Фролова и онъ махнулъ рукой передъ самымъ лицомъ Момлея. Тотъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, сдѣлалъ отчаянное усиліе, словно борясь съ охватывающимъ его оцѣпенѣніемъ и затѣмъ медленно склонился на изголовье койки.

Онъ спалъ гипнотическимъ, непробуднымъ сномъ.

Арестантъ торжествовалъ. То, что онъ предполагалъ, на что

надѣялся, сбылось самымъ безыскусственнымъ образомъ. Момлей оказался превосходнымъ субъектомъ для гипнотическихъ опытовъ, а онъ, Фроловъ, не разъ во время своей долгой и темной карьеры пользовался своей гипнотической силой, чтобы побѣждать сопротивление и болѣе сильныхъ натуръ.

— Ты спишь?—спросилъ онъ тихо.

Губы Момлея вздрогнули, но звука не слышалось.

— Ахъ, да, запечатанъ!—улыбнулся своею скверною улыбкою Фроловъ и нѣсколько разъ провелъ по губамъ молодого человѣка пальцемъ.

— Теперь можешь говорить?—переспросилъ онъ.

— Теперь могу!—какимъ-то хриплымъ голосомъ отвѣчалъ Момлей.

— Ты долженъ меня во всемъ слушать—понялъ?

— Понялъ! Буду слушать!—отвѣчалъ санитаръ.

— Мы на дняхъ прїедемъ въ портъ Дуэ, тамъ насъ снова будутъ заковывать въ кандалы,—я не хочу этого. Ты долженъ мнѣ помочь.

Момлей молчалъ.

— Ты дашь мнѣ сію минуту мази, чтобы я могъ растравить себѣ ноги, а ты будешь просить, чтобы меня не заковывали. Понялъ?

— Понялъ! Я иду приготовить.

— Не такъ. Вышли зачѣмъ нибудь фельдшера и приготовь. Погоди,—сказалъ Фроловъ рѣзко,—еще не все. Когда насъ будутъ высаживать, то устрой непременно такъ, чтобы меня посадили въ одну камеру съ Власомъ и Зосимой! Мы товарищи! Понялъ?

— Понялъ,—снова механически отвѣчалъ Момлей.

— Помни одно, и самое главное, ты имѣешь право, какъ свободный человѣкъ, купить и содержать лодку. Купи большую парусную и катайся ежедневно на взморьѣ.

— Для чего?—послышался неуверенный вопросъ санитаря.

— Не разсуждать! Я такъ приказываю!—строго и дерзко сказалъ Фроловъ и положилъ всю ладонь на лобъ молодого человѣка.

— Ты меня слышишь?—снова спросилъ онъ.

— Слышу и повинуюсь,—еще тише и глуше отвѣчалъ Момлей.

— Ну, такъ помни же, когда ты проснешься, ты долженъ позабыть, что я тебѣ все это приказывалъ! Это ты дѣлаешь самъ по своей волѣ. Ты никогда не спалъ, и мы не знакомы. Понялъ?

— Понялъ, душно, тяжело! Пощади!—стонялъ несчастный.

— А теперь проснись, проснись, проснись!—уверенно произнесъ Фроловъ и сильно дунулъ въ глаза Момлею.

Тотъ какъ-то испуганно открылъ глаза, снова закрылъ ихъ, приподнял голову съ подушки и вполнѣ очнулся.

— Я, кажется, задремалъ?—спросилъ онъ вполнѣ натурально.—Ахъ, какой я забывчивый, а мнѣ еще надо мази для васъ при-

готовить!—Съ этими словами онъ направился въ аптеку, разбудилъ фельдшера, выслалъ его за какимъ-то предметомъ и наскоро приготовилъ для Фролова сильной сыпной мази и, быстро вернувшись, подалъ ее арестанту.

— Употребляй, какъ сказано, какъ сказано,—повторилъ онъ дважды и, словно сдѣлавъ преступленіе, чуть не бѣгомъ бросился вонъ изъ больничнаго отдѣленія.

Возвратившійся фельдшеръ нашелъ входную дверь незаперенной и только махнулъ рукой вслѣдъ убѣжавшаго Момлея.

— И въ правду полуумный, полуумный и есть!.. Долго ли съ нимъ до грѣха, и какъ это насъ еще Господь милуетъ!

А арестантъ, спрятавъ въ уголокъ арестантскаго халата маленькую баночку мази, торжествовалъ побѣду. Не только ему удалось среди начальства найти себѣ помощника и безвольнаго пособника, но и получить отъ него снадобнице, которое стоило теперь дорого. Помощью его онъ надѣялся хотя временно спасти свою шкуру отъ прикосновенія роковаго инструмента казни.

А потомъ бѣжать, бѣжать, бѣжать!

V.

Прибытіе въ портъ Дуэ.

Сильные туманы и въ особенности бурная погода, встрѣчая на высотѣ мыса Корсакова, сильно задерживали ходъ этого парового гиганта; наконецъ, всѣ препятствія были преодолены и якорь грузно ухнулъ въ воду въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ импровизированной набережной порта Дуэ.

Хотя былъ первый часъ ночи, но при видѣ прибывшаго парохода все пришло на берегу въ величайшее оживленіе, и десятки всевозможныхъ лодокъ, яликовъ, катеровъ направились къ прибывшему гостю изъ далекой родины.

Срочный пароходъ добровольнаго флота, навѣщающій эти печальныя воды, есть почти единственное звено, связывающее всѣхъ этихъ оторванныхъ отъ родины людей съ отечествомъ.

Массы любопытныхъ, ожидающихъ, чающихъ спѣшили хотя однимъ глазомъ взглянуть на пассажировъ, прибывшихъ на „Москву“, но капитанъ былъ неумолимъ и отложилъ высадку пассажировъ до утра. Въ видѣ величайшаго исключенія, только нѣкоторымъ изъ начальствующихъ лицъ, семейства которыхъ прибыли на пароходъ, было дозволено подняться по трапу.

Въ арестантскихъ отдѣленіяхъ шелъ страшнѣйшій переполохъ. Не то, чтобы «земля изгнанія» представлялась имъ какимъ-то «раемъ», напротивъ, люди бывалые рассказывали о жить-бытьѣ на островѣ чудеса, но всѣ арестанты по большей части такъ обжились на пароходѣ, на хорошихъ харчахъ, безъ канда-

Джекъ—таинственный убійца.

ловъ, что идти снова въ тьму и смрадъ остроговъ казалось имъ величайшимъ наказаніемъ.

Рано утромъ, чуть солнце блеснуло на горизонтѣ, на пароходѣ и на берегу началась лихорадочная дѣятельность. Арестантовъ выводили по камерамъ, разбивали по парно и затѣмъ съѣдомъ сдавали на руки прибывшаго съ берега начальства.

Ихъ сажали подлѣ строгимъ конвоемъ на шлюпки и затѣмъ везли во временныя тюремныя помѣщенія, построенныя на берегу. Главныя зданія тюремъ находились гораздо дальше по долину, вѣвшаго въ довольно гористый берегъ, но туда новоприбывшіе поступали уже послѣ всѣхъ формальностей, соединенныхъ съ водвореніемъ, т. е. заковки, исполненія приговоровъ суда о наказаніи и т. д.

Момлей въ качествѣ уполномоченнаго санитара „Краснаго креста“ былъ при переходѣ арестантовъ въ руки мѣстнаго тюремнаго вѣдомства, и одѣлалъ несчастныхъ кое-какими необходимыми вещами. Судовой докторъ, по обыкновенію, былъ недоволенъ и мѣстный врачъ просто выбивался изъ силъ, чтобы поспѣть съ медицинскимъ осмотромъ нѣсколькихъ сотъ арестантовъ.

Узнавъ, что Момлей тоже медикъ, онъ просилъ его помочь ему, вѣрнѣе, самъ Момлей, повинувшись чужой волѣ, предложилъ свои услуги и работа закипѣла.

Многіе изъ каторжныхъ заявили о скрываемихъ до того времени болѣзняхъ, изъ-за которыхъ, если-бы они были открыты при отправленіи, имъ бы пришлось или совсѣмъ лишиться возможности попасть на Сахалинъ, или ждать въ душной тѣмѣ остроговъ слѣдующаго рейса.

И вдругъ Момлей невольно вздрогнулъ и оглянулся. Къ нему подходило трое каторжныхъ. Первымъ шелъ Фролъ Фроловъ и пристально вглядывался въ Момлея.

— Ноги что-то заболѣли, ваше высокородіе, — страдальческимъ голосомъ заявилъ онъ, — чтобы отъ кандаловъ хуже не было! — Говори злокачественная сыпь! — шепнулъ онъ тихо, когда санитаръ нагнулся, чтобы осмотрѣть его ноги.

— Къ сторонѣ! — приказалъ Момлей, и Фрола Фролова конвойные поставили къ группѣ больныхъ, назначаемыхъ на „излѣченіе“.

— У меня тоже, ваше высокородіе, — прибавилъ Зосима хитро взглянувъ на санитаръ: — видно отъ товарища прилипла.

Ноги его оказались, какъ и у Фролова, покрытыми язвами и мелкими ранками, имѣвшими всѣ признаки злокачественной разительной сыпи.

— Не отставать же и мнѣ отъ добрыхъ людей, — со своей гаденькой усмѣшкой сказалъ Власъ. — Рядомъ лежали, однимъ заболѣли... и смотрѣть не трудитесь. — Оказалось, что и у него тѣ-же признаки зараженія той-же сыпью острой формы. Момлей ничего не понималъ. То обстоятельство, что онъ самъ, повинувшись приказанію Фролова, далъ ему сильной нарывной мази,

было имъ, въ силу того-же внушенія, окончательно забыто, и онъ чувствовалъ теперь потребность, во что-бы то ни стало, соединить этихъ трехъ людей подлѣ одну крышу, въ одну комнату.

— Я нахожу, — обратился онъ вдругъ довольно рѣшительно къ доктору, занимавшемуся осмотромъ другой партіи, — что въ камерѣ № 2 развилась прилипчивая сыпь, не найдете-ли вы возможнымъ отдѣлать этихъ трехъ субъектовъ отъ прочихъ больныхъ, чтобы зараженіе не распространялось?..

— Будьте любезны отмѣтить это въ списокъ и передать фельдшерамъ, — отозвался чрезвычайно занятый своей работой врачъ.

Момлей, снова повинувшись какой-то внутренней силѣ, какой-то чужой волѣ, сдѣлалъ на списокъ надлежащую отмѣтку и распорядился, чтобы фельдшера отвели всѣхъ трехъ товарищей въ отдѣленіе „сыпныхъ“ и по возможности изолировали отъ другихъ.

Уходя вслѣдъ за фельдшеромъ, Фроловъ бросилъ на Момлея рѣзкій, повелительный взглядъ и съ поклономъ проговорилъ:

— Не оставьте, ваше высокородіе, понавѣдайте болящаго, на пароходѣ-то только вашей милостью и живы были!

Не дожидаясь отвѣта, онъ повернулся отъ санитаръ и зашагалъ за товарищами.

— Ну, что, братцы, каково дѣльце-то обдѣлалъ, — заговорилъ онъ на „фара“, когда, наконецъ, послѣ двухъ часового странствованія изъ конторы въ контору, изъ управленія въ управленіе, всѣ трое остались наединѣ въ большой больничной комнатѣ, надъ дверями которой видѣлась надпись: „Сыпное отдѣленіе“.

Первая часть программы Фрола Фролова была блистательно закончена. Кандаловъ на нихъ не набили.

VI.

На волю.

Осмотръ больныхъ арестантовъ, произведенный на слѣдующій день мѣстнымъ тюремнымъ докторомъ, крайне уставшимъ и куда-то спѣшившимъ, только подтвердилъ діагнозъ Момлея. У него на рукахъ было теперь столько дѣла, что онъ, едва успѣвъ приказать дежурному фельдшеру выписать сушащую присыпку, направился въ другія палаты. Докторъ крайне осторожно и брезгливо относился ко всѣмъ накожнымъ болѣзнямъ, а потому даже и близко не нагнулся, чтобы разсмотрѣть искусственно вызванную сыпь и раны.

Такъ прошло нѣсколько дней. Давно уже „Москва“ выгрузивъ живой и мертвый грузъ, и принявъ запасъ мѣстнаго каменнаго угля, ушла во Владивостокъ, чтобы принять обратный грузъ въ

Одессу, давно Момлей, рѣшившійся на долго оставаться на Сахалинѣ, перебрался въ небольшую, но чистенькую избушку на краю города, давно уже всѣ остальные арестанты—каторжники, кромѣ трехъ „товарищей“, были распределены по каторжнымъ тюрьмамъ и подверглись опредѣленному наказанію, а окончательное рѣшеніе судьбы Фролова, Зосимы и Власа было еще въ перспективѣ. У всѣхъ трехъ, кромѣ язвъ на ногахъ, показались такіе же болячки на спинѣ и поясницѣ, и потому выполнение приговора о наказаніи плетью, черезъ палача, за побѣги, пришлось отложить.

Докторъ, какъ мы уже знаемъ, боялся прилипчивыхъ сыпей, фельдшеръ, тоже изъ ссыльныхъ каторжанъ, зная о подвигахъ и метительности Фролова по рассказамъ, не смѣлъ идти противъ, а несчастный Момлей, имѣвшій на правахъ санитаря свободный входъ въ каторжныя больницы, былъ совершенно покоренъ волею гипнотизатора.

Такъ прошло довольно времени и это пассивное временное положеніе начинало утомлять даже и самихъ каторжниковъ. Начальство, казалось, забыло о нихъ.

Между тѣмъ, наступила осень, лучшее и единственное время для побѣга съ Сахалина. Фроловъ зналъ это по опыту; надо было на что-нибудь рѣшиться, чтобы избавиться отъ зимовки въ душныхъ стѣнахъ острожной больницы.

На правахъ сыпныхъ больныхъ, не принужденныхъ цѣлыми днями лежать на койкахъ, всѣ три каторжника пользовались известной долей свободы и могли гулять по огороженному высокимъ тыномъ острожному дворику. Момлей, навѣщавшій ихъ часто, принесъ извѣстіе, что онъ устроился прекрасно, что его домикъ находится на самомъ краю города, вѣрнѣе поселка, что онъ сторговался и купилъ прекрасную полупалубную яхточку американской постройки, чтобы иногда дѣлать рыболовныя экскурсіи вдоль малозвѣстныхъ и негостепріимныхъ береговъ.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что эта покупка была сдѣлана по гипнотическому внушенію Фролова, но теперь даже самъ Момлей готовъ былъ поклясться, что мысль о покупкѣ яхточки зародилась у него въ головѣ.

— И хорошо подъ парусами ходить?—спросилъ его Фроловъ, внутренне улыбаясь успѣху своей выдумки.

— Просто жжетъ, на веслахъ не догонишь,—отозвался Момлей.

— А гдѣ же она стоитъ?—любопытствовалъ арестантъ.

— Да тутъ, рядомъ съ казенной пристанью.

— Ну, братъ, это не модель... не лучше ли ее держать поближе къ дому на якорѣ. Бухта здѣсь покойная,—увѣреннымъ тономъ произнесъ Фроловъ.

— Я сначала тоже думалъ, но мнѣ посовѣтовалъ комендантъ,—началь было Момлей, но въ ту же секунду замолкъ, увидавъ блестящій взоръ Фролова, устремленный на него.

— А зачѣмъ его слушать? Свой умъ есть, что за охота свою лодку подъ казенной ферулой держать. Поставь ее на якорекъ и

ладно, а на зиму на берегъ вытянешь. Значить поставишь?—вполнѣ увѣреннымъ голосомъ спросилъ онъ.

Момлей не отвѣчалъ. Онъ склонилъ голову съ видомъ покорности и поспѣшилъ уйти. Въ тотъ же день онъ перевелъ свою яхточку на якорную стоянку въ бухту, противъ своей квартиры, и чтобы чѣмъ либо оправдать это передъ портовымъ начальствомъ, сталъ изрѣдка по ночамъ, вмѣстѣ съ маленькимъ слугою, корейцемъ, недавно имъ нанятымъ, ѣздить на ночную ловлю рыбы. Они добирались до яхточки на маленькомъ челнокѣ, поднимали паруса и долго шли вдоль береговъ, чтобы къ утренней зарѣ быть у отмелей, гдѣ особенно хорошо клевала рыба. Кореецъ превосходно зналъ мѣстность и былъ неоцѣнимымъ помощникомъ такому завязтому рыболову, какъ Момлей.

Жизнь текла на островѣ крайне монотонно. Послѣднія суда спѣшили оставить негостепріимные берега Сахалина и на время грозныхъ зимнихъ буръ укрыться или во Владивостокъ, или въ порта Японіи.

Момлей успѣлъ уже послать нѣсколько донесеній по начальству и письмо сару Генри въ Бомбей и ждалъ на него отвѣта, какъ вдругъ случилось обстоятельство, совершенно измѣнившее и разрушившее его планы.

Пользуясь послѣдними теплыми днями надвигающейся осени, онъ въ одну безлунную ночь рѣшился снова ѣхать ловить рыбу на разсвѣтѣ въ дальнія отмели.

Кореецъ разбудилъ его за два часа до разсвѣта и они, по обыкновенію, быстро перебрались на челнокѣ на яхточку. Началось обычное заготовленіе наживки, сочковъ, удочекъ при свѣтѣ маленькаго фонарика, захваченнаго съ собою; вдругъ плескъ воды у самой кормы яхточки заставилъ Момлея оглянуться.

Схватившись мощною и жилистою рукою за бортъ, гигантская человѣческая фигура однимъ движеніемъ перекинулась черезъ бортъ яхточки и стала передъ несчастнымъ рыболовомъ.

— Аль не узналъ, Яковъ Альбертовичъ? Ну, все равно, принимай дорогихъ гостей!

Момлей совсѣмъ оцѣпенѣлъ. Передъ нимъ стоялъ Фроловъ, а два другихъ звѣроподобныхъ лица Зосимы и Власа тоже выглядывали изъ за борта.

— Какъ вы сюда попали?—могъ только проговорить въ испугѣ Момлей.

— Долго рассказывать. Ну, живѣй, помогай ребятамъ выбрать-ся, развѣ не видишь, окоченѣли!

Этотъ повелительный голосъ произвелъ на несчастнаго снова свое обычное дѣйствіе. Онъ нагнулся къ борту и помогъ обоимъ бѣглымъ каторжникамъ взобраться на яхточку. Вода струилась съ ихъ арестантскихъ куртокъ, они едва попадали зубъ на зубъ.

— Водка есть?—спросилъ Фроловъ и, не дожидаясь отвѣта.

выхватилъ изъ корзины съ запасами замѣченный имъ въ глубинѣ лодки полштофъ, выдернулъ пробку и подалъ товарищамъ. Тѣ съ жадностью припали поочередно къ горлышку и мигомъ опорожнили его до половины.

— Ну, теперь, ай-да, поднимай якорь и въ путь!—весело крикнулъ Фроловъ.

— Но куда же, куда?—окончательно перетрусившій, заговорилъ Момлей.

— Какъ куда? На волю, братецъ, на волю!.. Какой ты, право, непонятливый!

VII.

Яхта въ океанѣ.

Когда Момлей бросился къ якорю, то первое, что ему показалось страннымъ, было исчезновеніе молодого корейца. Еще нѣсколько секундъ тому назадъ онъ сидѣлъ на кормѣ, вглядываясь въ новоприбывшихъ и очевидно стараясь понять смыслъ видимой имъ сцены. Теперь все стало яснымъ Момлею. Молодой кореецъ понималъ, наконецъ, что прибывшіе были бѣглецы каторжники, что его господинъ ихъ помощникъ, а такъ какъ онъ самъ не хотѣлъ быть замѣшаннымъ въ этотъ преступленіе, то и счелъ необходимымъ бѣжать, благо челнокъ былъ въ нѣсколькихъ аршинахъ.

Пользуясь общимъ невниманіемъ, онъ скользнулъ въ воду, и теперь, отвязавъ челнокъ, во всю силу гребъ къ поселку.

— Ахъ, онъ пострѣленокъ, утекъ, каналья! Смотрите, братцы, того гляди подниметъ тревогу. Скорѣй, скорѣй ставьте паруса да и подалѣе отсюда!—засуетился Фроловъ, и при помощи Власа, оказавшагося недурнымъ матросомъ, быстро поднялъ паруса и крикнулъ Момлею, чтобы онъ держалъ круче къ вѣтру, который дулъ теперь съ порядочной силой вдоль берега. Яхта вырнула черезъ волну, вздрогнула и пошла въ „бейдевиндъ“.

Это былъ самый лучший курсъ яхты и въ нѣсколько минутъ она уже удалилась „кабельтовъ“ на десять отъ берега.

Между тѣмъ, на берегу началась тревога. Забили барабаны, слышались сигналы горнистовъ. Вездѣ замелькали огни. Словомъ, нечаянное появленіе въ комендантское управленіе молодого корейца съ извѣстіемъ, что санитаръ Момлей бѣжалъ на своей яхточкѣ, увозя съ собой трехъ каторжанъ, произвело полную панику и многими было встрѣчено даже съ недоверіемъ.

— Не можетъ быть! Нѣтъ, не можетъ быть!—говорилъ съ видомъ знатока одинъ изъ морскихъ чиновъ.—Куда они могутъ бѣжать въ осеннюю ночь на палубной яхточкѣ, вѣдь это не взморье, а океанъ!

— Вотъ вамъ и тихоня вашъ Момлей,—старался уязвить капитана надъ портомъ начальникъ поселенія, за дружественныя отношенія перваго къ молодому санитару.

— Да говорятъ вамъ, не можетъ этого быть... не можетъ,—отстаивалъ свое предположеніе морякъ.—Поймите вы, сегодня еще барометръ упалъ на 20 миллиметровъ—вѣдь завтра навѣрное или буря, или даже жесточайшій штормъ.

— Не стануть эти мерзавцы съ вашимъ барометромъ справляться... имъ бы только уйти на волю, а тамъ хоть въ гробъ... Знаю я ихъ хорошо,—ораторствовалъ начальникъ ссыльныхъ, и самъ тотчасъ же побѣжалъ по горячимъ слѣдамъ изслѣдовать, какимъ образомъ удалось каторжникамъ бѣжать изъ больничнаго отдѣленія.

Оказалось, что тамъ еще и не слыхали тревоги. Часовые оказались на своихъ мѣстахъ и даже смотритель, разбуженный внезапной явкой начальства, не зналъ чего отъ него хотѣть. Только съ трудомъ можно было объяснить ему, что трое важныхъ каторжниковъ бѣжали. Онъ съ недоверіемъ покачалъ головой и, схвативъ связку ключей, побѣжалъ къ больничному отдѣленію;—но больница оказалась пустой. Птицъ больше не было въ клѣткѣ.

Обыскали всѣ стѣны, всѣ колья забора, и тутъ только оказалось, что арестантамъ удалось перебраться черезъ частоколъ помощью веревки съ камнемъ, заброшеннымъ за остріе одного изъ кольевъ.

Это самый былъ примитивный способъ бѣгства, давно уже съ успѣхомъ примѣняемый въ сибирскихъ острогахъ. Приходилось покориться необходимости и признать фактъ совершившимся.

Между тѣмъ, портовое начальство рѣшило, что надо послать погоню, но на рейдѣ не было ни одного парохода, кромѣ двухъ паровыхъ баркасовъ, да идти на нихъ въ океанъ, при ожидаемой бурѣ, было бы уже не рискованно, а безуміемъ!

Такимъ образомъ и погоня оказалась только въ проектѣ, и бѣглецы, ловко маневрируя на яхточкѣ, давно уже скрылись изъ вида поселка, когда первые лучи восходящаго солнца блеснули по взволнованной поверхности океана.

Хотя солнце встало яснымъ, но рядомъ съ нимъ, и даже отчасти черезъ его дискъ легла узенькая черная полоска... Власть замѣтилъ ее и сказалъ Фролу, что слѣдуетъ взять „рифъ“ у парусовъ. Тотъ только засмѣялся ему въ отвѣтъ.

— Намъ буря теперь любя... А то пустятъ „самоваръ“ и голыми руками заберутъ.

Зосима ничего не говорилъ. Казалось, бѣгство не радовало его. Онъ какимъ-то глупымъ, бессмысленнымъ взглядомъ глядѣлъ на пустую сткланку изъ подъ водки, и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

Потомъ вдругъ, рѣзкимъ движеніемъ, схватилъ сткланку, по-

вернулъ ее вверхъ дномъ надъ ртомъ и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя послѣднія капли живительной влаги. Потомъ, видя, что больше ничего уже не капаетъ изъ сткланки, раздавилъ ее въ могучемъ кулакѣ и далеко швырнулъ въ море.

— Вотъ и дуракъ!—кликнулъ его Фроль.—Сткланница годилась бы подъ воду,—а то на долго ли запасовъ хватить.

— А откуда же ты прѣсной воды-то возьмешь? — буркнулъ ему въ отвѣтъ Зосима.

— А это не видишь?—отвѣчалъ за Фрола Власть.—И часа не пройдетъ, вымочить прекраснѣйшимъ манеромъ, да еще и потреплеть!—Каторжникъ указалъ рукой на черную полосу около солнца, которая теперь разрослась уже въ тучку и замѣтно подвигалась на горизонтъ.

Во все это время Момлей сидѣлъ какъ потерянный. Онъ все еще недостаточно могъ уяснить себѣ, что происходитъ вокругъ него, что съ нимъ дѣлается, куда везутъ, и между тѣмъ машинально и безпрекословно исполнялъ всякое приказаніе Фрола, окончательно подавившаго въ немъ всякую волю, всякое сознание личной инициативы.

Между тѣмъ, пророчество Власа насчетъ дождя и бури начинало сбываться. Чуть видная тучка начинала охватывать весь горизонтъ, простирая свои туманныя объятія все шире и шире. Вѣтеръ мгновенно стихъ, перешелъ на новый „румбъ“, подулъ въ этомъ направленіи нѣсколько минутъ и затихъ окончательно. Мелкая рябь изрѣдка пробѣгала по свинцово-сѣрымъ волнамъ, какая-то беспорядочная толчея качки вдругъ стала гораздо ощутительнѣе. Наступило временное, томительное затишье, и затѣмъ, разомъ, словно по командѣ, дикій вой и визгъ урагана наполнилъ все кругомъ. Небо мгновенно потемнѣло и брызги крупнаго дождя зашестрѣли по волнамъ, одѣтымъ теперь въ бѣлую мглу!.. Еще мгновеніе, и цѣлый адъ разразился надъ утлой яхточкой, рискнувшей бороться съ яростью океана.

Ее несло теперь порывами вихря со скоростью курьерскаго поѣзда все дальше и дальше въ безпредѣльную ширь океана.

VIII.

Крушеніе.

Буря разыгралась со всей силой. Тонкія мачты яхточки, обремененныя увѣсистымъ такелажемъ, не выдержали и сломались, какъ тростники. Балы ежеминутно грозили затопить утлое суденышко, дерзнувшее держаться въ морѣ въ такую погоду. Водяные брызги и цѣлые потоки воды буквально переносились черезъ яхточку, и много усилія нужно было употребить импровизированному экипажу, чтобы единственнымъ ведромъ

да небольшимъ ковшикомъ поспѣть отливать воду, которая со всѣхъ сторонъ лилась въ трюмъ. Полупалубная обшивка спасала очень мало, и всѣмъ становилось яснымъ, что гибель неизбежна.

Всѣ молчали. Послѣ потери мачтъ, Фроль Фроловъ ни на секунду не отпускалъ рукъ съ румпеля, зная, что при малѣйшей неосторожности яхточку опрокинетъ.

Зосима, полный какого-то тупого презрѣнія къ опасности, работалъ надъ выливаніемъ воды мрачно и сосредоточенно. Онъ покорился своей участи, и все-таки сказалъ, что умереть въ борьбѣ съ океаномъ лучше, чѣмъ сгнить въ рудникахъ.

Власть всегда былъ тѣмъ же шутникомъ и балагуромъ, онъ не пропускалъ ни одну волну безъ насмѣшки или эпитета.

— Ишь, ты, мутная, горой валить!—вскрикнулъ онъ, видя, какъ громадная волна рушится на яхточку.—Пронесло, вотъ и прелотлично... Спасибо, кума, выручила!..

Усталости для него, казалось, не существовало. Онъ работалъ вотъ уже скоро 6 часовъ, прозябшій, промокшій до костей, а казалось у него было больше энергіи и силы, чѣмъ при началѣ грозы.

Одинъ Момлей, казалось, не понималъ, что вокругъ него дѣлается. Онъ какъ-то растерянно тупо смотрѣлъ по сторонамъ, и только порою рѣзкое приказаніе, отданное Фроломъ, заставляло его повиноваться и исполнять требуемое.

Такъ прошелъ цѣлый день, наступила мрачная, непроглядная ночь. Буря нисколько не ослабѣвала и несла утлое суденышко по тому же направленію. Впереди, при послѣднихъ проблескахъ зари, кромѣ безпредѣльной водной бушующей поверхности, ничего не было.

Эта ночь должна была рѣшить участь пассажировъ яхточки. Выдержать такую страшную борьбу съ моремъ еще въ теченіи сутокъ, голоднымъ, измученнымъ людямъ, ежеминутно обливаемымъ холодною водою, было бы невыносимо.

Быстро наступившій мракъ ночи сдѣлалъ положеніе невыносимымъ.

— Ну, братцы, умирать время пришло!—первый заговорилъ Фроль, у котораго даже судороги сдѣлались въ рукахъ отъ напряженія.

— Не напоминай!—мрачно проговорилъ Зосима.—Безъ тебя знаемъ.

— Одинъ конецъ... Догулялся молодецъ... а помирать—наплевать! Хоть сейчасъ!—сѣстроилъ Власть, все еще желая порисоваться удалью передъ товарищами, хотя у самого сердце ныло жестоко.—Ну, а ты, аптечная ступка, что молчишь?—обратился онъ вдругъ къ Момлею.

— Оставь, не трожь... блаженный челоѣкъ!—окрикнулъ его Фроль.—Лучше послушай, что это впереди направо реветъ.

Власть бросился на носъ яхточки и сталъ всматриваться въ

почную темень. Но сколько онъ ни напрягалъ зрѣнія, ничего не пришлось ему разсмотрѣть, но между тѣмъ замѣчаніе Фрола оказалось вполне вѣрнымъ: нѣсколько правѣ курса, который держала яхточка, слышались страшный шумъ, плескъ воды и глухіе удары.

— Никакъ берегъ, бурунъ гуляетъ!—воскликнулъ онъ, едва разсмотрѣвъ сквозь мракъ ночи бѣловатую полосу пѣны буруна.

— Фроль, держи лѣвѣе!—вдругъ крикнулъ онъ еще громче.— Направо камня!

Но предупрежденіе запоздало. Почти въ ту же секунду яхточку съ силой ударило о подводный камень, перевернуло кверху килемъ, а вторая набѣжавшая волна бросила ее въ самый адъ буруна, потрепала нѣсколько разъ о гряды прибрежныхъ камней и широкимъ взмахомъ выбросила на песчаную отмель берега.

Пассажировъ на ней больше не было!

Зосима, не ожидавшій такого внезапнаго толчка, былъ въ первый же моментъ удара о подводный камень выброшенъ изъ яхточки и буквально разможженъ объ острые выступы подводной скалы. Такъ и унесъ этотъ мрачный каторжникъ съ собою свою кровавую, таинственную разгадку своей обильной кровавыми ужасами жизни.

Власть, ошеломленный ударомъ, тоже вывалился за бортъ, но сдѣлавъ нечеловѣческое усилие, схватился за бортъ яхточки, выпустилъ его, зацѣпился за одну изъ снастей раньше упавшаго такелажа, висѣвшихъ за бортомъ, и его понесло буруномъ прямо къ берегу. Но на второй грядѣ рифовъ руки ему измѣнили, онъ выпустилъ веревку и его отливомъ волны вновь понесло въ море.

— Момлей и Фроль были счастливы. Первый инстинктивно бросился въ отверстіе палубы и уцѣпился за металлическія кольца, нѣсколько секундъ удачно противостоялъ толчкамъ буруна и хотя послѣдній жестокий ударъ и выбросилъ его изъ убѣжища, но это было уже за ближайшею къ берегу грядой камней, и онъ набѣжавшей волной былъ выкинутъ недалеко отъ обломковъ яхточки на мокрый песокъ.

У него еще хватило силъ и соображенія приподняться и отбѣжать, вѣрнѣе отползти на двадцать-тридцать шаговъ отъ мѣста крушенія, но тутъ силы ему измѣнили и онъ разбитый и обезсиленный упалъ безъ сознанія.

Фроль Фроловъ, первый услышавшій злобный шумъ буруна, казалось, предчувствовалъ возможность крушенія и отчасти радовался этой скорой развязкѣ. Онъ понималъ, что въ открытомъ морѣ, безъ провизіи, на разбитомъ суденышкѣ, гибель неизбѣжная, здѣсь же, при борьбѣ съ бурунами—спасеніе еще бываетъ возможнымъ.

У его ногъ лежало весло, пока бесполезное. Онъ это понималъ прекрасно. Ощупавъ его ногою, такъ какъ тьма ночи не давала возможности разглядывать предметы, онъ не потерялся и въ

моментъ толчка быстро нагнулся и схвативъ въ руки весло, самъ выбросился за бортъ.

Нѣсколько разъ прибой поднималъ его ко второй грядѣ скалъ и снова уносилъ обратно, силы ему измѣняли, и мысль бросить весло и, отказавшись отъ напрасной борьбы, предоставить себя на волю судьбы мелькала въ его мозгу, но онъ сдѣлалъ еще одно, послѣднее усилие, его закружило, завертѣло въ прибрежномъ бурунѣ, нѣсколько разъ ударило о камни и наконецъ выбросило на берегъ менѣе чѣмъ въ ста шагахъ отъ того мѣста, гдѣ лежалъ Момлей; онъ былъ безъ сознанія и представлялъ изъ себя окровавленную массу, почти безъ признаковъ жизни.

Только къ утру, когда буря немного стихла и первые лучи зари заблѣли надъ взволнованною поверхностью моря, Момлей очнулся и приподнялся, но почувствовалъ жестокою боль во всѣхъ членахъ тѣла, снова упалъ на песокъ. Онъ съ недоумѣніемъ и ужасомъ смотрѣлъ вокругъ себя, и понявъ, наконецъ, весь ужасъ своего положенія, потихоньку побрелъ вдоль берега, чтобы узнать о судьбѣ яхточки и своихъ троихъ товарищей. Обломки яхточки были около его. Корма еще держалась, но весь носъ и днище были буквально расщеплены острыми камнями. Спустить ее въ воду больше не представлялось возможности.

Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ вдоль берега, Момлей наткнулся на трупъ Зосимы. Тѣло его представляло одинъ мѣшокъ съ разбитыми костями. Онъ съ ужасомъ отвернулся и пошелъ дальше.

Почти у самой воды лежалъ Фроловъ. Кровь тонкими струйками сочилась по его лицу и изъ ушей, но онъ былъ живъ. Это было замѣтно по бессознательнымъ движеніямъ его рукъ, и Момлей тотчасъ бросился къ раненому.

Осмотрѣвъ его раны, онъ не замѣтилъ очень опасныхъ, и сдѣлавъ при помощи платка и клочковъ своей рубашки необходимыхъ перевязки, оттащилъ, на сколько позволяли его силы, подальше отъ берега.

— Гдѣ мы?...—спросилъ Фроловъ и открылъ глаза.

— Не знаю... Могу сказать одно... мы на берегу и спасены...

— Товарищи... товарищи живы?..

— Погибли!... Оба погибли.

— Туда имъ и дорога, обуза одна!—проговорилъ Фроловъ и сдѣлалъ усилие, чтобы встать. Ноги его не слушались.

IX.

Голодовка.

Момлей съ ужасомъ посмотрѣлъ на говорившаго. Этотъ цинизмъ даже въ каторжникѣ показался ему возмутительнымъ. Конечно, онъ могъ теперь же покинуть негодая, и онъ погибъ бы безусловно, но снова то же чувство, которое влекло его къ сѣру Генри, помимо воли притягивало его къ этому закоренѣлому каторжнику. Не смотря на глубокое чувство негодованія, закипѣвшее въ его груди послѣ словъ Фролова, онъ все-таки рѣшился помогать ему до конца и раздѣлить его участь.

Погода нѣсколько успокоилась. Изъ за разорванныхъ тучъ блеснулъ лучъ солнца и освѣтилъ крайне безотрадную картину. Островокъ или, вѣрнѣе, града скалъ, на которую ихъ выбросило волнами, былъ очень не великъ и составлялъ одинъ изъ цѣлаго ряда такихъ же маленькихъ острововъ, тянувшихся и вправо, и влѣво. Ни кустовъ, ни деревьевъ не было замѣтно на островѣ и только довольно густая трава покрывала ихъ своею темною зеленью.

Ни на этомъ островѣ, ни на ближайшихъ не было никакихъ признаковъ жилья или даже просто посѣщенія человѣка. На сумрачномъ горизонтѣ моря, сливавшегося съ густымъ туманомъ, было пустынно. Нѣсколько испуганныхъ чаекъ и буревѣстниковъ съ печальными криками носились надъ островомъ, да какой-то громадный остовъ не то моржа, не то тюленя, оглоданный хищными животными, валялся не далеко отъ берега.

Момлей, хорошій знатокъ въ зоологiи, тотчасъ опредѣлилъ, что это кости морского котика,—животнаго, водящагося во множествѣ въ полярныхъ моряхъ.

Это открытіе подало ему небольшую надежду. Если котики иногда появляются на островкѣ, то они должны быть въ настоящее время, такъ какъ до отъѣзда изъ порта Дуэ промышленники говорили ему, что бой котиковъ только начался.

Какъ извѣстно, морскіе коты всегда странствуютъ стаями, и если излюбятъ какой нибудь островокъ, то буквально застилаютъ его своими громадными жирными тѣлами. Эти глупыя животныя или не понимаютъ опасности, или не видятъ ее. При нападеніи на нихъ охотниковъ они не только не дѣлаютъ ни малѣйшихъ попытокъ къ защитѣ, но даже не спасуются бѣгствомъ и погибаютъ цѣлыми тысячами подъ ударами палокъ промышленниковъ.

Изъ охоты на дикихъ котовъ нѣкоторое время между русскимъ и американскимъ правительствомъ происходила дипломатическая переписка, но все-таки право охоты на Курильскихъ островахъ осталось за русскими, а американскіе промышленники являются туда только мародерами. Ихъ очень часто ловятъ, конфискуютъ суда, судятъ и высылаютъ за границу. Но что значить потеря малень-

наго паруснаго суденышка, когда первая же пара шкуръ убитыхъ котиковъ вознаграждаетъ съ лихвой всякую потерю и рискъ предпріятія.

Все это Момлей зналъ прекрасно. Онъ понялъ, что если явятся котики, за ними придутъ американцы—промышленники, а въ лицѣ ихъ спасеніе. Ясно, что съ того момента, когда онъ вольно или невольно, но помогъ бѣжать тремъ каторжникамъ, ему уже страшно было и подумать попасться въ руки русскихъ властей.

Между тѣмъ, голодъ бралъ свое, и Фроловъ, снова очнувшись отъ безпамятства, жалобно стоналъ и просилъ ѣсть. А что могъ дать ему несчастный, самъ вотъ уже двое сутокъ ничего не ѣвшій. Но надо было что нибудь предпринять, и онъ снова оставивъ больного, пошелъ бродить по своей клѣткѣ—островку. Но поиски были напрасны. Никакого живого существа не попалось на встрѣчу, а птицы неслись съ поразительной быстротой. Только на берегу ему удалось уловить двухъ краббовъ, отвратительнаго вида, выброшенныхъ прибоемъ, но ѣсть ихъ такъ, сырыми и безъ соли, ему показалось положительно невозможнымъ. Съ такимъ безотраднымъ извѣстіемъ возвратился онъ къ Фролову. Тотъ между тѣмъ успѣлъ на столько оправиться, что сидѣлъ на камешкѣ и свободно владѣлъ обѣими руками. Услыхавъ заключенія Момлея, онъ только покачалъ головой.

— Не за то, братъ, ты взялся,—проговорилъ онъ,—ступай вонъ въ траву, тамъ птичьи гнѣзда, авось на наше счастье не всѣ яйца еще насижены.

Момлей тотчасъ, на сколько позволяли его избитыя ноги, поспѣшилъ исполнить совѣтъ. Онъ нашелъ дѣйствительно много гнѣздъ, сдѣланныхъ просто прямо въ пескѣ, среди кустовъ, но давно уже время выводки птенцовъ прошло, и не только яицъ, но даже и птенцовъ въ гнѣздахъ не оказалось.

Наконецъ, послѣ ряда безплодныхъ попытокъ, ему удалось найти два гнѣзда, и въ каждомъ по парѣ яицъ. Онъ схватилъ ихъ и съ восторгомъ принесъ Фролову.

Тотъ съ видомъ знатока посмотрѣлъ ихъ на свѣтъ.

— Ничего, жить можно,—улыбнулся онъ,—говорятъ, ципляты очень вкусны.—Съ этими словами онъ разбилъ яйцо, и не смотря на то, что оно было наполовину насижено, проглотилъ содержимое, даже не поморщившись.

Черезъ минуту и второе яйцо было съѣдено также, но Момлей претило, онъ не могъ проглотить почти высохшего ципленка, и уже хотѣлъ бросить яйцо далеко отъ себя, но его окликнулъ Фроловъ:

— Эй, куда ты, стой, это добро да бросать... давай сюда, себѣ дороже!—И онъ проглотилъ третье яйцо.

Съ каждой минутой голодъ сталъ дожимать Момлея все сильнѣе и сильнѣе, но онъ все еще не рѣшился тронуть ни краббовъ, ни послѣдняго оставшагося у него яйца и чуть не стоналъ отъ страшныхъ спазмовъ желудка.

— Ну, что съ тобой дѣлать, не хочешь цицленка, такъ поѣшь салатцу,—вдругъ заговорилъ Фроловъ, понявшій положеніе Момлея.—Вонъ видишь, среди травы стоятъ высокіе будяки—видишь, Ну, такъ принеси сюда, я покажу какъ ихъ ѣсть, словно спаржа!

Момлей снова побрелъ за суррогатами пищи, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ нѣсколькими стеблями указанной травы.

Но, увы, не смотря на увѣреніе Фролова, что это и салатъ, и спаржа, трава оказалась такого убійственнаго вкуса и запаха, что нервный Момлей никакъ не могъ признать ее за съдобную.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать? Цыплятъ не хочешь, спаржи и омаровъ тоже. Давай-ка, я тебя попотчу устрицами, благо ихъ ѣдятъ и безъ соли, и сырыми, ну-ка, попытайся-ка поискать ихъ надъ берегомъ.—Но устрицъ, на которыя Момлей возлагалъ послѣднюю надежду, не оказалось и страданія голода достигли крайнихъ предѣловъ. Настала ночь, но не принесла никакой дальнѣйшей надежды, котикі не являлись и другой пищи искать было негдѣ.

Когда, наконецъ, солнце блеснуло своими яркими лучами на прояснившемся небосклонѣ, проснувшійся и сильно подкрѣпленный сномъ Фроловъ не безъ насмѣшки замѣтилъ, что ни оboихъ крабовъ, ни послѣдняго яйца больше не было у Момлея—голодь взялъ свое—онъ съѣлъ ихъ!

Прошло еще нѣсколько часовъ томительнаго бездѣйствія и поисковъ за необходимой пищей, какъ вдругъ Фроловъ тихонько окликнулъ Момлея и показалъ ему жестомъ на море. Тотъ взглянулъ по указанному направленію и сразу не понималъ, что значить это явленіе. По спокойной теперь поверхности воды, по направленію къ грядѣ островковъ, плыли какіе-то блестящіе предметы, то погружаясь въ воду, то снова показываясь.

— Вотъ и коты пожаловали—милости просиль,—проговорилъ Фроловъ,—безъ васъ скучно было.

Съ появленіемъ стаи этихъ маленькихъ животныхъ, участь обоихъ плѣнниковъ на островѣ на нѣсколько времени была обезпечена. Но вѣроятно вожакъ стада, плывшій на нѣсколько сажень впереди, замѣтилъ на берегу человѣческую фигуру. Онъ какъ-то странно фыркнулъ, немного перемѣнилъ направленіе и вся стая послѣдовала за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ коты грузно забирались на отдели сосѣдняго островка и затѣмъ карабкались выше, къ сочной, зеленой травкѣ, росшей тамъ въ изобиліи. Фроловъ не могъ удержаться, чтобы не послать имъ вслѣдъ проклятія.

X.

Шкурятники.

До небольшого островка, на который перебрались морскіе котикі, было всего около ста шаговъ, но и это разстояніе было недоступнымъ для несчастныхъ пойманныхъ какъ въ клѣткѣ на ихъ бесплодномъ островкѣ. Момлей не умѣлъ плавать, а Фроловъ, весь разбитый послѣ караблекрушенія, едва двигался и никакъ уже не могъ рискнуть переплыть это разстояніе.

Такъ прошелъ еще одинъ день мучительной борьбы съ голодомъ и наконецъ съ жаждой; естественные запасы прѣсной воды, скопившіеся въ выбоинахъ скалъ въ послѣднюю бурю и дождь, исчезали подъ припекомъ проглянушаго солнца, а къ мученіямъ голода присоединилась еще страшная жажда.

Напрасно Момлей искался въ усиліяхъ найти и изловить что-либо съдобное по берегамъ, или среди разсѣляхъ камней, но въ теченіи цѣлаго дня ему не удалось встрѣтить даже одного крабба, ни найти одного яйца. Фроловъ не былъ счастливѣе. Но бѣглый каторжникъ гораздо равнодушнѣе мирился со своею участью. Онъ и раньше зналъ, что борьба за свободу будетъ можетъ быть стоить жизни и смѣло рисковалъ этой жизнью, надѣясь на свое неизмѣнное счастье, которое ему улыбнется, онъ надѣялся и, казалось, покорился своей участи.

Страдая не менѣе Момлея, онъ переносилъ страданія съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и порою старался шуткою поддерживать энергію въ Момлеѣ.

— Постимся, братъ, Яковъ Альбертовичъ, грѣхъ запащиваемъ... видно, прямо въ рай попадемъ... Мы, братъ, съ тобой теперь пустынно-жители, затворники праведные. Тѣ еще болѣе постились, если попамъ вѣрить. Да, вотъ, постой, въ газетахъ писали, что докторъ американскій господинъ Таннеръ сорокъ дней постился, ничего не ѣлъ... почему бы и намъ не попробовать!—Онъ говорилъ подобныя фразы веселымъ тономъ, словно шутя, только порою болѣзненная гримаса искажала его ротъ и стоить вырывался изъ груди—онъ умѣлъ терпѣть и молчать.

На разсвѣтѣ десятаго дня заключенія, когда, казалось, вся надежда уже была потеряна и оба заключенные лежали на землѣ въ невыразимыхъ страданіяхъ, вдругъ Момлею показалось, что онъ слышитъ слова англійской команды. Онъ инстинктивно повернулъ голову и чуть не вскрикнулъ отъ радости. Шагахъ въ двадцати отъ берега ихъ острова шла на веслахъ небольшая шлюпка съ сидѣвшими въ ней 8 американскими матросами. Они высматривали, нѣтъ ли на островѣ морскихъ котовъ, а потому шли чрезвычайно тихо и осторожно. Небольшая яхта стояла на якорѣ въ полуверстѣ.

Момлей тотчасъ хотѣлъ броситься къ нимъ на встрѣчу и

просить о помощи, но Фроловъ, тоже увидѣвшій лодку, удержалъ его за руку.

— Погоди! Дай лучше я пойду на переговоры!—тихо шепнулъ онъ и полѣзъ ползкомъ на берегъ.

— Гало! на лодкѣ!—окрикнулъ онъ по англійски и поднялся изъ травы. Лодка остановилась.

— Кто ты такой и что тебѣ нужно?—отвѣчалъ плотный боцманъ съ лодки, истинный типъ янки.

— Насъ двое, мы матросы съ американской шкуны Джени, потопленной русскимъ станціонеромъ... Мы спаслись чудомъ... и теперь ждемъ помощи отъ нашихъ братьевъ и соотечественниковъ.

— Насъ и безъ того большой комплектъ на шкунѣ,—отозвался боцманъ.—Намъ нельзя забирать лишнюю ртовъ.

— Но я могу за это дать хорошую плату,—крикнулъ Фроловъ.

— Плату... Ну, говори, землякъ, какую... ужъ не спасъ ли ты казну съ Джени,—отвѣчалъ въ рупоръ боцманъ.

— Не совѣмъ такъ, за то я могу точно указать, гдѣ теперь собрались морскіе коты, которыхъ вы ищете...

— Не лжешь?—радостно крикнулъ боцманъ.—Гдѣ же они?

— Постой, дай-ка мнѣ съ товарищемъ усѣсться къ тебѣ на лодку... Эй, Момлей, выходи!—крикнулъ онъ товарищу, и Момлей, которому надежда придала новыя силы, въ свою очередь выбрался изъ травы и шатаясь побрелъ къ берегу.

— Что вы это, джентльмены, какъ будто не въ полномъ авантажѣ,—засмѣялся боцманъ, поворачивая лодку къ берегу.—Могу ли я еще повѣрить на слово такимъ достойнымъ джентльменамъ? А если они ничего не знаютъ?

— Въ вашей волѣ спустить насъ обратно на островъ...—отозвался Фроль.

— Ну, а если я обману, перебью всѣхъ котовъ и оставлю васъ здѣсь же?—хохоталъ своимъ хриплымъ смѣхомъ шутникъ боцманъ.

— Я знаю, что американскіе граждане не способны на такую низость,—отвѣчалъ съ апломбомъ Фроль, и эта фраза, казалось, окончательно убѣдила американца.

— Ну, ладно, теперь показывайте, гдѣ коты?—говорилъ онъ черезъ минуту, когда бѣглые перебрались къ нему на лодку, но Фроловъ и Момлей, словно сговорившись, до тѣхъ поръ не промолвили ни слова, пока каждый изъ нихъ не проглотилъ по хорошему стаканчику виски и не сжевали большой морской галеты, единственной пищи, нашедшейся въ лодкѣ.

— Ну, вотъ теперь къ вашимъ услугамъ, сэръ!—весело заговорилъ Фроловъ, обращаясь къ боцману, который уже начиналъ терять терпѣніе.—Держите вонъ прямо на ту гряду камней, что виднѣется у васъ подъ вѣтромъ... Коты тамъ!

— Не можетъ быть,—отозвался боцманъ:—ни разу въ моей практикѣ они не были на этомъ островкѣ, тамъ трава мелкая...

Они всегда бывали исключительно здѣсь.—Онъ показалъ на островокъ, только что оставленный бѣглецами.

— Прежде очень можетъ быть, но теперь они пронюхали, вѣроятно, что мы тамъ и избрали другой пунктъ для высадки.

— Ой, такъ-ли, молодецъ, предупреждаю, что если ты только глумишься надо мною, то у меня на яхтѣ найдутся и линьки, и цѣпи.

— Да зачѣмъ же мнѣ морочить васъ? Я своими глазами видѣлъ, какъ они перекочевали на этотъ островокъ...

— Ну, хорошо, быть по вашему, сэръ, но если тамъ ихъ не окажется, попробуете моихъ линьковъ и кошекъ. Навались, ребята!—скомандовалъ онъ гребцамъ, и отдохнувшіе матросы лихо навалились на весла и мигомъ вынесли шлюпку отъ скалистаго берега и перенесли благополучно черезъ бурный прибой.

Какъ уже мы говорили, сосѣдній островокъ былъ шагахъ во ста отъ перваго, и потому переѣздъ туда былъ дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Едва боцманъ и нѣсколько гребцовъ, выскочивъ на берегъ, бросили взглядъ на долину, находившуюся посреди островка, какъ молча вернулись къ берегу и дружными усилиями вытащили лодку на прибрежный песокъ.

— Не обманулъ, спасибо!—заговорилъ весело боцманъ.—Если намъ удастся ускользнуть незамѣченными русскимъ станціонеромъ и добраться до безопасной гавани, даю тебѣ 10 центовъ съ доллара чистаго барыша!..

Боцманъ могъ такъ расщедриться. Вся полянка острова была буквально покрыта тушами громадныхъ морскихъ котовъ, которые, чувствуя себя въ полной безопасности, весело грѣлись на солнышкѣ.

Мигомъ всѣ матросы со шлюпки вооружились крѣпкими палками, заранѣе припасенными на днѣ, и раздѣлившись на двѣ партіи, смѣло пошли на громадное стадо котовъ.

Началось жестокое, кровавое, невиданное избиеніе. Несчастные звѣри не защищались, болѣе даже, не пытались спастись бѣгствомъ и десятками падали подъ ловкими ударами палокъ промышленниковъ. Ошеломленные ударами по носу, коты судорожно бились въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, между тѣмъ, какъ оставшіеся еще нетронутыми, съ удивленіемъ смотрѣли, что это дѣлается съ ихъ товарищами, и какъ-то мирно чавкали.

По мѣрѣ того, какъ это кровавое избиеніе разгоралось, Момлей чувствовалъ, что какое-то особое чувство, потребность убить, пролить кровь, просыпалось и въ немъ; онъ схватилъ одну изъ палокъ и бросился въ середину стада, поражая на право и на лѣво обезумѣвшихъ животныхъ, и любуясь видомъ дымящейся крови. Кровожадный звѣрь проснулся въ цивилизованномъ чело-вѣкѣ.

Вдругъ въ разгарѣ самаго жестокаго истребленія, гдѣ-то по близости грянулъ гулкій пушечный выстрѣлъ. Момлей быстро

повернулся и увидалъ густой бѣлый клубъ дыма надъ бортомъ стоявшей уже подъ парусами яхточки.

Не было сомнѣнія—это былъ роковой сигналъ тревоги.

XI.

Взятіе хищника.

— Тысячу демоновъ и одна вѣдьма!—воскликнулъ боцманъ въ негодованіи.—Никогда не дадутъ кончить дня какъ слѣдуетъ. Ну, ужъ если этотъ трусишка Джекинсъ далъ ложную тревогу, не пожалѣю линьковъ.

Но въ это время второй выстрѣлъ ясно показалъ, что опасность велика, и боцманъ; собравъ наскоро всѣхъ своихъ ребятъ и захвативъ обоихъ спасенныхъ имъ бѣглецовъ, мигомъ добѣжалъ до лодки и приказалъ налечь на весла. Шлюпка полетѣла.

— Что это ты вздумалъ по напрасну жечь порохъ?—крикнулъ онъ на своего помощника, едва успѣвъ взобраться на яхту.—Гдѣ ты увидѣлъ опасность?

Джекинсъ, высокій угловатый янки, даже не потрудился отвѣчать и только рукой указалъ на большое бѣлое пятно, виднѣвшееся на горизонтѣ.

— Ахъ, задави его самъ сатана,—воскликнулъ въ бѣшенствѣ боцманъ:—это онъ и есть, нашъ прошлогодній противникъ. Попался бы ты мнѣ въ руки, своими бы руками пустилъ тебя ко дну... Эй, что вы зѣваете, ставьте паруса, чтобы мачты гнулись, чортъ побери!.. Ставьте всю парусинку, что болтается на веревкахъ... Вотъ такъ, вотъ такъ,—и старый боцманъ бросался отъ одной мачты къ другой, самъ помогая закрѣпить шкоты и поднимать лиселя.

Мигомъ небольшое суденышко, легкой американской конструкции, убралось всѣми парусами, которые могло носить, легло въ бендевиндъ, начало замѣтно удаляться отъ назойливаго крейсера.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, братцы-товарищи, къ ночи онъ насъ изъ вида потеряетъ, а завтра мы опять здѣсь, а онъ пусть ищетъ насъ въ океанѣ... Нѣтъ, не этимъ русскимъ тихоходамъ поймать дядю Джонатана!

Но дядя Джонатанъ слишкомъ понадеялся на ходъ своей яхты. Вѣтеръ вдругъ перемѣнилъ направленіе и убѣгающему пришлось лечь на другой галсъ. Это оказалось крайне невыгоднымъ; въ фордевиндъ американское суденышко обладало очень плохимъ ходомъ, такъ что пришлось маневрировать и привести къ вѣтру, чтобы снова забрать вѣтеръ. Но на этомъ поворотѣ суда сблизились и дядя Джонатанъ оказался всего въ какихъ-нибудь 8-10 кабельтовъ отъ русскаго крейсера.

Раздался традиціонный пушечный выстрѣлъ, требующій поднятія національнаго флага, но старый морской волкъ и не думалъ поднимать флагъ. Опять чувствуя превосходство своего хода, онъ поставилъ всѣ паруса, которые только могъ поставить, и пошелъ наутекъ.

На крейсерѣ это замѣтили и второй выстрѣлъ, боевымъ зарядомъ, пролетѣлъ со свистомъ и ревомъ надъ яхточкой.

— Если эти проклятыя собаки не зацѣпятся... еще полчаса—мы уйдемъ отъ нихъ!—пробормоталъ дядя Джонатанъ.—Эй, прячьтесь всѣ за бортъ, а то васъ перестрѣляютъ какъ куропатокъ!—крикнулъ онъ матросамъ и это приказаніе было исполнено мгновенно.

Стройныя мачты скрипѣли и гнулись подъ непосильною парусностью и струя бѣлой пѣны, кипѣвшая за кормой, показывала, что она идетъ очень быстро, но старому Джонатану все еще казалось, что можно увеличить ходъ. Онъ самъ теперь стоялъ у румбеля и твердой рукой правилъ рулемъ. Разстояніе между убѣгающимъ и преслѣдующимъ съ каждымъ мгновеніемъ становилось больше; старый волкъ торжествовалъ и словно въ насмѣшку приказалъ теперь поднять американскій флагъ. Но, будто нарочно, едва мелькнулъ въ воздухѣ звѣздный флагъ Америки, со свистомъ и трескомъ разорвалась въ воздухѣ гратеньга, поддерживающая большой парусъ, и она, какъ крыло подстрѣленной птицы, путаясь въ другихъ снастяхъ, рухнула, частью на палубу, частью за бортъ.

— Тысячу вѣдьмъ и три дьявола!—въ озлобленіи крикнулъ дядя Джонатанъ.—И надо же было въ ту минуту, когда мы ухаживали совсѣмъ отъ этой черепахи... Эй, Джекинсъ!—скомандовалъ онъ, спуская флагъ, да скорѣй долой, а то чего добраго поранить, окаянныя.

Приказаніе было мигомъ исполнено. Яхточка легла въ дрейфъ, стрѣльба съ крейсера прекратилась. Онъ теперь шелъ на всѣхъ парусахъ къ изловленному браконьеру.

— Слушай, ребята!—заговорилъ дядя Джонатанъ, обращаясь къ экипажу, собравшемуся теперь на палубѣ яхточки.—О вооруженномъ сопротивленіи теперь не можетъ быть и рѣчи, у нихъ пушки, и оружіе,—но помни, насъ, не считая этихъ людей—указалъ на Момлея и Фролова, мрачно глядѣвшихъ на движущійся крейсеръ—двѣнадцатъ бравыхъ молодцевъ... Чуть что, какая оплошность съ ихъ стороны... Я только свистну, но вы знаете, вѣдь, не учить статъ!

— Еще бы не поняли! Поняли!—откликнулись многіе изъ команды и злая улыбка исказила ихъ суровыя лица. Больше ничего не было условлено между боцманомъ и его командой, но и этого было довольно. Каждый зналъ свое дѣло и понималъ другъ друга.

Черезъ полчаса, крейсеръ, оказавшійся небольшимъ тенде-

ромъ „Ласточкой“, подошелъ на нѣсколько сажень къ американской яхточкѣ, и капитанъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, въ военной формѣ, спросилъ въ рупоръ—сдается ли пойманный хищникъ?

— Сдаемся!—отвѣтилъ тоже въ рупоръ дядя Джонатанъ, и черезъ нѣсколько минутъ сдалъ команду на своей яхточкѣ прибывшему съ „Ласточки“ мичману съ десяткомъ матросовъ.

Самъ онъ, весь его экипажъ, а равно Момлей и Фроловъ были переведены на „Ласточку“ и посажены въ отдѣльное помѣщеніе трюма, подъ караулъ. Какъ и ожидалъ дядя Джонатанъ, оставшіяся на „Ласточкѣ“ экипажъ, за выдѣломъ 10 человѣкъ и одномъ офицерѣ на взятую яхточку, не превышалъ 22 человѣкъ, числа, едва достаточнаго для того, чтобы держать вахты и управляться съ парусами.

Когда всѣ формальности были окончены и о захватѣ промышленной яхты въ недозволенныхъ водахъ былъ составленъ протоколъ, то дядя Джонатанъ, съ поддѣльной прямою старого морского волка, не сталъ спорить противъ подписи акта, и смѣло подписалъ актъ, говоря:

— Сто разъ уходилъ, на сто первомъ попался, не велика бѣда—сто тысячъ демноновъ и одна вѣдьма, барышъ стоитъ риска!

Это поддѣльное, но ловко разыгранное прямодушіе расположило къ нему еще довольно неопытнаго командира „Ласточки“, дѣлавшаго въ этихъ водахъ свою первую компанію; и хотя онъ и распорядился увести дядю Джонатана снова въ отведенное для нихъ отдѣленіе и запретъ, но не возмѣлъ ни малѣйшихъ подозрѣній.

Момлей и Фроловъ, рѣшившіеся до конца изображать изъ себя американцевъ, очень обрадовались, когда услышали, что „Ласточка“ идетъ не на Сахалинъ, а во Владивостокъ, и надѣялись быть тамъ сданы на руки американскаго консула для возвращенія въ Америку.

Подавъ сигналъ исправившей свои поврежденія американской яхточкѣ, носившей громкое названіе „Бьюти“ (красота), державшей кильватеръ, т. е. во слѣдъ „Ласточки“, командиръ отдалъ приказаніе держать курсъ на Владивостокъ, и оба судна, побѣдитель и побѣжденный, побѣжали обратно, подгоняемые засвѣжѣвшимъ вѣтромъ.

Въ палубной каютѣ, отведенной подъ плѣнныхъ, было темно. Старый Джонатанъ лежалъ на койкѣ и отъ нечего дѣлать насвистывалъ „Янки Дудель“; люди его экипажа жевали табакъ и сплевывали слюну. Всѣ были какъ-то мрачно и злобно настроены. Джэкинсъ тихо подошелъ къ боцману и шепнулъ ему на ухо:

— Счелъ-ли, дядя, сколько человѣкъ на вахтѣ?

— Счелъ, мой ангелочекъ, счелъ!.. А что?

— А то, что если...—онъ не договорилъ.

— Молчать, спать и ждать приказаній!—рѣзко и повелительно отозвался боцманъ.—Помни, дядя Джонатанъ, никогда не упускай момента!

XII.

Буря и возмущеніе.

Остатокъ дня прошелъ спокойно, но съ полуночи попутный вѣтеръ сильно засвистѣлъ и скоро на „Ласточкѣ“ потеряли огни нововзятой яхточки. Плохой ходокъ, „Ласточка“ еще хуже выдерживала качку. Это было старое суденышко, отжившей свой вѣкъ конструкціи, вѣчто вроде инвалида, среди современныхъ военныхъ судовъ сибирской флотиліи. Она, и то рѣдко, назначалась для наблюденій за американскими промышленниками, дѣлавшими хищническіе набѣги на Курильскіе острова, и этотъ призъ былъ первый, который ей удалось взять въ послѣднія десять лѣтъ.

И капитанъ, и команда торжествовали и, не смотря на сильно засвѣжѣвшій вѣтеръ, шли безъ рифовъ и даже съ лисселями, чтобы какъ можно скорѣе добраться до порта и похвастать удачей.

— Только сильно разыгравшаяся буря заставила командира убавить парусность и взять рифы, но эта работа, производившаяся въ ночное время и при сильномъ волненіи, сильно утомила вахту и потому были вызваны „всѣ наверхъ“.

Между тѣмъ, вѣтеръ все крѣпчалъ, волненіе развело страшное и волны ежеминутно хлестали черезъ палубу. Крайне ослабленная отдѣленіемъ десяти человѣкъ на призъ, команда „Ласточки“ едва могла теперь управиться, и потому объ отдыхѣ и думать было невозможно; къ утру весь экипажъ былъ до того измученъ, что командиръ не зналъ, что и дѣлать, а штормъ все крѣпчалъ и ежеминутно можно было ожидать, что онъ сломитъ мачты.

Когда совсѣмъ разсвѣло, командиръ не могъ удержаться отъ восклицанія досады: весь горизонтъ былъ окутанъ бѣлесоватымъ туманомъ, который ежеминутно сгущался и надвигался все ближе и ближе. О взятой яхточкѣ не было и помина, она исчезла безслѣдно. Прошло еще не больше двухъ часовъ и стѣны холоднаго, непроницаемаго, сырого тумана окутали „Ласточку“ со всѣхъ сторонъ, словно бѣлымъ саваномъ. Между тѣмъ, шквалы налетали за шквалами, громадная зыбъ бросала легонькое суденышко, какъ щепку, и много надо было энергіи, знанія и физической работы, чтобы удержаться на опредѣленномъ курсѣ.

Команда, измученная полуторасуточнымъ непосильнымъ трудомъ, едва держалась на ногахъ, но командиръ былъ неутомимъ. Онъ поспѣвалъ всюду, отдавая приказанія, наблюдая за рулевыми и за парусностью.

По случаю тумана, идти быстро было невозможно, но вѣтеръ и теченіе гнали „Ласточку“ съ большою быстротою и она часто зарывалась носомъ.

Такъ прошло еще около сутокъ. Буря не утихала, а отсутствіе солнца, звѣздъ и мѣсяца сдѣлало невозможнымъ опредѣлить свое положеніе въ морѣ. Вѣтеръ несъ „Ласточку“ къ сѣвернымъ берегамъ Японіи или къ южной оконечности Сахалина, точно опредѣлить было невозможно; дестовѣрно было только то, что подъ вѣтромъ скоро должна была открыться земля, а густой туманъ закрывалъ всю окрестность. Положеніе было отчаяннымъ. Измученная команда не могла болѣе работать, и самъ командиръ начиналъ терять всякую надежду на спасеніе.

Вдругъ ему мелькнула мысль, что на „Ласточкѣ“ находится двѣнадцать паръ сильныхъ, привычныхъ къ работѣ рукъ, и что жизнь этихъ людей также связана съ спасеніемъ „Ласточки“.

Онъ тотчасъ же послалъ за старымъ боцманомъ, и спросилъ его, согласится ли онъ и его товарищи помогать въ общемъ дѣлѣ спасенія.

— Я не могъ не удивиться, мой кэптенъ, что вы не изволили раньше предложить мнѣ и моимъ молодцамъ это дѣло!

— Но я думаю, что послѣ взятія „Бьюти“...

— Напрасно, г. капитанъ, вы такого мнѣнія о насъ, свободныхъ американцахъ, и вы и я, мы только исполнили свой долгъ—мы ловили котовъ, вы ловили насъ, мы квиты!..

Это объясненіе, произнесенное дружески откровеннымъ тономъ, казалось, вполне убѣдило командира „Ласточки“, онъ тотчасъ же отдалъ распоряженіе освободить плѣнныхъ, и всѣ они, какъ одинъ человекъ, принялись за работу.

Это были по большей части старые, травленные морскіе волки, и разумѣется, работа при нихъ закипѣла. Командиръ былъ въ восторгѣ, и полчаса спустя отпустилъ на отдыхъ одну вахту. На палубѣ осталось меньше десятка матросовъ и всѣ двѣнадцать американцевъ.

Джонатанъ и Джэкинсъ многозначительно переглянулись. Время дѣйствовать наступало.

— Не торопись, дай немного стемнѣетъ, да этотъ капитанъ отвернется съ палубы, тогда и начинайте. Да постой, сходи посмотри, что дѣлаетъ отпущенная вахта.

— Я сейчасъ изъ второй палубы, спятъ мертвымъ сномъ. Да и эти молодцы,—онъ указалъ на работавшихъ на палубѣ матросовъ,—словно мухи осенью!

Словно нарочно, въ эту минуту штормъ немного утратилъ своего напряженія, и командиръ, воспользовавшись минутой относительнаго покоя, сошелъ въ каюту, чтобы проглотить кусокъ мяса и выпить рюмку вина.

Не успѣлъ онъ еще дойти до каюты, какъ на палубѣ раздался свистокъ американскаго старика боцмана, и всѣ освобожденные плѣнные бросились на ничего не подозревавшихъ матросовъ и перекрутили ихъ ранѣе присоединенными каждымъ веревками.

Дѣло было сдѣлано такъ быстро, что никто не успѣлъ даже вскрикнуть, да если бы и вскрикнулъ, то никто бы во второй палубѣ не услышалъ этого крика. Теперь партія грабителей, очутившись хозяевами верхней палубы, раздѣлилась на двѣ части. Большая кинулась въ жилую палубу и, захвативъ въ ней сонную вахту, перетаскала матросовъ по одному въ то помѣщеніе, въ которомъ сама была заперта нѣсколько часовъ назадъ, а другая бросилась вслѣдъ за командиромъ, сбива его съ ногъ и хотѣла обезоружить. Но командиръ не потерялся. Онъ успѣлъ выхватить револьверъ и выстрѣлилъ въ толпу. Старый Джонатанъ былъ раненъ въ руку.

— Такъ-то, мой кэптенъ!—крикнулъ онъ, когда его пособники успѣли справиться съ офицеромъ:—око за око, зубъ за зубъ!.. Въ воду!..

Обезумѣвшіе отъ борьбы дикіе разбойники потащили командира къ борту. Онъ уже не могъ сопротивляться, руки и ноги его были скручены тонкой бичевою.

— Берегъ! Берегъ!—вдругъ раздался съ носа отчаянный крикъ одного изъ матросовъ американцевъ.

— Гдѣ? Что такое?—забывая боль раны, крикнулъ дядя Джонатанъ, бросаясь впередъ.

— Слышенъ ревъ буруновъ на правомъ карамболѣ!..

— Лѣво на бортъ!—скомандовалъ Джонатанъ матросу, стоявшему у штурвала. „Ласточка“ круто покатила влѣво.

Шумъ и ревъ прибоя слышался ясно. Не было сомнѣнія, впереди была земля. Но повернуть теперь, въ нѣсколькихъ кабельтахъ отъ берега, при жестокомъ штормѣ, было немыслимо. Туманъ не давалъ разглядѣть предметы и въ десяти шагахъ, и страшное теченіе продолжало нести „Ласточку“ по тому же направленію.

Руль не дѣйствовалъ.

Вдругъ страшный толчекъ сбросилъ всѣхъ съ ногъ. „Ласточка“ задрожала всѣмъ корпусомъ и остановилась. И вправо, и влѣво отъ нея, выдѣляясь изъ густого тумана, видѣлись высокія скалы.

Не было сомнѣнія—она была выброшена на груды камней...

XIII.

Спасены.

Съ самаго момента плѣна русскимъ крейсеромъ, Момлей, связанный судьбою съ экипажемъ хищниковъ, находился въ ужасномъ волненіи. Онъ рѣшилъ заператься до послѣдняго и утверждать, что онъ матросъ съ погибшей американской яхты „Метеоръ“. Этотъ планъ былъ предложенъ Фроловымъ и на первыхъ порахъ помогъ имъ обмануть стараго Джонатана.

Весь вопросъ теперь заключался въ томъ, куда, къ какой странѣ ихъ принесло, къ Японіи или къ южной оконечности Сахалина. Толчекъ о гряде камней и трескъ разбитаго корпуса „Ласточки“ ясно показывали, что дальнѣйшее странствованіе кончено, берегъ былъ близко, надо было думать только о собственномъ спасеніи.

Всѣ эти мысли налетѣли на него разомъ, въ короткій промежутокъ времени между первымъ ударомъ о камни и спускомъ спасательной лодки въ воду. Инстинктивно онъ бросился въ нее однимъ изъ первыхъ, за нимъ слѣдомъ прыгнулъ Фроловъ, дядя Джонатанъ и еще пять американскихъ матросовъ. Другіе уже отчалили на другой лодкѣ и теперь дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы удалиться отъ разрушающейся „Ласточки“.

Въ ту же секунду, захваченные врасплохъ и запертые матросы успѣли взломать двери своей тюрьмы и вырваться на палубу. Они умоляли взять ихъ съ собою, но Джонатанъ былъ не изъ мягкосердечныхъ, онъ смѣло положилъ руль на бортъ и приказалъ грести какъ можно скорѣе отъ „Ласточки“.

Это было безумное, дикое звѣрство! На спасательной лодкѣ было еще мѣсто человѣкъ на 8 или на 10.

У Момлея сердце вздрогнуло при видѣ отчаянія несчастныхъ, оставляемыхъ на вѣрную гибель, и онъ хотѣлъ обратиться къ старому Джонатану съ просьбой о спасеніи, но Фроловъ удержалъ его рукою.

— Молчи!.. Не выдавай себя,—шепнулъ онъ ему на ухо.—Не брать же ему свидѣтелей на свою шею!

Это было логично, но безчеловѣчно!

Нѣсколько матросовъ, видя, что лодки уходятъ, не взявъ ихъ съ собою, въ порывѣ отчаянія бросились въ воду и поплыли къ лодкамъ. Двое даже достигли ихъ и схватились окоченѣвшими руками за борта лодокъ,—но безсовѣстные злодѣи и тутъ не сжалились надъ ними. Дядя Джонатанъ махнулъ рукой, и одинъ изъ его матросовъ ударилъ весломъ по головѣ несчастныхъ! Они исчезли въ мутной набѣжавшей волнѣ.

Никто больше не рѣшился испытать ихъ участь, да и время у нихъ не хватило. „Ласточка“, сѣвшая между двухъ скалъ на

острую подводную гряду, сломилась въ киль и медленно погрузилась въ море обоими концами. Нѣсколько мгновеній люди, доски, обломки кружились и плавали на мѣстѣ крушенія, но затѣмъ и они исчезли... Страшное, неслыханное злодѣйство было совершено и преступники спокойно удалились отъ мѣста преступленія.

Свидѣтелей преступленія не существовало!..

Теперь обѣ лодки стали пытаться добраться до берега, миновавъ прибрежные буруны, но это не далось имъ скоро. Хотя вѣтеръ теперь совсѣмъ почти стихъ, но разведенное имъ волненіе не улеглось и грозный ревъ буруновъ былъ слышенъ далеко.

Только къ глубокой ночи, когда туманъ нѣсколько разсѣялся и луна показалась изъ за разорванныхъ тучъ, передъ путешественниками открылся высокій скалистый берегъ, и на немъ, въ небольшой открытой бухточкѣ полоска берега, не одѣтая бѣлой пѣной прибоевъ. Тутъ же, почти на берегу, сіялъ словно звѣздочка маленькій огонекъ... Сомнѣнія быть не могло—тутъ были люди, было спасеніе.

Но старый Джонатанъ не былъ такъ неопытенъ, чтобы рисковать снова натолкнуться на русскую страну. Онъ осторожно подошелъ къ берегу и долго всматривался въ фигуры сидѣвшихъ возлѣ костра, прежде чѣмъ окликнулъ ихъ. Это были японскіе рыбаки, и берегъ, къ которому вынесла судьба американскихъ разбойниковъ и русскихъ бѣглецовъ—была Японія.

Они были въ безопасности!

Гостепріимные японцы сдѣлали все возможное, что бы доставить потерпѣвшимъ иностранцамъ всякую помощь. Они накормили, обогрѣли ихъ и въ ночь же дали знать въ ближайшій городокъ о прибытіи цѣлой толпы иностранцевъ.

Утромъ прибылъ правительственный чиновникъ, дѣлалъ всѣмъ спасеннымъ формальный допросъ, и такъ какъ всѣ американцы и оба пришельца прекрасно знали свои роли, то отвѣчали какъ одинъ и не навели чиновника ни на какое подозрѣніе. О гибели „Ласточки“, исчезнувшей безслѣдно въ пучинѣ океана, разумѣется, не было и рѣчи. Говорили только о крушеніи американской шкуны „Бьюти“, и черезъ нѣсколько дней всю американскую компанію на казенный счетъ доставили въ одинъ изъ ближайшихъ японскихъ портовъ, гдѣ оказался американскій консулъ.

Консулъ, хорошо знавшій, что „Бьюти“, одна изъ хищническихъ яхтъ, пошла дѣйствительно за котиками, тоже далеко былъ отъ всякаго сомнѣнія, и, какъ вѣрный слуга своего народа, доставилъ всѣмъ своимъ соотечественникамъ возможность немедленно возвратиться въ С.-Франциско.

Разумѣется, и Момлей съ Фроловымъ при этомъ сошли за компанію дяди Джонатана. Они были связаны общей тайной и онъ не могъ рѣшиться выдать ихъ. Да и что онъ могъ сказать, что оба эти человѣка не принадлежали къ его экипажу, это правда, но онъ встрѣтилъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, что не было никакого сомнѣнія, что они тоже потерпѣли крушеніе!

Въ долгій переѣздъ до С.-Франциско Момлей серьезно обсуждалъ свое положеніе и положительно потерялъ голову. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, куда пристроиться. Въ Россію онъ вернуться не могъ. На немъ тяготѣло теперь два преступленія. Оставаться въ Америкѣ, работать, но ни здоровье, ни физическія силы не дозволяли этого. Онъ рѣшилъ написать обо всемъ сѣру Генри, котораго любилъ и уважалъ больше всего на свѣтѣ, и въ день прибытія въ С.-Франциско бросилъ на почту письмо съ адресомъ сѣра Генри въ Бомбеѣ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта надо было предпринять что либо, и онъ, по совѣту и примѣру Фролова, сталъ искать себѣ поденной работы. Но то, что было вполнѣ по силамъ русскому каторжнику, болѣзненно отзывалось на слабomъ организмѣ Момлея, и если бы не Фроловъ, порой удѣлявшій ему часть своихъ темныхъ заработковъ, онъ бы погибъ съ голода.

Но время шло. Жить такъ было невыносимо, и Момлей, ходившій ежедневно на почту справляться о письмѣ сѣра Генри, возвращался каждый день все больше и больше разочарованный.

Вдругъ однажды, ожидая отъ почтоваго чиновника обычнаго отвѣта: „нѣтъ, сѣръ, ничего нѣтъ“, онъ былъ пораженъ, когда ему подали письмо и переводъ въ 500 долларовъ.

Письмо было съ маркой изъ Лондона, но отъ сѣра Генри.

Въ немъ было очень немного строкъ, но много значенія.

„Пріѣзжай, по полученіи письма и денегъ, немедленно. Ты мнѣ будешь очень нуженъ! Есть дѣло и важное!“ Слѣдовалъ лондонскій адресъ сѣра Генри.

Разумѣется, только что Фроловъ вернулся съ своей работы домой, какъ письмо и деньги были ему показаны, и Момлей, со слезами поблагодаривъ его за помощь, объявилъ, что уѣзжаетъ завтра. Всю ночь не спалъ Фроловъ. Онъ запомнилъ адресъ сѣра Генри и теперь обдумывалъ важный, только что мелькнувшій въ его мозгу планъ: ѣхать слѣдомъ за товарищемъ и примкнуть такъ или этакъ къ дѣлу, а что дѣло должно было быть выгоднымъ, онъ не сомнѣвался. Кто же станетъ посылать 500 долларовъ на вѣтеръ. Надо было достать денегъ во что бы то ни стало!

XIV.

Въ кабачкѣ дяди Бойля.

Надо было достать денегъ, во что бы то ни стало. Не ему, безсрочному каторжнику, котораго французскіе или англійскіе присяжные безъ снисхожденія уже не разъ отправили-бы на эшафотъ, было стѣсняться въ выборѣ средствъ. Но Фроловъ прекрасно зналъ, что въ западныхъ городахъ Америки, хотя полиція

слабѣе чѣмъ въ Нью-Йоркѣ или Вашингтонѣ, за то существуетъ „судъ Линча“, тотъ безопадный судъ толпы, который дѣлаетъ излишнимъ и судъ, и судебныя проволочки, и расправляется съ преступникомъ по своему: петлю на шею и на сукъ перваго попавшагося дерева.

Этотъ судъ своею скоростью и прямою пугалъ его!

Надѣвъ свою рабочую блузу, кожаные штиблеты, въ которыхъ онъ обыкновенно ходилъ на работу, и засунувъ за кожаный широкий поясъ наточенный широкий ножъ, по обычаю всѣхъ золотопромышленниковъ, онъ смѣло направился къ кабачку дяди Бойля, помѣщавшемуся въ одномъ изъ предмѣстій.

Кабачекъ дяди Бойля много лѣтъ славился между искателями золота, которыми кишитъ Калифорнія, крѣпостью своего грога и виски, и той свободой карточной игры, до которой такъ падки всѣ золотоискатели.

Въ этотъ вечеръ всѣ обычные посѣтители вертепа были налицо, да и не мудрено—только что вернувшаяся съ дальнихъ пріисковъ партія золотоискателей, упоенная громадной находкой золота, спѣшила какъ можно скорѣе отъ него отдѣлаться, и буквально бросала его горстями. Особенно одинъ изъ золотоискателей, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ дикой и звѣрской физиономіей, затмѣвалъ всѣхъ своихъ товарищей безразсуднымъ проигрываніемъ денегъ. По его плохому англійскому выговору сейчасъ можно было замѣтить, что это недавно переселившійся въ Америку нѣмецъ. Около него юлило нѣсколько обычныхъ завсегдателей кабачка и между ними здоровый, широкоплечій, чистокровный янки, какъ извѣстно, только что выпущенный изъ тюрьмы, гдѣ онъ высидѣлъ за воровство два года.

Оказалось, что онъ уже совсѣмъ подружился съ золотоискателемъ и выпивъ съ нимъ на „ты“, теперь старался накатать его какъ можно сильнѣе.

Присѣвъ недалеко отъ этой группы и спросивъ стаканчикъ горячаго грога, Фроловъ тотчасъ опытнымъ взглядомъ понялъ всю комбинацію и началъ свои наблюденія.

Вдругъ сильно уже подкутившій золотоискатель потребовалъ карты и, взявшивая, высыпалъ изъ своего кожанаго мѣшка горсть золота на столъ и объявилъ, что онъ держитъ банкъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ игроковъ бросились къ его столу, но счастье, казалось, не желало покидать своего любимца—онъ билъ каждую карту, и черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ, по капризу полупьянаго человѣка, вдругъ заявилъ, что банкъ прекращается, около него лежала куча золотой монеты и золотого песку вдвое или втрое большая, чѣмъ та, которую онъ выложилъ на столъ.

Нѣмецъ сгребъ всю эту блестящую металлическую кучу въ свой кошель, и замѣтивъ при этомъ, что его собесѣдникъ хочетъ прикарманить частичку, пригрозилъ ему кулакомъ и бросивъ ему пятокъ золотыхъ монетъ, грозно проговорилъ:

— Вонъ!

Американецъ схватилъ монеты, какъ свою собственность, но сунувъ ихъ въ карманъ, вдругъ вломился въ амбицію и съ бранью и угрозами налетѣлъ на золотискателя, который уже окончательно осовѣлъ послѣ массы выпитаго вина и только продолжалъ грозить кулакомъ.

По мѣрѣ того, какъ разгоралась эта сцена, Фроловъ все съ большимъ и большимъ вниманіемъ всматривался въ дѣйствующихъ лицъ, и замѣтивъ, что американецъ, наругавшись вдоволь надъ нѣмцемъ, вышелъ изъ кабака, самъ въ свою очередь расклялся, и уйдя изъ игорнаго притона, присѣлъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ него, на одной изъ скамеекъ, разставленныхъ вдоль пути.

Онъ зналъ, что дядя Бойль не любитъ держать у себя въ кабачкѣ сильно пьяныхъ, и потому былъ увѣренъ, что онъ скоро выгонитъ и золотискателя, а его-то онъ и остался дожидаться.

Дѣйствительно, дожидаться ему пришлось не долго. Въ кабачкѣ послышалась сильная брань, трескъ и звонъ разбитаго стекла въ окнѣ, и затѣмъ совсѣмъ охмѣлѣвшій нѣмецъ, безъ шанки былъ вытолкнутъ сердитымъ хозяиномъ на улицу.

Этого только и ждалъ Фроловъ. Онъ какъ кошка шмыгнулъ вдоль стѣны большого неосвѣщеннаго дома и спрятался въ глубокую нишу воротъ. Давъ пройти нѣмцу, пѣвшему какую-то пѣсню, онъ также тихо скользнулъ въ слѣдъ за нимъ, и пройдя за нимъ нѣсколько десятковъ шаговъ, вдругъ прибавилъ шагу и очутился въ двухъ шагахъ за своею жертвою.

Не подозрѣвая никакой опасности, пьяный нѣмецъ продолжалъ свою лавировку, и наконецъ вышелъ на довольно широкій пустырь, отдѣлявшій предмѣстье отъ города.

Ночь была довольно темная. Свѣтъ уличныхъ фонарей мерцалъ вдали, ничего не освѣщая. Мѣсто для задуманнаго Фроловымъ злодѣйства было самое подходящее. Онъ быстро двинулся впередъ и, поровнявшись съ пьянымъ, разомъ, твердо и привычною рукою поразилъ его своимъ японскимъ ножомъ прямо въ лѣвую сторону груди.

Пѣсня смолкла. Ни крика, ни стопа не вырвалось больше изъ груди несчастнаго, и онъ, какъ безжизненный трупъ, рухнулъ на землю.

— Фроловъ не потерялъ ни одного мгновенія, онъ хорошо видѣлъ, гдѣ хранится набитый золотомъ кожаный кошель убитаго. Срѣзавъ его съ пояса, обтеревъ свой ножъ о платье убитаго и снова какъ будто ни въ чемъ не бывало направиться къ только что оставленному кабачку дяди Бойля—было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній.

Онъ вошелъ, присѣлъ за тотъ же столикъ, за которымъ сидѣлъ нѣсколько минутъ назадъ, и съ совершенно спокойнымъ видомъ потребовалъ себѣ еще стаканъ грога. Никто, ни самъ патронъ притона, вѣроятно, и не замѣтилъ его кратковремен-

наго отсутствія. Игра за многими столами продолжалась съ возрастающимъ азартомъ, и Фроловъ, чтобы въ случаѣ надобности доказать свое алиби, нарочно поставилъ на карту довольно стертый долларъ съ дырочкой, который былъ въ его кошелькѣ. Выигравшій банкометъ заспорилъ о цѣнности монеты. Дѣло дошло до дяди Бойля, и хотя онъ рѣшилъ дѣло не въ пользу Фролова, но въ случаѣ нужды могъ передъ судьями свидѣтельствовать, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ Фролова въ своемъ заведеніи въ извѣстномъ часу.

Не успѣлъ этотъ инцидентъ завершиться, какъ въ кабачекъ пришло нѣсколько человѣкъ; они были крайне встревожены и, размахивая руками, рассказывали, что недалеко отъ кабака найденъ убитый человѣкъ и что полиція на мѣстѣ и производить слѣдствіе.

— Полиція!—воскликнулъ дядя Бойль.—Сю минуту вонъ всѣ отсюда, я не хочу имѣть никакого дѣла съ полиціей!

XV.

Новое преступленіе.

Но онъ опоздалъ.

Въ ту же минуту дверь кабака отворилась и на порогѣ появились два полицейскихъ съ револьверами въ рукахъ.

— Во имя закона, никто ни съ мѣста!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Шумъ, крики и споры прекратились. Вся разношерстая толпа, наполнявшая пріютъ дяди Бойля, внезапно замолкла и всѣ взгляды обратились на говорившаго.

— Сейчасъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отсюда найденъ еще теплый трупъ человѣка, только что убитаго, не признаетъ ли его кто изъ васъ?

Сказавъ это, полицейскій обернулся къ своимъ товарищамъ и они бережно внесли на носилкахъ тѣло только что убитаго нѣмца.

— Да это Іоганъ Штейнъ!—воскликнулъ одинъ изъ товарищей покойнаго:—нашъ старшій развѣдчикъ... Онъ только что здѣсь пилъ и затѣялъ ссору.

— Съ кѣмъ?—быстро спросилъ полицейскій агентъ.

— Да вотъ съ извѣстнымъ бродягой Джономъ Клейтономъ, который еще ни разу не пилъ на свой счетъ виски въ моемъ заведеніи.

— Джонъ Клейтонъ,—повторилъ агентъ:—а гдѣ же онъ?

— Одно знаю, что его у меня здѣсь нѣтъ, онъ вышелъ за четверть часа до убитаго и гдѣ онъ теперь, вѣроятно, не знаетъ ни одна живая душа въ С.-Франциско...

— Хорошо,—остановилъ полицейскій дядю Бойля:—а вотъ скажите-ка мнѣ, не видали ли вы—были ли деньги съ Юганомъ Штейномъ?

— Деньги! Я бы желалъ въ цѣлый мѣсяцъ имѣть въ моей выручкѣ столько, сколько было сегоднешній вечеръ въ кошелькѣ этого человѣка.

— Ага, значитъ убійство съ цѣлью ограбленія,—заключилъ полицейскій:—и вы не подозреваете никого изъ вашихъ посѣтителей?—продолжалъ свой допросъ агентъ.

— Вы хотите отъ меня слишкомъ многого. Я не выходилъ изъ за стойки весь вечеръ, ничего не видѣлъ и ничего не знаю, какъ же я могу бросать тѣнь подозрѣнія на кого либо, кто удостоиваетъ мое заведеніе своимъ посѣщеніемъ; мои кліенты выше всякихъ подозрѣній, сэръ, можете въ томъ положиться на слово дяди Бойля.

Надо было слышать интонацію голоса стараго кабатчика и видѣть его лицо, чтобы понять, почему вся присутствующая публика, не смотря на торжественность минуты, разразилась дружными рукоплесканіями и аплодисментами.

Полицейскій комиссаръ окинулъ пристальнымъ взоромъ присутствующихъ, словно хотѣлъ прочесть въ ихъ глазахъ сознание преступленія, но посѣтители кабака дяди Бойля были не того закала, чтобы выдать такъ легко свое волненіе. Даже самъ Фроловъ не потерялся, но также вызывая поглядѣлъ на полицейскаго.

— Ну, молодцы, трупъ къ докторамъ, а вы двое за мною, идемъ искать Джона Клейтона, авось не иголка, найдется!—Выпивъ маленькую рюмочку джина, агентъ поклонился хозяину и ушелъ, сопровождаемый своими агентами.

Не успѣла затвориться за ними дверь, какъ въ кабачкѣ поднялся неописуемый шумъ и скандалъ. Товарищи убитаго покакивали со своихъ мѣстъ, и неразобравъ въ чемъ дѣло, начали кричать, что такъ оставить этого дѣла нельзя, что убійца ихъ товарища никто иной, какъ Джонъ Клейтонъ, и что съ нимъ надо расправиться «судомъ Линча».

— Въ петлю его! На суку его!—кричалъ громче всѣхъ старшій Бойль.—Не смѣй онъ позорить репутацію моего заведенія. Я для этого новой веревки не пожалѣю.

— Въ петлю! Въ петлю!—ревѣли товарищи убитаго.—Только Клейтона намъ не найти.

— Кто знаетъ гдѣ онъ живетъ? Говорите, кто знаетъ?—слышались голоса, но оказалось, что никто не могъ сказать точнаго адреса предполагаемаго убійцы, и вся крайне возбужденная толпа рѣшилась идти въ другой изъ пригородныхъ кабаковъ, стоящій около китайскаго предмѣстья, чтобы разузнать адресъ Клейтона.

Разъ слово „судъ Линча“ произнесено, американецъ не знаетъ удержу и готовъ идти на открытый бой съ властями и полиціей, чтобы только удовлетворить своимъ кровавымъ вкусамъ и инстинктамъ.

Не смотря на довольно поздній часъ ночи, толпа шумно добралась до второго притона, но и тутъ должна была разочароваться. Оказалось, что Клейтонъ только что былъ здѣсь, игралъ большую игру и ушелъ, но куда неизвѣстно.

Извѣстіе о томъ, что у Клейтона были деньги, еще болѣе усилило подозрѣніе возбужденной толпы, она теперь уже не сомнѣвалась въ его преступленіи и подкрѣпленная всѣми засидѣвшими въ этомъ пріютѣ, повалила на улицу съ твердымъ рѣшеніемъ во что бы то ни стало отыскать преступника и покончить съ нимъ!

— А я знаю, гдѣ онъ!—воскликнулъ одинъ изъ товарищей убитаго:—онъ въ китайской чайной, тамъ игра идетъ до утра.

— Туда! Скорѣй, туда!—заревѣла толпа и дружно двинулась прямо въ центръ китайскаго предмѣстья.

Китайское населеніе слободы, слыша приближеніе пьяной массы бѣлыхъ людей, поспѣшно начало запираеть двери и окна, зная по опыту, что каждый янки видитъ въ каждомъ китайцѣ вѣчнаго врага и готовъ ему сдѣлать всякую гадость. Хозяинъ чайнаго дома, слыша тревогу, поспѣшно выгналъ на улицу всѣхъ своихъ кліентовъ и съ шумомъ захлопнулъ окованные желѣзомъ двери своего заведенія.

— Ломай двери! Бей китайцевъ! Бей желтокожихъ!—кричала разъяренная толпа и удары палокъ и камней загремѣли по дверямъ кабака.

— Стойте, молодцы! Что вы дѣлаете... Вотъ онъ, держите, держите его!—вдругъ раздалось восклицаніе одного изъ товарищей убитаго, узнаваемаго въ толпѣ игроковъ выгнаннаго предсматрительнымъ китайцемъ Джона Клейтона.

Крики, ругательства, угрозы слились теперь въ одинъ хаосъ. Каждый изъ этой полупьяной толпы хотѣлъ сказать свое слово, или приложить свою руку въ этомъ дѣлѣ, и сотни рукъ поднялись на несчастнаго, не ожидавшаго ничего подобнаго.

— Убійца! Злодѣй! Грабитель! Разбойникъ!—гремѣли голоса кругомъ, и насѣдавшая толпа притиснула ничего не понимающаго Клейтона къ стѣнѣ какого-то китайскаго домика.

— Что тутъ съ нимъ толковать... Тащите его въ кабачъ къ дядѣ Бойлю, тамъ дѣло разсудимъ!—послышались снова голоса товарищей убитаго, и смятаго, полузадавленнаго Клейтона связали по рукамъ и ногамъ и потащили обратно къ притону дядюшки Бойля.

Надо ли говорить, что Фроловъ все время видѣлся въ первыхъ рядахъ кричащихъ и преслѣдующихъ мнимаго убійцу, и что только тогда, когда несчастнаго дотащили до самыхъ дверей кабака, превращаемаго теперь въ судилище, онъ благоумно ретировался, зная, что его исчезновеніе теперь не будетъ замѣчено.

Онъ зналъ, что законный судъ и администрація ведутъ неустанную борьбу съ своевольными дѣйствіями „лингеровъ“, и

поэтому боялся схватки между полицией и толпой, въ которой могъ бы быть схваченнымъ. Повятно, ограбленное у убитаго было при немъ, и участь Джона Клейтона неминуемо перешла бы на его голову.

Полчаса спустя, онъ уже сидѣлъ запершись въ крохотной комнаткѣ, которую онъ занималъ въ одномъ изъ „Бордингъ-Гаузъ“, и считалъ свою разбойничью добычу. Она была больше, чѣмъ онъ предполагалъ. Однихъ золотыхъ монетъ было вдвое больше, чѣмъ то, что нужно было заплатить за проѣздъ до Лондона.

XVI.

Катастрофа.

Между тѣмъ, какъ Фроловъ считалъ свои награбленные деньги и обдумывалъ планъ бѣгства въ Европу, масса разношерстной публики, притащившая обратно въ кабачекъ дяди Бойля несчастнаго подозрѣваемаго въ убійствѣ, немедленно приступила къ допросу и суду надъ нимъ по традиціоннымъ законамъ „Линча“. Но это была только одна формальность, несчастный былъ осужденъ заранѣе.

Противъ него были, во-первыхъ, всѣ нѣмцы, которыхъ былъ большой процентъ между золотискателями, во-вторыхъ, всѣ завсегдатаи кабачка дяди Бойля, которыхъ онъ никогда не угощалъ виски, и наконецъ, вся масса толпы, ежеминутно увеличивающейся, которая видѣла только наружную сторону дѣла. При обыскѣ у предполагаемаго убійцы было найдено нѣсколько золотыхъ монетъ, и какъ главное доказательство, цѣлая горсть золотыхъ крупинокъ. Они, очевидно, были ограблены у убитаго.

Какъ ни клялся, какъ ни увѣрялъ Джонъ Клейтонъ, что онъ выигралъ эти деньги и золото, послѣ того, какъ оставилъ кабачекъ дяди Бойля, ему не вѣрили; сотни полушьяныхъ голосовъ заглушали его слова, сотни кулаковъ грозили ему со всѣхъ сторонъ, и когда самъ дядя Бойль, вскочивъ на боченокъ съ пивомъ, обратился къ толпѣ джентльменовъ, съ традиціоннымъ вопросомъ, считаютъ ли они вину убійцы доказанной, то единодушный крикъ: „Виновенъ! Виновенъ!“ вырвался изъ устъ всей толпы, словно изъ одного человѣка.

— А если почтеннѣйшіе джентльмены признали его виновнымъ, то что же надлежитъ съ нимъ сдѣлать?—продолжалъ дядя Бойль.

— Казнить!.. Въ петлю! На веревку!..—слышались голоса. Толпа неистовствовала.

— Но кто же изъ джентльменовъ приметъ на себя обязанность исполнить приговоръ?..

— Мы все! Мы все!.. Скорѣй, скорѣй! Тащи его! Въ петлю! Въ петлю!

Шумъ, крикъ и гамъ дошли до апогея.

Рѣшено было, за неимѣніемъ по близости деревьевъ, повѣсить обвиняемаго прямо на пролетѣ моста, привязавъ лассо къ периламъ и сбросивъ несчастнаго съ высоты—онъ долженъ былъ или повиснуть на лассо, или разбиться до смерти, сорвавшись съ высокаго моста въ пропасть.

Спасенія не было. Уже толпа съ шумомъ, дикими криками и бѣшенными угрозами взобралась на мостъ, и одинъ изъ ближайшихъ друзей убитаго Іогана Штейна, тоже нѣмецъ Мартынъ Штокманъ, прикрѣпилъ конецъ лассо къ периламъ, ограждающимъ пѣшеходную дорожку, проложенную вдоль рельсовъ моста, и осужденный, отчаянными криками призывающій на помощь, былъ уже поставленъ на ту сторону рѣшотки, лицомъ къ пропасти, разстилающейся подъ его ногами. Руки его были связаны выше локтей, площадка, вѣрнѣе полоска мостоваго помоста, на которой онъ стоялъ, была не шире двухъ вершковъ, зацѣпиться и удержаться онъ не могъ и малѣйшаго толчка было достаточно, чтобы сбросить его въ пропасть. Но этого послѣдняго толчка не послѣдовало.

Тотъ самый нѣмецъ, который взялся быть палачемъ осужденнаго, въ послѣднюю минуту непроизвольно взглянулъ вдоль желѣзныхъ жерлъ моста и окаменѣлъ отъ ужаса. Прямо и на него, и на толпу мчался со скоростью 100 верстъ въ часъ поѣздъ тихоокеанской желѣзной дороги.

Три громадныхъ ярко-красныхъ фонаря локомотива вырѣзались во тьмѣ ночи, какъ злобѣщіе глаза какого-то сказочнаго чудовища. Онъ хотѣлъ крикнуть, но голосъ замеръ у него въ груди, и онъ инстинктивно бросился въ сторону на пѣшеходный путь.

Но не онъ одинъ замѣтилъ налетавшую опасность. Гулъ приближающагося поѣзда заставилъ многихъ обернуться и кинуться прочь съ рельсоваго пути. Но толпа, запрудившая мостъ, была такъ велика и компактна, что немногимъ удалось отбѣжать. Табунное чувство ужаса, паника охватила всѣхъ, и вся масса инстинктивно бросилась бѣжать. Произошла ужасная, невиданная свалка. Въ одно мгновение гора живыхъ тѣлъ образовалась между обѣими рѣшетками моста, еще мгновение и локомотивъ, пущенный со всею скоростью, врѣзался въ эту живую стѣну, убивая, калѣча и разрывая на части попавшихъ подъ его колеса людей.

Во тьмѣ ночи машинистъ не видалъ стоявшей передъ нимъ толпы, и только тогда, когда, прорѣзавъ живую стѣну людей, локомотивъ вылетѣлъ на свободу, машинистъ понялъ, что значить толчокъ, чуть не сбросившій его локомотивъ съ рельсовъ. Онъ мигомъ повернулъ „Вестингаузенскіи“ тормазъ и остановилъ

Джекъ—таинственный убійца

поѣздъ. Но было уже слишкомъ поздно. Гора истерзанныхъ, изорванныхъ въ куски мертвыхъ тѣлъ загроздила мостъ. Дикіе, отчаянные, сумасшедшіе крики и стоны неслись кругомъ. Кровь лилась ручьями и куски мяса видѣлись на всѣхъ частяхъ локомотива, тендера и переднихъ вагоновъ.

Уцѣлѣвшіе, но потерявшіе всякое сознание люди, бѣжали во всѣ стороны, оглашая воздухъ сумасшедшими криками. Перепуганные пассажиры, разбуженные среди ночи внезапной остановкой и этимъ дикимъ концертомъ, выскакивали изъ вагоновъ и сперва бросались бѣжать отъ этой кровавой бойни.

Когда первыя минуты паники прошли и прибывшіе санитары стали собирать убитыхъ и раненыхъ, то много ихъ найдено было мертвыми, съ переломленными членами подъ мостомъ въ пропасти, куда они кинулись, ища спасенія отъ налетѣвшаго локомотива.

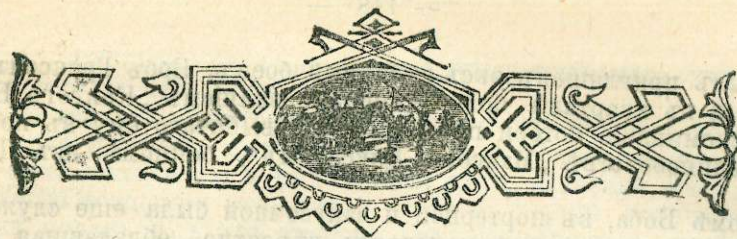
Тутъ же, рядомъ съ другими, на острыхъ каменьяхъ лежалъ трупъ несчастнаго, невинно осужденнаго Джона Клейтона. Его сбросило въ пропасть импетомъ локомотива, лассо не выдержало и оборвалось. Рядомъ съ нимъ лежалъ съ раздробленной головой его палачъ Мартынъ Штокманъ, самъ сброшенный въ бездну напоромъ обезумѣвшей толпы.

Болѣе двадцати человѣкъ нашли смерть на днѣ пропасти, да столько же, если не больше, лежало теперь въ видѣ обезображенныхъ труповъ по желѣзной настилкѣ моста.

Фроловъ, этотъ всемірный каторжникъ, торжественно отпраздновалъ свой отъѣздъ изъ Америки. Утромъ, когда онъ явился брать билетъ до Нью-Йорка въ контору желѣзной дороги, ночная катастрофа, со всѣми подробностями, была уже извѣстна всему городу и десятки тысячъ любопытныхъ тѣснились кругомъ дебаркадера, гдѣ были поставлены рядомъ сорокъ пять гробовъ со смертными останками погибшихъ. Компания желѣзной дороги приняла на свой счетъ похороны ихъ, по большей части бездомныхъ скитальцевъ, и масса публики тѣснилась взглянуть на обезображенные трупы несчастныхъ. Фроловъ едва могъ пробиться черезъ сплошную толпу, чтобы сѣсть въ вагонъ, и только тогда, когда поѣздъ тронулся, онъ машинально, вѣроятно, по старой привычкѣ, перекрестился.

— Ну, слава Богу, выбрался, а теперь, пріятель, держись! Кого онъ называлъ „пріятелями“, — было его тайной!

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

«Золотая метла».

МУТНОЕ, туманное утро чуть занялось надъ Лондономъ.

По узкимъ, грязнымъ улицамъ, тянувшимся отъ доковъ до лондонскаго тунеля, населеннымъ послѣднимъ отребьемъ общества, жизнь только что начиналась.

Гнилью, прѣлостью, зловоніемъ клоаки несло изъ этихъ щелеобразныхъ переулковъ, откуда поминутно на главныя артеріи выкакивали какія-то темныя личности и смѣшивались съ движущею толпой.

Въ этихъ отвратительныхъ щеляхъ, отравляющихъ своимъ зловоніемъ всѣ окрестности этихъ прокаженныхъ кварталовъ, шиветъ, вѣрнѣе, гнѣздится цѣлая четверть населенія британской столицы.

И кого только нѣтъ въ этой, умирающей отъ голода и изнуренія, средѣ?

На углу двухъ пересѣкающихся улицъ этого проклятаго Бомъ квартала Лондона, какъ разъ насупротивъ маленькаго сквера, съ чахоточной и пожелтѣвшей зеленью, виднѣлась нѣкогда красная съ золотомъ, а теперь окончательно облѣтая выѣска, гласившая, что здѣсь помѣщается гостинница „Золотой метлы“, съ закуской и портерной.

Что это была за гостинница трудно себѣ представить, не понабавъ въ ней лично, но что касается закуской и портерной, то старая мегера хозяйка, мистрисъ Моодъ Вальтеръ, старалась выдать ей нѣсколько порядочный и внушительный видъ.

Криковъ, буйствъ, дракъ и вообще крупныхъ безобразій въ ней не допускалось, и специально для поддержанія порядка и дисциплинаціоннаго изгнанія виновныхъ въ нарушеніи благоч-

нѣ, былъ приглашенъ эксъ-кулачный боецъ, Бобъ Гронсонъ, извѣстный въ кварталѣ больше подъ названіемъ „Кривого Боба“, въ воспоминаніе потери праваго глаза, выбитаго ему въ послѣднемъ единоборствѣ „Максомъ Диксономъ“, бойцомъ изъ Ливерпуля.

Кромѣ Боба, въ портерной и закуской была еще служанка, лѣтъ тридцати пяти, въ молодости, вѣроятно, обладавшая недюжинной красотой, но теперь сильно состарѣвшаяся, съ испитымъ лицомъ, покрытымъ мѣстами багровыми пятнами. Она считалась правой рукой хозяйки и повелительно покрикивала на Боба, когда онъ былъ въ нормальномъ состояніи, и на пятокъ поденныхъ помощницъ, приходившихъ на службу съ шести часовъ утра.

Это, по большей части, были сбившіяся съ пути женщины, обязанность которыхъ состояла прислуживать многочисленнымъ клиентамъ мистриссъ Вальтеръ и пить съ ними за компанію. Жалованія онѣ не получали, фли что оставалось на тарелкахъ гостей, а за выпитое ими, разумѣется, расплачивались гости.

Постоянно полупьяныя, рѣдко сытыя, эти несчастныя созданія скорѣе возбуждали жалость, чѣмъ презрѣніе, но какая жалость могла быть у людей, посѣщавшихъ кабачекъ мистриссъ Моодъ? Каждый пенсъ, уплаченный ими, былъ добытъ или тяжелымъ трудомъ, или преступленіемъ!

Нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ пестрыя лохмотья, сидѣли за столиками, обнявшись съ отвратительнаго вида молодцами и подбивали ихъ пить больше и больше. Бобъ не успѣвалъ нацѣживать кружку за кружкой чернаго портера и нарѣзывать тонкими ломтиками солонину для желающихъ. Это былъ первый завтракъ тѣхъ, кто вчера сумѣлъ заработать или своровать шиллингъ—другой, чтобы утромъ выйти на промыселъ не съ пустымъ желудкомъ.

Въ это время дверь съ улицы отворилась и въ закускую вошло двое мужчинъ.

Не смотря на то, что они были одѣты въ такія же оборванные, засаленныя и пестрыя лохмотья, какъ и присяжные завсегдатаи, мистриссъ Моодъ сразу признала въ нихъ людей другого класса общества, чѣмъ тотъ, который посѣщалъ ее по приему.

Подозвавъ къ себѣ Боба жестомъ, она указала ему на новыхъ посѣтителей и шопотомъ добавила:

— Бойсь, не агенты ли это... Служи имъ самъ, да чтобы при нихъ все тихо.

— Положитесь на меня, миссисъ, Бобъ знаетъ свое дѣло,—проговорилъ кривой гигантъ и своей переваливающейся походкой направился къ подозрительнымъ гостямъ.

Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста старикъ съ морщинистымъ и испорченнымъ оспою лицомъ, и не смотря на свой очевидно фантастическій костюмъ, очень напоминалъ клерка у по-

тариуса, полицейскаго сыщика, или геморoidalнаго чиновника, засохшаго за письменнымъ столомъ.

Его товарищъ, напротивъ, не смотря на искусное переодѣваніе, мало походилъ на тѣхъ отребьѣй человеческаго общества, среди которыхъ находился, и выхоленные руки выдавали его.

Когда товарищи заказывали Бобу по порціи горячаго грога и онъ подаль имъ ихъ стаканы, то все вниманіе посѣтителей сосредоточилось на женщинахъ, служащихъ приманками для посѣтителей и подбивающихъ къ питью...

— Одно только могу сказать, мистеръ Блюмъ,—началь старшій,—что она здѣсь, въ этомъ вертепѣ, и что не дальше, какъ вчера утромъ, ее здѣсь видѣли.

— И вы думаете, что она ничего не подозрѣваетъ?

— Да откуда же ей знать? Врядъ-ли она помнитъ, кто была ее мать. Нѣтъ, сэръ, вы можете быть спокойны,—разумѣется, если кто либо не предупредилъ васъ!

— Предупредилъ меня?... Вотъ интересно!.. Да ужъ объ этомъ наслѣдствѣ забыли лѣтъ шестьдесятъ... да и наслѣдства бы не было, если бы не выиграть процесса! Вы ошибаетесь.

— И дай-то Богъ, но, во всякомъ случаѣ, чтобы не терять время понапрасну, хотите, я позову этого кривого великана и спрошу у него.

Молодой человекъ легкимъ кивкомъ головы далъ свое согласіе и мистеръ Даркъ позвалъ Боба.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, почтеннѣйшій,—началь старшій посѣтитель, обращаясь къ одноглазому охранителю благочинія,—которая изъ этихъ женщинъ,—онъ глазами обвелъ фей, сидѣвшихъ и стоявшихъ между посѣтителями,—которая называется Мэри Бриджуатеръ?

— Ее сегодня здѣсь нѣтъ, сэръ!—съ улыбкой отвѣчалъ Бобъ.

— Но почему же? Ее вчера видѣли здѣсь?—съ удивленіемъ сказалъ мистеръ Даркъ.

— А потому, что вчерашній день не похожъ на сегодняшний, сэръ,—проговорилъ старый Бобъ.—Миссъ Мэри покорила сердце одного джентльмена, и онъ увелъ ее съ собой еще вчера вечеромъ... и даже заплатилъ за нее долгу хозяйкѣ два соверена!—Бобъ прищелкнулъ языкомъ и отошелъ отъ гостей.

— Опоздали!—чуть не крикнулъ молодой человекъ.—Прогоните!

II.

Миссъ Кэтъ.

Миссъ Кэтъ, высокая, исхудавшая, чахоточная особа неопредѣленныхъ лѣтъ, со впалой грудью и разрумяненными щеками, подошла къ столику посѣтителей, и тотчасъ же попросила потребовать графинчикъ „виски“, чтобы согрѣться.

Желаніе ея было исполнено и разговоръ завязался.

— Гдѣ теперь Мэри, я сказать навѣрное не могу,—заговорила Кэтъ, отвѣчая на вопросъ мистера Дарка,—но если вамъ очень нужно ее видѣть, я постараюсь разыскать ее ночью.

— Почему же ночью, а не днемъ?—удивился младшій изъ посѣтителей.

— А потому, мой многоуважаемый джентльменъ, что наша высокоуважаемая хозяйка не позволитъ мнѣ удалиться отсюда до часа закрытія, а я не желаю лишиться мѣста, нарушая обычай заведенія.

— Но если бы вамъ заплатили...—рискнулъ мистеръ Даркъ.

— Заплатили!—засмѣялась, и въ одно и то же время закашлялась Кэтъ.—Разумѣется, все зависитъ отъ суммы... только я не вижу причины такъ торопиться съ розысками Мэри, не бойтесь, не соломинка, не пропадетъ!

— Да, но дѣло спѣшное, и мнѣ нужно было бы видѣть Мэри еще сегодня до вечера,—сказалъ въ свою очередь мистеръ Блюмъ.

— Я бы далъ съ радостью полфунта,—воскликнулъ молодой человѣкъ,—чтобы только знать навѣрно гдѣ Мэри.

— Полфунта? И ты не обманываешь?—вдругъ совершенно серьезно заговорила Кэтъ.—О, это другое дѣло, да за полфунта я не посмотрю не только на мистриссъ Моодъ, но и на самого чорта и дьявола... Давай сюда монету, мой красавчикъ, и черезъ полчаса я доставлю тебѣ твою Мэри, будь она на самомъ днѣ Темзы!

— Я заплачу тебѣ цѣлый фунтъ, когда ты дашь возможность мнѣ объясниться съ ней лично, но впередъ не дамъ ни пенса,—твердо сказалъ мистеръ Блюмъ и, показавъ совершенно, снова спрятавъ его въ портмонэ.

При видѣ золотой монеты, глаза Кэтъ засверкали.

— Расплатитесь и сейчасъ же выходите на улицу, и идите къ Тацеръ-Стриту, я догоню васъ,—сказала она полушопотомъ, и затѣмъ выпивъ послѣднюю рюмку, оставшуюся въ графинѣ, отошла, какъ ни въ чемъ не бывало, отъ столика.

Мистеръ Блюмъ позвалъ Боба, и расплатившись, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ вышелъ на улицу.

Густой туманъ заволакивалъ окрестность и мелкій дождь кропиль въ лицо холодными частыми брызгами.

Не прошли товарищи и ста шаговъ по указанному направленію, какъ мистеръ Блюмъ почувствовалъ, что кто-то коснулся сзади его руки; онъ быстро оглянулся и увидалъ почти рядомъ съ собой длинную фигуру Кэтъ въ плохо заштопанныхъ лохмотьяхъ того, что нѣкогда было ватерпруфомъ. Несчастная женщина была живымъ воплощеніемъ той ужасной нищеты, которая возможна только въ Лондонѣ. Идти рядомъ съ подобной особой, даже въ самомъ грязномъ кварталѣ Лондона, показалось мистеру Блюму, самому переряженному въ нищаго, до того возмутительнымъ, что онъ невольно отшатнулся.

— Зайдемъ лучше въ этотъ кабачекъ,—сказалъ онъ, показывая на растворенныя двери одного изъ безчисленныхъ заведеній для продажи питей, мимо котораго они проходили.

— Мнѣ все равно, я хочу ѣсть,—сказала Кэтъ,—а потомъ на поиски!

— Ну, а теперь, признайся мнѣ, мой красавчикъ,—снова начала она, когда вся компанія, войдя въ заведеніе, усѣлась у стола и большой кусокъ разварной солонины утолилъ голодъ несчастной,—зачѣмъ тебѣ понадобилась Мэри? Ужъ не по этому-ли шотландскому наслѣдству?

— Какому наслѣдству?—чуть не съ испугомъ переспросилъ мистеръ Блюмъ. Онъ чувствовалъ, что вся кровь бросилась ему въ голову.—Я ни о какомъ наслѣдствѣ не слыхалъ.

— Да и я тоже навѣрно ничего не знаю, только лѣтъ десять тому назадъ, когда Мэри было лѣтъ 20—22, тоже приходилъ одинъ джентльменъ... Онъ говорилъ какія-то глупости, про какое-то наслѣдство, гдѣ-то въ Шотландіи, спрашивалъ про ея бумаги.

— Ну и чтоже?—быстро спросилъ мистеръ Блюмъ.

— А то, что Мэри была тогда совсѣмъ пьяна. Она разолилась и плюнула ему въ глаза... Онъ такъ и ушелъ, не оставивъ адреса. Мы тогда еще прозвали ее „богатой наслѣдницей“, да вѣдь это все вадоръ... и откуда взятъ наслѣдству—мать ея была прачкой, а отецъ карманнымъ ворихой, что лѣтъ пять какъ умеръ въ Ньюгетъ... Однако, джентльмены, если вамъ угодно, чтобы я отправилась на поиски за Мэри, какъ разъ время. Дайте мнѣ шиллингъ на омнибусъ и ждите меня въ два часа въ этомъ же заведеніи, постараюсь явиться вмѣстѣ съ нею.

— Приведите Мэри и получите условленную плату!—съ жаромъ проговорилъ мистеръ Блюмъ, и подалъ просимый шиллингъ несчастной нищѣй. Она схватила его своими когтеподобными, изсохшими руками и быстро исчезла въ зловонномъ туманѣ узкаго переулка.

— Что вы скажете, сэръ, про это приключеніе?—спросилъ старикъ у мистера Блюма.

— Скажу, что разъ уже кто-то другой былъ на этомъ же слѣду что и мы, намъ нужно дѣйствовать возможно быстрее и энергичнѣе.

— Все это прекрасно, но куда же намъ дѣться въ ожиданіи двухъ часовъ? Неужели же сидѣть въ этомъ грязномъ логовищѣ?—спросилъ мистеръ Блюмъ.

— Надѣюсь, сэръ, что въ нашихъ костюмахъ насъ не пустятъ ни въ одну порядочную гостиницу, лучше побудемте здѣсь, гдѣ по крайней мѣрѣ есть защита отъ дождя и холода.—Мистеръ Блюмъ не возражалъ, и нахлобучивъ еще больше свою шляпу, закурилъ сигару. Мистеръ Даркъ сдѣлалъ тоже. Но имъ пришлось ждать не долго. Не прошло и часу со времени ухода Кэти отъ нихъ, какъ снова ея тощая фигура показалась въ дверяхъ.

Она была одна!

III.

Поиски Мэри Бриджуатеръ.

— Ну, что же, гдѣ Мэри?—спросилъ съ тревогой мистеръ Блюмъ, когда Кэть подошла къ столу, занятому ими.

— Я была готова бы прозакладовать душу, что Мэри сидитъ теперь у старой вѣдьмы на Докъ-стритъ и проиграла бы... Ее не видали тамъ ни вчера, ни сегодня.

— Но вы же сказали, что она ушла съ кѣмъ-то еще вчера вечеромъ изъ заведенія мистриссъ Моодъ?

— Это вашъ кривой Бобъ насплетничалъ, а не я,—отозвалась Кэть:—впрочемъ, вы, можетъ быть, и правы, джентльменъ, который предложилъ вчера свою руку Мэри, не былъ нашимъ постояннымъ гостемъ. Въ первый разъ я видѣла его дней пять тому назадъ, онъ о чемъ-то переговорилъ съ мистриссъ Моодъ и затѣмъ проговорилъ весь вечеръ съ Мэри.

— И вы не знаете, о чемъ они говорили? Вамъ Мэри не рассказывала?—допытывался мистеръ Блюмъ.

— О, молодой джентльменъ былъ очень увлекателенъ и неистощимъ на веселые анекдоты; Мэри смѣялась, пила и потчивала всѣхъ насъ. Было очень весело.

— Но не удалось ли вамъ узнать фамилію этого джентльмена?

— О, повѣрьте, сэръ, чтобы провести весело вечеръ въ тавернѣ мистриссъ Моодъ, не надо предъявлять своихъ бумагъ!

— Не можете ли вы мнѣ описать, по крайней мѣрѣ, хотъ наружность этого молодого джентльмена? — снова заговорилъ мистеръ Блюмъ.

— Извините меня, мой любезный сэръ, но у меня къ вечеру всегда голова кружится и въ глазахъ двоится. Я бы его и сейчасъ не узнала. Знаю, что онъ очень любезный и обходительный джентльменъ, онъ мнѣ далъ шесть пенсовъ на сигары, очень щедрый джентльменъ!

Кэть, увлеченная воспоминаніями о щедрости господина, уведшаго Мэри, и пріятности проведеннаго вчера вечера, пустилась въ подробности, совсѣмъ не интересныя для мистера Блюма.

— Однако, постойте. Вы мнѣ обѣщали разыскать миссъ Мэри, а я вамъ обѣщала за это соверенъ; если я ее не увижу до вечера, я беру свое обѣщаніе обратно,—твердо заявилъ мистеръ Блюмъ.

— Не горячитесь, мой дарлингъ (милый) джентльменъ. Я пустила по слѣдамъ Мэри цѣлую свору ищеекъ.

— Какъ ищеекъ, я васъ не понимаю?

— У насъ въ кварталѣ есть цѣлая сотня, если не больше, маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которымъ нечего ѣсть, я обѣщала имъ по пенсу, если они наткнутся гдѣ на слѣды Мэри, и они какъ стая гончихъ бросились на поиски. Могу поклясться, мой дарлингъ, что не пройдетъ и часа, какъ мы будемъ имѣть свѣдѣнія о ней.

— А вотъ гляди, одинъ уже катитъ сюда,—съ улыбкой добавила она, показывая пальцемъ на окно, въ которомъ виднѣлась одѣтая въ жалкія лохмотья фигурка уличнаго мальчишки лѣтъ 12—13.

Кэть тотчасъ же вышла къ нему на улицу, и черезъ минуту вернулась съ несчастнымъ, который дрожалъ отъ холода и усталости.

— Скажи, что ты узналъ про рыжую Мэри? Гдѣ она теперь?—спросила Кэть возможно ласковымъ мальчишку.

— О, я все узналъ... все узналъ... Она теперь стала совсѣмъ барыней, ѣздитъ въ кэбѣ и на ней платье изъ блестящей матеріи... Я ее встрѣтилъ въ Лейстеръ-скверѣ, она узнала меня и дала мнѣ два пенса... Вотъ они!

— Она была одна?—переспросила Кэть.

— Нѣтъ, съ ней былъ высокій джентльменъ въ широкомъ пальто и сѣрой шляпѣ.

— И ты не прослѣдилъ ихъ?.. Не узналъ, гдѣ они живутъ?—продолжала Кэть.

— Узналъ... узналъ, тетя Кэть! Бобъ Джинсъ да не узнаетъ! Узналъ, тетя Кэть, только не скажу, ты мнѣ за это обѣщала шиллингъ!.. Давай шиллингъ, а иначе не скажу!

Мистеръ Блюмъ досталъ серебряную монету и хотѣлъ сунуть въ руку мальчика, Кэть удержала его.

— Нѣтъ, прежде всего уговоръ. Я сдержала свое слово—сдержите ваше... Соверенъ, одинъ только соверенъ, и адресъ вашъ, а пока, Бобъ, ни слова!

Мальчуганъ тоже видимо присоединился на сторону Кэть, онъ съ дерзкимъ видомъ отошелъ отъ мистера Блюма и дерзко посмотрѣлъ на него.

— Мой соверенъ!—опять повторила Кэть.

— Вотъ онъ!—золотая монета очутилась въ ея рукѣ.

— Ну, теперь говори джентльмену, миленькій Бобъ, адресъ рыжей Мэри.

— А мой шиллинг?—въ свою очередь настойчиво проговорил мальчишка.

Мистеръ Блюмъ не сталъ спорить и положилъ шиллингъ въ протянутую руку оборванца; тотъ нагнулся къ его уху и шепнулъ: Танцеръ-стритъ № 6.—Блюмъ записалъ.

— До свиданья, сэръ,—съ заискивающей улыбкой проговорила присѣдая Кэтъ, и взявъ мальчишку за руку, быстро вышла на улицу.

Кэтъ и маленькій Бобъ сидѣли рядышкомъ въ одной изъ грязнѣйшихъ тавернъ и дѣвушка кормила на убой своего хитраго помощника.

— А вѣдь знаешь что, Кэтъ, какъ я ловко провелъ джеятльменовъ. Вѣдь я адресъ-то имъ далъ не тотъ.

— Ипрекрасно сдѣлалъ!—захохотала Кэтъ.—Если нуженъ, прыгуть еще разъ и заплатятъ!

IV.

Джекъ появляется.

Выйдя изъ кабачка, оба посѣтителя немедленно отправились по указанному мальчишомъ адресу, но, къ ихъ величайшему удивленію, подъ этимъ № значилось казенное зданіе, гдѣ помѣщалось отдѣленіе почтовой конторы. Никакихъ частныхъ квартиръ не было, и мистеръ Блюмъ прекрасно, хотя и слишкомъ поздно, понялъ, что онъ обманутъ, и что расходъ почти въ полтора соверена сдѣланъ совершенно напрасно.

Было уже около 6 часовъ вечера, когда онъ, отпустивъ товарища, робко позвонилъ у черной лакированной двери, на которой виднѣлась блестящая мѣдная досочка съ надписью: „Квикъ, Буттонъ и К^о, стряпчіе“.

На звонокъ мистера Блюма, въ полурастворенной двери показалась голова человѣка. Увидавъ вошедшаго, онъ какъ-то подобострастно вытянулся и замеръ въ почтительномъ ожиданіи вопроса.

— Мистеръ Буттонъ еще здѣсь?—спросилъ посѣтитель, который былъ младшимъ членомъ фирмы, тѣмъ анонимнымъ К^о, которая значилась на досочкѣ.

— Мистеръ Буттонъ уѣхалъ въ Кингстонъ-Паркъ ровно въ 5½ часовъ. Они приказали передать вамъ, сэръ, что не вернутся сегодня, но ждуть васъ непременно завтра утромъ, въ 10 часовъ.

Мистеръ Блюмъ вздохнулъ свободнѣе. Это было первое серьезное порученіе, возложенное на него товарищемъ и бывшимъ патрономъ, и ему было крайне неловко явиться съ неудачей.

— Передайте патрону, что я постараюсь быть аккуратнымъ.—

проговорилъ онъ, обращаясь къ клерку и, снова нахлобучивъ шапку, спустился по узкой и крутой лѣстницѣ на улицу.

Всюду передъ нимъ и кругомъ него жизнь угасала, въ этомъ самомъ оживленномъ сердцѣ торговаго Лондона. Лавки, магазины, склады запирались, огни гасли, и усталые служащіе спѣшили къ своимъ семьямъ, гдѣ ихъ ждалъ обѣдъ и отдыхъ.

Но мистеру Блюму было не до отдыха.

Не далѣе, какъ за три или четыре дня до этого, его старшій товарищъ и глава фирмы мистеръ Буттонъ, зять основателя фирмы Квика, бывшаго уже не у дѣлъ, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ своего молодого сотоварища и сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— Поручаю вамъ, сэръ, дѣло чрезвычайной важности. Вы должны, во что бы то ни стало, разыскать нѣкую особу, миссъ Мэри Бриджуатеръ, дочь Джемса Бриджуатера, родившуюся въ Эдинбургѣ въ Шотландіи, 16 марта 1859 года. Она была въ училищѣ бѣдныхъ дѣтей, курса не окончила, затѣмъ судилась два раза за бродяжничество, первый 1885 году у судьи мистера Коллинга, Гей Маркусъ № 16, второй пять мѣсяцевъ тому назадъ, у судьи мистера Мельтона, Докъ-стритъ, 27. Она вышла изъ тюремнаго заключенія всего десять дней и разыскать ее будетъ не трудно. Это зависитъ отъ вашей способности и расторопности. Когда вы ее разыщете, а я въ этомъ не сомнѣваюсь, вы немедленно предложите ей перебраться куда-нибудь подальше отъ той части города, гдѣ вы ее найдете. Найдите ей приличную квартиру и скажите ей, что вліятельная особа ею интересуется и хочетъ заняться ея участію. Ни имя нашей фирмы, ни ваше, не должно быть упомянуто.

— Но если она не согласится, сэръ?—переспросилъ молодой человѣкъ.

— Тогда вы приставите человѣка, который тайно будетъ слѣдить за ней, чтобы не упустить ее изъ виду. Надѣюсь, что такой человѣкъ на виду у васъ ѣсть...

— Мистеръ Даркъ...—нерѣшительно произнесъ младшій членъ фирмы.

— Что же, я ничего не имѣю противъ него. Хотя онъ пороку не выдумаетъ, но какъ исполнитель — вполне аккуратный. Итакъ, вы поняли меня, сэръ?

— О, разумѣется, и очень польщенъ, что вы меня удостоиваете вашимъ довѣріемъ; только, виновать, могу ли я предложить вамъ одинъ вопросъ, сэръ?

— Хотя два...

— Я въ первый разъ слышу имя Мэри Бриджуатеръ... Это новое дѣло?

— Одно могу сказать вамъ, молодой человѣкъ,—проговорилъ мистеръ Буттонъ, снисходительно улыбаясь,—Мэри Бриджуатеръ замѣшана въ дѣлѣ объ одномъ наслѣдствѣ, и если „намъ“ удастся ее найти и сдѣлать ее нашей клиенткой, то ваша доля увели-

чится по меньшей мѣрѣ пятеро! Вы меня поняли, сэръ! Одно прошу—тайна и аккуратность. За излишнимъ совершеномъ, истраченнымъ на поиски, фирма не останавливается... До свиданія — спѣшу въ судъ на засѣданіе... Вы можете приняться за это дѣло, время не ждетъ!

Проговоривъ эту длинную фразу, мистеръ Буттонъ протянулъ своему товарищу худую и холодную руку и скорыми шагами вышелъ изъ конторы.

Мистеръ Блюмъ тотчасъ же направился къ своему хорошему знакомому мистеру Дарку, бывшему долго клеркомъ той же фирмы, но не объясняя ему въ подробности въ чемъ дѣло, кромѣ того только, что просить помочь ему въ розыскахъ одной потерянной изъ вида дѣвушки.

Старый „приказный“ согласился, и благодаря его указаніямъ, знакомству въ канцеляріяхъ судей, въ конторѣ рабочаго дома, и наконецъ въ полицейскомъ „офисѣ“, слѣдъ Мэри Бриджуатеръ былъ найденъ, она уже нѣсколько дней числилась продавщицей въ кабачкѣ (Bording Haus) мистриссъ Моодъ.

Мы уже видѣли, какъ оба джентльмена, переодѣтые бродягами, попали въ это заведеніе, и какъ благодаря хитрой уловкѣ уличнаго мальчугана, они потеряли слѣдъ какъ разъ въ то мгновеніе, когда считали его найденнымъ. Теперь становится понятнымъ, почему мистеръ Блюмъ обрадовался, что не засталъ мистера Буттона, и снова рѣшился отправиться на поиски.

Пообѣдавъ на скоро въ одной изъ тавернъ, гдѣ не обратили никакого вниманія на его крайне нереспектабельный костюмъ, мистеръ Блюмъ снова направился въ кабачекъ мистриссъ Моодъ, чтобы попытаться добиться истины отъ Кэтъ.

Но Кэтъ не оказалось въ заведеніи. Она не возвращалась съ утра, и хозяйка, бросивъ гнѣвный взглядъ на посѣтителя, воскликнула:

— Эй ты, молодецъ, куда ты затащилъ эту сумасшедшую Кэтъ?.. Верни ее обратно, или я пошлю за полицменомъ, ты можешь быть убитъ и ограбленъ ее?

— Я не видалъ вашей Кэтъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ отсюда,—возразилъ Блюмъ,—я и пришелъ сюда вовсе не для нея, а чтобы передать послылку съ родины миссъ Мэри Бриджуатеръ, и буду очень радъ, если узнаю ее адресъ.

— Вотъ какъ, у бездомной Мэри оказалась семья, прекрасно; но, мой любезный, ты немного опоздалъ... Ее уже нѣтъ, она со вчерашняго дня не показывается ко мнѣ въ заведеніе.

— Я это еще утромъ узналъ отъ Кэтъ...

— Такъ что же тебѣ нужно, мой милѣйшій?

— А то, тетушка Моодъ, что самъ я человѣкъ подневольный, исполняю порученія другихъ. Вчера хозяинъ сказалъ мнѣ: слушай, Джонъ, вотъ три фунта стерлинговъ, они твои, если ты сумѣешь отыскать миссъ Мэри Бриджуатеръ, которая была служанкой въ тавернѣ мистриссъ Моодъ.. Я и говорю, три фунта

дѣло не шуточное, лучше заработать половину, чѣмъ ничего, пойду-ка я къ тетушкѣ Моодъ и поклонюсь ей хорошенько, авось она поможетъ мнѣ разыскать Мэри... Половина, то-есть полтора фунта, къ ея услугамъ.

— И ты, молодчикъ, не обманешь?—быстро переспросила мегера, и въ глазахъ ея сверкнула жадность.—Не обманешь?..

— Зачѣмъ-же мнѣ обманывать, вы можете не давать адреса, не получивъ уплаты.

— Хорошо, мой ангелочекъ, приходи завтра, пораньше утромъ, даю тебѣ слово старой Моодъ, что Мэри будетъ разыскана.

— Но мнѣ бы хотѣлось сегодня знать навѣрное...

— Мало ли чего хочется, мой ангелочекъ, на все нужно время. Одно скажу, припаси къ утру денежки и приходи сюда пораньше.

Дѣлать было нечего, приходилось ждать до утра.

Мистеръ Блюмъ тотчасъ ушелъ изъ гостепріимнаго пріюта мистриссъ Моодъ и быстро зашагалъ къ станціи окружной желѣзной дороги, сѣлъ на поѣздъ и быстро домчался до своего коттеджа, находившагося тотчасъ-же за Гайдъ-Паркомъ.

Жена его, молодая и красивая дама, сама отворила ему дверь и, не смотря на его гримировку, дѣлавшую его неузнаваемымъ, бросилась ему на шею.

— А я такъ беспокоилась о тебѣ! Гдѣ это ты пропадалъ до ночи!—воскликнула она и потащила его мыться и переодѣваться.—А кстати безъ тебя получена была телеграмма.

— Гдѣ она?—быстро спросилъ молодой человѣкъ, словно предчувствуя какое-то несчастье.

— Вотъ она, я нарочно положила ее въ карманъ,—отвѣчала жена и подала ему полученную телеграмму.

Онъ быстро сорвалъ пакетъ и прочелъ слѣдующія строки: „Ищите Мэри Бриджуатеръ около доковъ.“ „Джекъ“.

Крикъ изумленія вырвался изъ груди мистера Блюма.

V.

Трупъ неизвѣстной.

Кто, какимъ путемъ могъ узнать, что онъ, членъ ассоціаціи Квикъ, Буттонъ и К°, разыскиваетъ какую-то Мэри Бриджуатеръ, Что значать эти слова: „Ищите ее около доковъ“? Что значить, наконецъ, эта подпись Джекъ, уменьшительное отъ слова Джонъ? Все эти вопросы разомъ зародились въ мозгу молодого человѣка, и онъ еще разъ перечелъ телеграмму. Но, увы, въ ней не было болѣе ни слова, и ничто не могло разъяснить молодому присту странность полученія подобной телеграммы.

Разумѣется, онъ продумалъ объ этомъ обстоятельствѣ весь вечеръ, не спалъ всю ночь, и съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ снова помчался въ Лондонъ, одѣвшись и загримировавшись, какъ наканунѣ.

Онъ поспѣлъ къ кабачку тетушки Моодъ какъ разъ къ тому времени, когда кривой Бобъ только что началъ протирать заце-

тѣвшія стекла оконъ, выходящихъ на улицу. Хозяйки еще не было, и неубранная съ вечера мебель стояла въ полномъ безпорядкѣ.

Кривой Бобъ, получившій вчера на чай съ щедраго посѣтителя, узналъ его и сегодня, и тотчасъ, съ поклонами, усадилъ его поближе къ только что протертому окну.

— Хозяйка забѣгала сюда на минуту, она сейчасъ вернется и проситъ васъ подождать ее,—проговорилъ онъ.

Молодой человѣкъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь, откуда каждую минуту могла появиться тощая и неуклюжая фигура старой хозяйки, свиданія съ которой онъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда либо съ первѣйшей красавицей мѣста.

Наконецъ дверь отворилась. Показалась мистриссъ Моодъ. Она казалась чрезвычайно взволнованной и встревоженной.

— Я по вашему дѣлу чуть въ „участокъ“ не попала,—заговорила она быстро, обращаясь къ мистеру Блюму.

— Но въ чемъ же дѣло? Что случилось?—заговорилъ молодой человѣкъ.

— А то случилось, что мнѣ придется теперь, по милости вашей, расхлебывать цѣлую исторію! Если-бы знала, никакихъ бы денегъ не взяла!

Хозяйка кабачка горячилась, пересыпая свою рѣчь проклятіями и божбой.

— Но, Бога ради, объясните мнѣ, что случилось, нашли-ли вы, по крайней мѣрѣ, квартиру миссъ Мэри?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нашла! Это мнѣ стоило цѣлой ночи поисковъ и разспросовъ. Да что въ этомъ толку. Въ ея новой квартирѣ полиція и меня чуть не арестовали.

— Но почему же? Развѣ ее обвиняютъ въ какомъ либо преступленіи? Ее арестовали?—продолжалъ свои разспросы мистеръ Блюмъ.

— Тутъ бы не было ничего особеннаго. Мэри не въ первый разъ отсиживать по цѣлымъ мѣсяцамъ въ рабочихъ домахъ. Совсѣмъ наоборотъ, я боюсь, не случилось-ли съ ней самой какого несчастія. Въ толпѣ говорятъ Богъ знаетъ что, а до квартиры мнѣ такъ и не удалось добраться. Народу кругомъ „полисъ-офисъ“ (полицейскаго участка) видимо невидимо... Говорятъ про какое-то таинственное убійство, будто бы рано утромъ, около самыхъ доковъ, въ переулкѣ, что выходитъ на Докъ-стритъ, нашли трупъ женщины, которую никто не можетъ признать. Она разрѣзана на части и изъ груди вырѣзано сердце! И притомъ никакихъ слѣдовъ убійцы!!!

— Но вамъ не удалось видѣть трупа?—снова спросилъ мистеръ Блюмъ, который серьезно началъ подозрѣвать, что убитая и есть Мэри Бриджуатеръ.

— Гдѣ тутъ видѣть. Туда и пробраться нельзя... Такая толпа, такая толпа... но чувствуетъ мое сердце, что это Мэри.

— Какъ, и вы думаете тоже?—быстро спросилъ молодой человѣкъ.

— Разумѣется, достаточно было видѣть смущенныя рожи полицейскихъ въ ея квартирѣ, чтобы понять, что они опростоводосились. Я слыхала отъ знакомаго «сержанта», что весь переполохъ надѣлалъ какой-то Джекъ, приславшій письмо на имя главнаго инспектора полиціи... Онъ написалъ, чтобы утромъ хорошенько поискали около доковъ, и найдутъ нѣчто интересное. Полиція бросилась на поиски и нашла тамъ трупъ женщины, о которой я говорила.

Теперь все стало яснымъ для мистера Блюма. Письмо, полученное имъ вчера вечеромъ, только подтверждало увѣренность, что убитая никто иная, какъ миссъ Мэри, ушедшая два дня тому назадъ изъ заведенія мистриссъ Моодъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ джентльменомъ.

Положеніе молодого юриста было теперь очень затруднительное. Отправиться самому на розыски, въ такомъ костюмѣ и съ такой гриммировкой, которые были на немъ, казалось ему слишкомъ рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что по указанію хозяйки полиція завладѣла квартирой миссъ Мэри, а ему нечѣмъ было-бы объяснить свое переодѣваніе.

— Ну, мой милый молодчикъ, не даромъ-же я хлопотала цѣлую ночь,—обратилась къ нему хозяйка:—пожалуй-ка условленную плату!

— Но адресъ, адресъ миссъ Мэри.

— Деньги на столъ и пиши въ записной книгѣ отъ слова до слова.

Дѣлать было нечего, нельзя-же было явиться къ патрону и товарищу безъ какой либо положительной вѣсти. Онъ порылся въ кожаномъ засаленномъ портмонѣ и положилъ на столъ передъ хозяйкой полтора соверена.

Хозяйка нѣсколько секундъ всматривалась въ него пристально и затѣмъ, тотчасъ перемѣнивъ тонъ на болѣе ласковый, проговорила:

— Жаль мнѣ тебя, молодчикъ, что ты понапрасну деньги тратишь, ну, да это уже твое дѣло, я дамъ тебѣ адресъ, гдѣ еще вчера жила миссъ Мэри, но жива-ли она и вернулась ли въ свою квартиру—я не знаю и за это не отвѣчаю. Пиши...

Она продиктовала ему адресъ Мэри Бриджуатеръ, и мистеръ Блюмъ безъ оглядки исчезъ изъ гостепріимнаго кабачка мистриссъ Моодъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ звонилъ у двери, украшенной бронзовой досочкой фирмы. На этотъ разъ мистеръ Буттонъ оказался въ кабинетѣ и тотчасъ-же удостоилъ приѣма своего товарища и компаніона.

VI.

Честный лордъ.

Мистеръ Буттонъ долго и со вниманіемъ вслушивался въ разсказъ своего молодого сотоварища, не перебивая его ни словомъ, ни жестомъ; когда же онъ кончилъ, стараясь, разумѣется, выставить свою дѣятельность въ возможно блестящемъ свѣтѣ, старый посѣдѣлый въ дѣлахъ юристъ не выдержалъ и съ иронической улыбкой замѣтилъ:

— Вы совершенно правы, сэръ, въ неудачѣ этихъ поисковъ виноватъ я одинъ, именно тѣмъ, что поручилъ ихъ вамъ!

— Но позвольте, почему же? Развѣ я сдѣлалъ какой либо промахъ?—обидчивымъ тномъ возразилъ мистеръ Блюмъ.

— Не одинъ промахъ, а цѣлый рядъ ихъ, начиная съ вашего неостроумнаго переодѣванія. Думаю, что всѣ сыщики того квартала теперь на вашихъ слѣдахъ. Вспомните только вчерашнюю телеграмму. Между тѣмъ о' дѣлѣ знали только вы да я! Но я еще не теряю надежды. Можетъ быть мнѣ удастся сгладить ваши промахи. Я сію минуту самъ отправляюсь на поиски, и если Мэри Бриджуатеръ жива, въ чемъ я теперь начинаю сомнѣваться, то дѣло не потеряно. Прошу васъ, сэръ, занять мое мѣсто въ конторѣ, и принять, если будутъ, кліенты. Надѣюсь, что въ судебныхъ дѣлахъ вы окажетесь опытнѣе и счастливѣе, чѣмъ въ слѣдственныхъ.

Сухо поклонившись молодому человѣку, мистеръ Буттонъ немедленно одѣлся и уѣхалъ, а молодой юристъ остался въ конторѣ, въ ожиданіи кліентовъ.

— Онъ ждалъ не долго. Не прошло и десяти минутъ послѣ отъѣзда мистера Буттона, какъ раздался рѣзкій звонокъ.

Клеркъ, отворившій дверь вошедшему, вошелъ въ кабинетъ мистера Блюма и таинственно шепнулъ на ухо:

— Лордъ Бамбери—только инкогнито... Я его узналъ сразу.

Въ комнату вошелъ маленькій, старенькій человѣчекъ съ лицомъ методистскаго священника и манерами лисицы. Увидавъ за столомъ кабинета молодого юриста, онъ словно растерялся и быстро оглянулся кругомъ.

— Я думалъ встрѣтить здѣсь мистера Квика, моего стараго знакомаго,—началъ онъ ласкающимъ, но фальшивымъ голосомъ:—а вы, сэръ?

— Одинъ изъ членовъ фирмы, мистеръ Блюмъ, докторъ правъ, къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ молодой юристъ и пододвинулъ кресло посѣтителю.

— Вотъ видите, вы еще такъ молоды, а дѣло такое щекотливое, я не знаю, сможете ли вы, виноватъ, хватить ли у васъ терпѣнія и вниманія, чтобы заняться исключительно моимъ дѣломъ, которое будетъ очень сложно.

— Помилуйте, сэръ, это наша обязанность, наше ремело, никто изъ нашихъ кліентовъ не можетъ жаловаться на нашу невнимательность.

— Все это прекрасно и дѣлаетъ вамъ величайшую честь, но видите ли, молодой человѣкъ, мое дѣло исключительное и требующее особеннаго вниманія и опытности.

— И за то, и за другое могу поручиться, сэръ,—съ чуть замѣтной улыбкой отвѣчалъ юристъ:—наша обязанность угождать нашимъ кліентамъ.

— Знаете, молодой человѣкъ, что я вамъ скажу, вы мнѣ нравитесь, я къ вамъ съ первой минуты почувствовалъ какую-то симпатію и готовъ вамъ открыться, какъ священнику.

Молодой юристъ почтительно поклонился въ отвѣтъ на комплиментъ.

— Но,—продолжалъ посѣтитель,—прежде всего затворите двери и выплите всѣхъ, кто есть въ сосѣдней комнатѣ, я не хочу, чтобы подслушивали то, что я вамъ одному буду рассказывать.

Мистеръ Блюмъ посмотрѣлъ на часы; было безъ десяти минутъ часъ, время завтрака. Онъ вышелъ въ канцелярію, отпустилъ клерка въ ближайшую таверну, самъ заперъ за нимъ дверь и возвратился къ посѣтителю.

— Ваше желаніе исполнено, сэръ, мы теперь совершенно одни, вы смѣло можете повѣрить мнѣ ваши сокровенныя тайны.

— Такъ слушайте же, молодой человѣкъ. Я лордъ Бамбери, старшій въ своемъ родѣ, и владѣтель графствъ Гренокъ въ южномъ Валлисѣ, и вдругъ меня, члена палаты лордовъ, хотятъ заставить пѣть!

— Какъ „пѣть“, милордъ... я васъ не понимаю.

— О, это ужасно! Меня, члена всѣхъ благотворительныхъ, нравственныхъ и богословскихъ обществъ, обвиняютъ въ самыхъ ужасныхъ, безнравственныхъ поступкахъ, и все это дѣлается съ цѣлью выманиванія денегъ! Я пришелъ просить у васъ защиты и наказанія негодяямъ.

Фамилія лорда Бамбери была памятна мистеру Блюму по призрачнымъ намекамъ „Пель-Мельской Газеты“, онъ стиснулъ зубы, чтобы не улыбнуться...

— Да, представьте, меня, лорда, члена палаты перовъ, почтеннаго судью въ шести графствахъ, обвиняютъ въ такихъ ужасахъ, что я не знаю, какъ я не умеръ отъ стыда, когда я получилъ вотъ это письмо.

Онъ досталъ изъ бумажника и подаль мистеру Блюму листочекъ бумаги, исписанный женскимъ почеркомъ. Вотъ что въ немъ было написано:

„Только крайняя нищета и ужасъ отчаянія о судьбѣ моего ребенка заставляютъ меня обратиться къ вамъ, милордъ, отнявшему у меня всякую надежду на будущее и бросившаго меня съ ребенкомъ на улицу. Вы знаете, что не любовь, не страсть,

Джекъ—таинственный убійца.

а подлая измѣна довѣрію и злоупотребленіе неопытностью полу-ребенка, бросила меня въ ваши объятія. Я и теперь проклиная ту минуту, когда судьба случайно поставила меня на вашу дорогу и я имѣла несчастье вамъ понравиться... Вы напустили на меня цѣлую стаю вашихъ вѣрныхъ пособниковъ... и восторжествовали... Какимъ путемъ, вы знаете сами. Долго гордость удерживала меня протянуть руки за помощью именно вамъ. Но теперь, въ страшной, безысходной нуждѣ, потерянная въ омутъ большого города, больная, безсильная, видя какъ гибнетъ отъ голода и изнуренія мой ребенокъ и вашъ ребенокъ, я умоляю, заклинаю васъ, позаботьтесь о немъ. Моя пѣсня спѣта, мнѣ не долго остается жить на свѣтѣ. Если же нѣтъ, то помните, что месть умирающей матери будетъ жестока! Но счастью, у меня сохранилось нѣсколько вѣскихъ доказательствъ моего позора и вашего преступленія. Мнѣ шадить некого, и мнѣ лично ничего не нужно.

Извѣстная вамъ Элли. Фогъ-Стритъ, 17^а.

— Ну-съ, что вы скажете объ этомъ посьмецѣ, сэръ?—съ улыбкой сказалъ лордъ Бамбери, когда адвокатъ окончилъ чтеніе.

— Я нахожусь въ сильномъ затрудненіи, что отвѣчать вамъ, милордъ,—авторъ или очень нервная дама, или шантажистка.

— Именно шантажистка, шантажистка это самое подходящее выраженіе,—повторилъ лордъ, обрадовавшись, что подыскалъ выраженіе,—и вы находите сэръ!—онъ замаялся.

— Я ничего не могу сказать, не зная обстоятельствъ дѣла и просилъ бы вашу милость рассказать мнѣ теперь, безъ утайки, какъ передъ священникомъ, ваше знакомство съ этой предприимчивой дѣвушкой. Но только объ одномъ прошу, расскажите все безъ утайки... иначе я могу впасть въ непоправимыя ошибки.

— Вотъ извольте видѣть, сэръ,—началь, нѣсколько путаясь лордъ Бамбери,—я познакомился съ Элли, или, какъ ее тогда называли, Елизабетой Траутонъ, года три тому назадъ; она была бонной у моего лѣсничаго, и никогда я не думалъ, что интрижка съ этой лѣсной феей поведетъ къ такимъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Ну, да, конечно, я совнаюся, я позволилъ себѣ легко отнестись къ этому дѣлу, я позволилъ себѣ увлечься дикой красотой, но я щедро платилъ, о, я щедро платилъ всѣмъ окружающимъ. Они не могутъ жаловаться... о, разумѣется не могутъ. Если они только слово шепнуть противъ меня, клянусь [своимъ благороднымъ гербомъ, ни въ одномъ изъ шести графствъ, гдѣ я состою владѣльцемъ, они не получаютъ ни малѣйшаго мѣста! О, они хорошо это знаютъ.

— Но ваша милость не знаетъ-ли, былъ-ли дѣйствительно ребенокъ у молодой дѣвушки?—рискнулъ спросить адвокатъ.

— Вы меня удивляете вашимъ вопросомъ, сэръ! Могу ли я, членъ палаты лордовъ, судья въ шести графствахъ, знать, былъ-ли или нѣтъ ребенокъ у бонны моего лѣсничаго?

— Но, ваша милость, авторъ письма указываетъ именно на это обстоятельство... Она указываетъ даже, что выброшена съ ребенкомъ на улицу.

— Мало-ли что можетъ указать шантажистка! Когда мой главный управляющій донесъ мнѣ, что одна изъ служанокъ лѣсничаго замѣчена въ дурномъ поведеніи, я приказалъ удалить ее изъ моихъ владѣній—вотъ и все! Я долженъ былъ это сдѣлать, какъ членъ самыхъ высшихъ нравственныхъ обществъ въ соединенныхъ королевствахъ и какъ членъ палаты лордовъ.

— Но ваша милость изволили говорить мнѣ, что сами увлеклись дикой красотой этой дѣвочки и...

— Вы, мой милѣйшій, должны дѣлать различіе между мной и ею... Что мнѣ, лорду и судѣ въ шести графствахъ, прости-тельно, особенно подъ покровомъ непроницаемой тайны, то ей; безродной служанкѣ, ставится въ смертный грѣхъ и не можетъ быть терпимо въ сколько нибудь цивилизованномъ обществѣ!.. Я думалъ, сэръ, что вы понимаете эти вопросы безъ объясненій, какъ и мистеръ Квикъ, вашъ предмѣстникъ.—Лордъ холодно взглянулъ на смущеннаго адвоката.

— Что же угодно вашей милости отъ меня, что я долженъ сдѣлать?—смирненно опустивъ голову, спросилъ мистеръ Блюмъ, зная, что упустить такого кліента—преступленіе.

— Очень просто, помочь мнѣ посадить автора этого письма въ тюрьму и тѣмъ прекратить всякую попытку шантажа... это было бы самое раціональное!

Мистеръ Блюмъ подобострастно наклонилъ голову и быстро написалъ текстъ довѣренности наведеніе этого дѣла. Лордъ Бамбери небрежно подписалъ ее, бросилъ на столъ 50-фунтовый билетъ, сказавъ только „на расходы“, и гордо вышелъ изъ конторы.

VII.

Два юриста.

Но и вернувшись домой, мистеру Блюму не удалось отдохнуть и успокоиться. Оказалось, что у него въ кабинетѣ сидитъ и дожидается его возвращенія самъ мистеръ Буттонъ.

Дѣло должно быть весьма серьезное, чтобы мистеръ Буттонъ, эта ходячая аккуратность и педантичность, рѣшился безпокоиться самъ и безпокоить своего товарища въ такой неурочный и священный для каждаго англичанина часъ обѣда!

— Извините, сэръ, что я мѣшаю вамъ, но дѣло безотлагательно, мы должны во что бы то ни стало объясниться сегодня же. Завтра можетъ быть уже будетъ поздно.—Такой фразой встрѣтилъ мистеръ Буттонъ своего компаніона, и понятно, что тотъ, забывъ объ обѣдѣ и объ отдыхѣ, заперся съ нимъ въ кабинетъ, расхопившись, чтобы семья обѣдала безъ него.

— Вотъ видите, сэръ,—началь дѣловымъ тономъ мистеръ Буттонъ,—я дурно сдѣлалъ, что не посвятилъ васъ сразу въ то

дѣло, о которомъ шла рѣчь вчера, но я исправляю ошибку. Вы, вѣроятно, сэръ, помните объ объявленіи присяжныхъ стряпчихъ Велькома, Барли и К^о о вызовѣ наслѣдниковъ къ имуществу умершаго въ концѣ прошлаго столѣтія эсквайра Антона Бриджуатера?

— Прекрасно помню, сэръ, оно нѣсколько разъ появлялось на страницахъ лондонскихъ и эдинбургскихъ газетъ,—проговорилъ мистеръ Блюмъ.

— Совершенно вѣрно... Но дѣло въ томъ, сколько я ни наводилъ справокъ, до послѣдняго времени, кромѣ вдовы какого-то мистера Лоренца изъ Бомбея въ Индіи, никто не заявлялъ своихъ правъ на наслѣдство, да и мистриссъ Лоренцъ судъ отказалъ въ признаніи правъ, за непредоставленіемъ доказательствъ законности ея брака съ умершимъ мужемъ! Книги были уничтожены во время возстанія индусовъ, слѣдовательно съ этой стороны опасности быть не можетъ. Я продолжалъ поиски за свой счетъ здѣсь, въ Лондонѣ, надѣясь отыскать потомковъ второго брата Антона Бриджуатера, Джона Бриджуатера, и мнѣ посчастливилось, у меня находятся всѣ доказательства того, что та самая Мэри Бриджуатеръ, которую мы отыскиваемъ, есть единственный отпрыскъ этого рода, она единственная внучка младшаго брата завѣщателя, Джона Бриджуатера, и такимъ образомъ единственная наслѣдница многомилліоннаго наслѣдства. Вы меня поняли, сэръ?

— Разумѣется, только я прошу позволенія поставить для большаго разъясненія еще два вопроса,—скромно замѣтилъ молодой юристъ.

— Хоть десять, сэръ.

— Первый, и самый важный, сэръ, будетъ слѣдующій: Не было ли у мистера Бриджуатера еще братьевъ и сестеръ, и нѣтъ ли у нихъ потомства?

— Не спорю, даже почти увѣренъ, что былъ еще братъ Робертъ, но куда онъ дѣлся и были ли у него дѣти, не знаю, но это постороннее дѣло. Тѣ изъ наслѣдниковъ, которые не внесутъ къ 15 іюля 1889 года, т. е. къ столѣтію со дня смерти завѣщателя, своихъ требованій, подкрѣпленныхъ доказательствами и документами, тѣхъ не будутъ считать при раздѣлѣ имущества. Срокъ не долгъ, а между тѣмъ господа присяжные стряпчіе не получили еще ни одного заявленія, кромѣ отъ господина Лоренца.

— Еще одинъ вопросъ, сэръ, какъ могло случиться, что никто изъ адвокатовъ съ первыхъ же дней существованія такого завѣщанія не взялъ на себя трудъ веденія фамиліальныхъ списковъ наслѣдниковъ, вѣдь дѣло стоило этого?

— Вы немного ошибаетесь, мой молодой товарищъ, это дѣло, т. е. вѣрнѣе наслѣдство, не стоило ни пенса назадъ тому двадцать лѣтъ. У завѣщателя ни шиллинга капитала или недвижимаго имущества, онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ только процессъ съ англійскимъ правительствомъ относительно конфискованныхъ

неправильно у его прадѣда имѣній въ Шотландіи. Какъ ярый приверженецъ Стюартовъ, онъ бѣжалъ изъ Шотландіи и только черезъ 50 лѣтъ его правнукъ возбудилъ дѣло о неправильной конфискаціи. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока процессъ не былъ выигранъ, наслѣдство не стоило ни пенса.

— Но виновать, сэръ, кто же велъ его съ казною?

— Присяжные стряпчіе гг. Велькомъ, Барли и К^о, ихъ фирма существуетъ уже скоро двѣсти лѣтъ.

— Но кто бы имъ заплатилъ за хлопоты и за расходы, если бы имѣніе оказалось вымороченнымъ?

— Совѣтъ графства, гдѣ находится имѣніе, оставаясь, за неотысканіемъ наслѣдниковъ, законнымъ обладателемъ наслѣдства, разумѣется, не сталъ бы и провѣрять счета, который ему представлять господа стряпчіе. Они боятся только одного, чтобы это дѣло не попало въ мои руки.

— Но какимъ же путемъ, сэръ?—воскликнулъ удивленный мистеръ Блюмъ.

— А очень просто, какъ повѣреннаго законной наслѣдницы. До сегодняшняго дня я не терялъ надежды разыскать Мэри Бриджуатеръ и тогда все было ясно и просто... Я собралъ всѣ ея бумаги, всѣ свидѣтельства о рожденіи, бракахъ и смерти всѣхъ ея родственниковъ, и вотъ, въ то время, когда, прослѣдивъ за ней до послѣдняго дня, я хотѣлъ по возможности не объясняя ей ничего, заручиться ея довѣренностью... вы, сэръ, ее не находите, теряете даже ея слѣды, а она погибаетъ въ ту же ночь подъ ножомъ какого-то таинственнаго убійцы.

— Какъ, Мэри Бриджуатеръ?—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Увы, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!.. Но, успокойтесь, дѣло еще не потеряно!

VIII.

Ловкій планъ.

— Но я васъ не понимаю, сэръ,—снова проговорилъ мистеръ Блюмъ,—если вы увѣрены, что наслѣдница убита, то...

— Ни полиція, ни коронеръ, производившій слѣдствіе надъ остатками трупа, найденными въ Докъ-Стритъ, не могли констатировать личности убитой, и формальный протоколъ о томъ, что найденъ трупъ „неизвѣстной“ женщины, понимаете, „неизвѣстной“, былъ составленъ и подписанъ всѣми присяжными въ моемъ присутствіи.

— И имя Мэри Бриджуатеръ не было упомянуто?

— Напротивъ того, одинъ изъ полисменовъ заявилъ сомнѣніе, что убитая и есть именно Мэри Бриджуатеръ, но я, какъ свидѣтель, и какъ присяжный стряпчій заявилъ, въ свою очередь,

передъ коронеромъ и присяжными, что лично знаю Мэри Бриджуатеръ, что она была моей клиенткой, и что лицо трупa, крайне обезображенное, не имѣетъ никакого сходства съ лицомъ Мэри Бриджуатеръ. Полисменъ не настаивалъ, его показаніе тоже не записали, и въ протоколъ рѣшенія присяжныхъ значится „неизвѣстная, варварски умерщвленная“.

— Но вы, сэръ, все-таки не сомнѣваетесь, что трупъ убитой, найденный въ Стритѣ, принадлежитъ именно Мэри?

— Точно такъ же, какъ въ томъ, что говорю съ вами, сэръ. Я два раза посѣтилъ ее въ тюрьмѣ, какъ почетный попечитель гиремъ этого квартала, и хорошо помню ея лицо. Ошибки быть не можетъ.

— Но почему же, сэръ, вы послали на поиски за ней меня, когда сами, зная ее въ лицо, могли гораздо лучше устроить это дѣло?

— И возбудить всеобщее подозрѣніе!—съ улыбкой отозвался мистеръ Буттонъ.—Чтобы я, извѣстный всему Сити стряпчій и адвокатъ, отправился въ кабакъ на розыски безродной нищѣй—этого бы было довольно, чтобы завтра же вся мелкая пресса Лондона разнесла эту вѣсть по всей Англіи и сотни завистниковъ вырвали изъ моихъ рукъ это дѣло—плодъ десятилѣтней работы.

— Но все равно, сэръ, дѣло это теперь, со смертью Мэри Бриджуатеръ, погребено, и погребено окончательно!

— Вы полагаете, сэръ?—съ улыбкой возразилъ мистеръ Буттонъ.—А я полагаю, что только теперь оно начинается!

— Какъ понять васъ, сэръ? Я теряюсь въ догадкахъ! — съ удивленіемъ спросилъ мистеръ Блюмъ.

— Очень просто, мой молодой другъ, и для того, чтобы объяснить вамъ это, я и пріѣхалъ къ вамъ нарочно и въ неуказанный часъ. Но только помните, что все, что я буду говорить, должно остаться тайной межъ нами. Великъ рискъ, но и велика награда. Я предлагаю вамъ въ этомъ дѣлѣ такую же часть, какъ и во всѣхъ текущихъ.

— Вы до крайности возбудили мое любопытство, сэръ. Вы знаете, я не прочь отъ риска, особенно объ руку съ такимъ знатокомъ законовъ, какъ вы, сэръ. Говорите смѣло—насъ здѣсь только двое—и тайна умретъ между нами.

— Я ждалъ услышать это отъ васъ, сэръ, и жму вашу руку.—Старый юристъ крѣпко пожалъ руку своего молодого товарища.—Такъ слушайте. Помните ту телеграмму, которую вы получили вчера, и подписанную „Джекъ“,—она-то и навела меня на мысль, что не мы одни, но еще кто-то другой охотится по тому же авірю, т. е. за тѣмъ же наслѣдствомъ. Мэри убита именно потому, что она была наслѣдница и мѣшала другимъ. Это для меня не подлежитъ сомнѣнію!.. И потому намъ нужно дѣйствовать возможно осторожно.

— Но къ чему же тутъ осторожность, когда Мэри уже нѣтъ на свѣтѣ?—удивленнымъ тономъ проговорилъ молодой чело-вѣкъ,

— А кто сказалъ вамъ это, сэръ?—съ той же улыбкой, какъ прежде, отозвался мистеръ Буттонъ.

— Но вы же сами пять минутъ тому назадъ утверждали, что не сомнѣваетесь, что отысканный и похороненный трупъ принадлежитъ именно Мэри Бриджуатеръ.

— Да, для меня, а не для суда, это есть доказательство, но суду неизвѣстно доподлинно, кто умеръ, чей трупъ найденъ... Ему изъ протокола и рѣшенія присяжныхъ ясно, что найденъ трупъ „неизвѣстной“ женщины! О смерти Мэри Бриджуатеръ нѣтъ и помину, въ глазахъ суда она такъ же здравствуетъ, какъ я и вы, пока у него не будетъ ясныхъ доказательствъ ея смерти... А откуда же ихъ взять... Останки несчастной убитой схоронены въ общей могилѣ, разыскать и констатировать теперь ея личность безусловно невозможно, сотня другихъ бѣдняковъ, брошена въ одну яму съ нею... Но документы ея въ моихъ рукахъ... вотъ здѣсь,—онъ ударилъ рукою по портфелю, лежавшему у него на колѣняхъ,—вотъ здѣсь ея метрическое свидѣтельство, копія съ актовъ о смерти ея родителей, записи о ихъ бракѣ, какъ вы думаете, сэръ, если бы какая нибудь другая женщина явилась съ этими документами къ одному изъ юристовъ или нотариусовъ Лондона, и заявила, что выдаетъ мнѣ, т. е. нашей фирмѣ, полную довѣренность на веденіе ея дѣлъ, понимаете—полную довѣренность... Какъ бы вы думали, нотариусъ усумнился бы въ личности... довѣрительницы... По моему нѣтъ... документы въ порядкѣ, законная владѣлица ихъ въ землѣ, спорить никто не можетъ... Остается только найти женщину, которая согласится, разумеется за извѣстное вознагражденіе, назваться именемъ Мэри Бриджуатеръ, подписать довѣренность, и затѣмъ безслѣдно исчезнуть... изъ Лондона и изъ Англіи, разумеется!.. Вы меня поняли, сэръ?.. Найдите такую особу и миллионы наши!

Мистеръ Блюмъ, казалось, только теперь понялъ хитрый планъ своего патрона. Для нихъ онъ не представлялъ никакой опасности, документы самозванки, разъ они окажутся достаточными, чтобы обмануть нотариуса, могутъ обмануть и довѣренныхъ, слѣдовательно, оставалось, какъ и говорилъ мистеръ Буттонъ, разыскать особу. Первое, что мелькнуло въ его мозгу, была мысль о несчастной Элли, жертвѣ лорда Бамбери, погибавшей съ голода вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ. Но она была гораздо моложе Мэри Бриджуатеръ, хотя истомленное страданіями лицо ея было очень старообразно. Эта мысль такъ быстро развилась въ его воображеніи и приняла на столько осуществимую форму, что онъ тотчасъ же сообщилъ мистеру Буттону о посѣщеніи конторы лордомъ Бамбери, о своемъ свиданіи съ Элли Траутонъ и о надеждѣ сдѣлать ее орудіемъ задуманнаго плана.

— Знаете что, сэръ, я нахожу вашу мысль блестящей!—заговорилъ старый законникъ:—вы можете сказать ей, что въ виду угрожающаго письма, посланнаго ею лорду, онъ возбудилъ противъ нея уголовное преслѣдованіе, что ее разлучать съ ея сыномъ, посадятъ въ рабочій домъ... Пугните ее хорошенько и, наконецъ, какъ единственный исходъ, предложите принять имя Мэри Бриджуатеръ и уѣхать съ нимъ куда-либо далеко... Мы дадимъ ей средства и возьмемся вести ее процессъ противъ лорда Бамбери... Вы мнѣ подали блестящую идею и я надѣюсь, что вы не потеряете изъ виду миссъ Элли, какъ потеряли миссъ Мэри! Съ завтрашняго же дня начинайте дѣйствовать, и чѣмъ раньше у насъ въ рукахъ будетъ довѣренность, подписанная именемъ Мэри Бриджуатеръ—тѣмъ лучше.

— И вы ее тотчасъ представите въ судъ?—спросилъ мистеръ Блюмъ.

— За какого же вы меня простока принимаете, сэръ... Я ее представляю въ послѣдній день срока, за пять минутъ до закрытія засѣданія суда... Такимъ образомъ, я скрою свое оружіе до послѣдняго момента и не подведу подъ ножъ убійцы вторую Мэри Бриджуатеръ... О, сэръ, много еще въ этомъ дѣлѣ совершится преступленій, много прольется крови...

— Такъ не бросить ли его не начиная, сэръ?—въ испугѣ проговорилъ молодой адвокатъ.

— Фирма „Квикъ, Буттонъ и К^о“ никогда не отказывается отъ разъ начатаго дѣла, сэръ,—гордо отвѣтилъ мистеръ Буттонъ.—Немного храбрости и милліоны наши!..

Долго еще просидѣли юристы, обдумывая и соображая свои дальнѣйшія дѣйствія, и когда мистеръ Буттонъ покинулъ квартиру мистера Блюма, была уже глубокая ночь.

Мистеръ Блюмъ вертѣлся въ своей кровати и не могъ сомкнуть глазъ. Задача, которую ему задалъ товарищъ и патронъ, казалась ему теперь страшно рискованной. Возбужденные всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ въ теченіе дня, нервы совсѣмъ расходились и планъ стараго юриста замѣнить убитую Мэри Бриджуатеръ подставной, казался ему прямо дорогой въ смиренный домъ, или даже къ ссылкѣ! Наконецъ онъ заснулъ, но и тутъ мучительный кровавый кошмаръ мучилъ его до утра. Но при первыхъ же лучахъ дня, вся робость, вся боязнь исчезла и снова твердая рѣшимость адвоката, рѣшившагося однимъ ударомъ заработать „капиталъ“, проснулась въ немъ съ новой силой.

Еще супруга его почивала крѣпкимъ сномъ, какъ онъ уже тихо одѣлся и, выпивъ на скоро стаканъ кофе, вышелъ изъ дома, сѣлъ въ первый попавшійся фіакръ и отправился на Докъ-Стритъ къ несчастной Элли. Чтобы не возбудить подозрѣній,

онъ оставилъ экипажъ на широкой улицѣ и уже пѣшкомъ удалился въ лабиринтъ переулковъ. Онъ скоро очутился передъ записаннымъ номеромъ и увидалъ фигуру привратницы передъ домомъ. Она поклонилась ему, какъ старому знакомому и заявила, что миссъ Элли дома, что она еще вчера вечеромъ перебралась въ маленькую комнату въ пятый этажъ и что она и ребенокъ здоровы.

Страшный, удушающій запахъ скученныхъ, сбитыхъ въ одну клоаку сотни людей обдалъ молодого юриста. Онъ схватился за притолку двери, чтобы не упасть, и клубы зловоннаго, бѣловатаго пара окружили его со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, что хотите, я не могу взойти въ этотъ адъ!—съ ужасомъ проговорилъ мистеръ Блюмъ:—попросите, пожалуйста, миссъ Элли сойти въ вашу комнату, мнѣ надо съ ней переговорить. Я вамъ буду очень благодаренъ,—закончилъ свою фразу молодой человекъ и сунулъ въ руку старухи шиллингъ.

Узнавъ, кто вызываетъ ее на свиданіе, миссъ Элли быстро накинула себѣ на плечи старый шерстяной платокъ и съ ребенкомъ на рукахъ выбѣжала изъ своей „квартиры“.

Черезъ минуту она сидѣла противъ мистера Блюма въ комнатѣ привратницы и слушала со вниманіемъ его рѣчь. Она не могла смотрѣть иначе на молодого юриста, какъ на своего спасителя. Золотой, данный имъ вчера, спасъ ея Гарри отъ голодной смерти... и она силилась понять и истолковать въ хорошую сторону то, что ей предлагалъ теперь адвокатъ.

— Вы говорите, сэръ,—начала она, наконецъ, когда мистеръ Блюмъ предложилъ ей покинуть Лондонъ, подъ чужой фамиліей, обѣщая тогда обезпечить ее и ея ребенка,—что лордъ Бамбери силенъ, что онъ можетъ меня уничтожить, что для меня одно спасеніе въ бѣгствѣ, но вѣдь есть же судъ и на него, онъ по злодѣйски поступилъ со мною!.. О, какъ бы я желала отомстить ему весь мой позоръ, всю мою разбитую жизнь!—она горько зарыдала.—Но вы говорите, сэръ, что если я соглашусь удалиться, перемѣнить фамилію и жить гдѣ-либо вдаль, то я и мой сынъ, мой бѣдный Гарри, будемъ обезпечены!? Но правду ли вы это говорите?!

— Обезпечены на всю жизнь. Даже больше, чѣмъ обезпечены, но для этого нужно, чтобы вы забыли о свей настоящей фамиліи, о своей мести лорду Бамбери, больше даже, чтобы вы никогда и никому не проговорились, что вы когда-то носили иную фамилію, какъ Бриджуатеръ! Только съ этимъ именемъ будетъ связана пожизненная пенсія, которую вы и вашъ Гарри будете получать! Помните, что разъ вы отречетесь отъ этого имени—вы не получите больше ни пенса и, кромѣ того, скомпрометируете и себя, и вашего сына.

— Но откуда же я возьму бумаги и доказательства, чтобы доказать свое новое имя?

— Объ этомъ не заботьтесь. Они будутъ у васъ въ рукахъ съ

той минуты, когда вы согласитесь и дадите слово честно держать тайну!..—Элли колебалась.

— Но если я встрѣчу родныхъ, знакомыхъ?

— Надо уѣхать туда, гдѣ бы встрѣча была невозможна. Они забыли васъ теперь—забудьте и вы ихъ окончательно... начните, благословясь, новую жизнь—и она вамъ улыбнется!

Миссъ Элли вскочила съ своего мѣста.

— Вы правы, сэръ,—воскликнула она,—пусть начнется новая жизнь. Я согласна, дѣлайте со мной, что хотите, только спасите моего Гарри, моего бѣднаго Гарри!..—Она зарыдала.

IX.

Снова сэръ Генри.

Вернемся за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Когда сэръ Генри послѣ мѣсячнаго плаванія добрался, наконецъ, до Лондона, то, разумѣется, первою его заботою было подыскать себѣ подручнаго человѣчка, чтобы черезъ него, не показывая своей особы, собрать нѣкоторыя необходимыя справки относительно наслѣдства Антона Бриджуатера, прямой наслѣдницей котораго являлась его невѣста, миссъ Елленъ Лоренцъ.

Во время перваго своего пребыванія въ Лондонѣ онъ случайно познакомился съ нѣкимъ мистеромъ Фолькомъ, господиномъ безъ профессіи, но не отказывающимся ни отъ одной, даже самой предосудительной.

Какъ мы уже знаемъ, сэръ Генри, при громадной осторожности, обладалъ еще крайне рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ. Для того, чтобы сразу добыть миллионы миссъ Лоренцъ, онъ разорвалъ отношенія съ индусами и теперь готовъ былъ на все, чтобы только достигнуть своей цѣли.

Послать мистера Фолька за свѣдѣніями къ стряпчимъ Велькомъ, Барли и К°, печатавшимъ вызовъ наслѣдниковъ къ наслѣдству Антона Бриджуатера, было крайне рискованно; посвящать въ дѣло какого-либо юриста было еще болѣе опасно, и мистеръ сэръ Генри рѣшилъ дѣйствовать самъ, даже не предупредивъ мистера Фолька о своемъ рѣшеніи.

Однажды утромъ, около полудня, онъ самъ позвонилъ у заповѣдной двери, украшенной именами гг. Велькомъ, Барли и К°, и тотчасъ же былъ принятъ главою фирмы, старымъ мистеромъ Велькомомъ.

Отрекомендовавшись дальнимъ родственникомъ миссъ Елленъ Лоренцъ, онъ показалъ имъ же самимъ написанное письмо, отъ ея имени, въ которомъ она проситъ справиться, въ какомъ положеніи дѣло о наслѣдствѣ послѣ Антона Бриджуатера.

Мистеръ Велькомъ очень добродушно посмотрѣлъ на мистера Генри и началъ самымъ мирнымъ тономъ:

— Вотъ видите, сэръ, это дѣло, относительно правъ вашей родственницы, къ сожалѣнію, благодаря потерѣ акта о бракѣ ея матери, погублено окончательно.

— Но если бы этотъ утерянный актъ нашелся? — спросилъ сэръ Генри.

Старикъ съ тѣмъ же добродушнымъ видомъ покачалъ головой.

— Мнѣ кажется, что теперь, именно теперь возникаютъ другія препятствія, и допустимъ невѣроятное предположеніе, что актъ нашелся, все-таки миссъ Елленъ Лоренцъ не можетъ претендовать на право „единственной“ наслѣдницы.

— Что вы хотите сказать этимъ, сэръ? — переспросилъ дрогнувшимъ голосомъ сэръ Генри.

— Именно то, что сказалъ; оказывается, что у покойнаго Антона Бриджуатера было не два, а три брата, и что у старшаго изъ нихъ, Джона, было потомство... слѣдовательно, если кто-нибудь изъ его потомковъ заявитъ свои права до 15 іюля этого года, то, разумѣется, по праву первородства, онъ будетъ имѣть больше правъ на наслѣдство, чѣмъ миссъ Елленъ Лоренцъ, происходящая по женскому колѣну отъ младшаго брата Антона Бриджуатера—Гоберта!

— Вы говорите: если заявятъ! — слѣдовательно они еще не заявили? — спросилъ сэръ Генри, хватаясь за эту надежду, какъ за соломенку.

— Вы правы, сэръ, никто кромѣ матери миссъ Елленъ своихъ правъ не заявлялъ, но такъ какъ законъ допускаетъ заявленія даже въ послѣдній день, то ничего утвердительнаго сказать нельзя... Если вамъ, съ Божьей помощью, удастся найти утерянные документы, то обратитесь къ намъ лично, мы сумѣемъ отстоять ваши интересы... Разумѣется, если не явится болѣе близкихъ наслѣдниковъ или наслѣдницъ.

— Разумѣется, никому, кромѣ васъ, сэръ, миссъ Елленъ не поручить своего дѣла, но вы такъ усиленно говорите о другихъ наслѣдникахъ, что я осмѣливаюсь васъ спросить: развѣ вы имѣете какія-либо свѣдѣнія или подозрѣнія?

— Вотъ видите, сэръ, до прошлаго года все было спокойно: 25 публикацій, сдѣланныхъ нами, не нашли отклика, но не далѣе, какъ 6—7 мѣсяцевъ тому назадъ, къ намъ явилась одна темная личность, бывшій въ то время агентомъ стряпчихъ „Квикъ, Буттонъ и К°“ и спрашивалъ справки по дѣлу о наслѣдствѣ. Зачѣмъ нужны были свѣдѣнія гг. Квикъ и Буттону я не знаю, но фирма эта на дурномъ счету въ Сити и занимается разными темными дѣлами.

— И вы дали эти свѣдѣнія?

— Мы не имѣемъ права отказать, тѣмъ болѣе, что у него было форменное удостовѣреніе фирмы.

— Какъ вы изволили назвать фирму стряпчихъ, приславшихъ агента? — переспросилъ сэръ Генри и досталъ записную книжку.

— Господа Квикъ, Буттонъ и К^о—слѣдовалъ подробный адресъ.
— Еще одна просьба, не помните ли вы имя агента, присланнаго къ вамъ?

— О, разумеется, это былъ известный всему Лондону субъектъ, носившій въ то время фамилію мистеръ Фолькъ. Но кто знаетъ фамиліи этихъ господъ, они мѣняютъ ихъ, какъ перчатки.

Сэръ Генри вздрогнулъ. Самъ мистеръ Фолькъ былъ у него вчера и общалъ явиться къ нему въ этотъ вечеръ. Помощью его онъ надѣялся запутать щекотливый вопросъ о сонаслѣдникахъ.

Извинившись передъ любезнымъ мистеромъ Велькомомъ за причиненное беспокойство и повторивъ общаніе, въ случаѣ нахождения документовъ, не обращаясь къ другимъ адвокатамъ, сэръ Генри дружески распростившись съ представителемъ фирмы, направился домой, въ свою отель. Тамъ уже ожидалъ его мистеръ Фолькъ.

X.

Мистеръ Фолькъ.

Мистеръ Фолькъ былъ безъ копейки, мистеръ Фолькъ былъ голоденъ. Сэръ Генри сразу замѣтилъ въ немъ какую-то нервность и излишнюю суетливость, присущую только голоднымъ людямъ.

Послѣ непродолжительнаго разговора относительно рода занятій, которыми существовалъ мистеръ Фолькъ въ два года отсутствія изъ Лондона сэра Генри, этотъ послѣдній сразу перешелъ къ вопросу о лондонскихъ стряпчихъ и, мотивируя необходимость познакомиться съ кѣмъ-либо изъ опытныхъ юристовъ для все еще продолжающагося процесса, просилъ мистера Фолька, какъ лондонскаго старожила, указать ему какую-нибудь фирму, заслуживающую уваженія.

Тотъ назвалъ нѣсколько знаменитостей адвокатскаго міра.

— Но мнѣ въ Бомбеѣ рекомендовали очень гг. Квикъ, Буттонъ и К^о,—сказалъ совсѣмъ равнодушнымъ тономъ сэръ Генри,—я хочу къ нимъ захватить еще сегодня.

— Избави васъ Богъ отъ этого воровскаго гнѣзда!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ мистеръ Фолькъ.—Болше хитрыхъ мошенниковъ вы не найдете въ соединенныхъ королевствахъ, особенно мистеръ Буттонъ, я кое-что знаю по этой части.

— Расскажите—это очень любопытно. Да кстати, теперь какъ разъ пора и позавтракать... надѣюсь, что вы не откажетесь раздѣлить мою трапезу.

Мистеръ Фолькъ чуть не подпрыгнулъ на стулѣ отъ радости. Черезъ минуту громадные кровяные бифштексы стояли передъ обоими собесѣдниками, и мистеръ Фолькъ повѣствовалъ о своемъ

знакомствѣ съ фирмой Буттона. Онъ былъ краснорѣчивъ, и хотя прикрашивалъ каждое слово метафорами, но было очевидно, что онъ изучилъ представителя фирмы насквозь.

— Виновать,—перебилъ его сэръ Генри,—мнѣ бы хотѣлось знать факты, а не общія мѣста.

— А вотъ вамъ и фактъ. Не далѣе какъ полъ года тому назадъ, призываетъ онъ меня и говоритъ:—Мнѣ надо полный и подробный формуляръ одной дѣвицы, Мэри Бриджуатеръ... Отъ рожденія до сего дня... Составьте—и получите десять фунтовъ.

При имени Мэри Бриджуатеръ сэръ Генри невольно вздрогнулъ и взглянулъ на рассказчика. То, къ чему онъ хотѣлъ подойти ловко веденными вопросами, само шло къ нему, благодаря разговорчивости агента.

— Это что-же, общая фраза, эта Мэри Бриджуатеръ?—спросилъ онъ нарочно, чтобы разсѣять всѣ сомнѣнія.

— Клянусь вельзевуломъ, это дѣйствительное имя!—воскликнулъ мистеръ Фолькъ и вытянулъ цѣлую кружку портера.—Но я продолжаю:—Найдите, соберите, составьте,—и вотъ вамъ десять фунтовъ. Конечно, десять фунтовъ не велика сумма, но времена были крутыя, денегъ ни гроша... Взятся. Работалъ два мѣсяца, собралъ, рассортировалъ, принесъ справки, акты, копіи изъ книгъ, начиная отъ рожденія и до послѣдняго судебного приговора... Приношу, а онъ посмотрѣлъ на меня и говоритъ: вы опоздали, вамъ далъ сроку два мѣсяца, а сегодня шестьдесятъ пятый день!.. Бумаги мнѣ больше не нужны, я могу ихъ добыть гораздо дешевле, всего за пять фунтовъ, мнѣ уже предлагали, желаете получить эту сумму оставьте, не желаете—какъ хотите! Ну, что бы вы сдѣлали, спрашиваю я васъ... Обругалъ я его подлецомъ, бросилъ ему бумаги и взялъ пять фунтовъ... Ну, ужъ если мнѣ когда-нибудь удастся прицѣпиться къ этому негодю, клянусь, бойдутся ему эти пять фунтовъ въ пять тысячъ!.. О, если-бы мнѣ только къ нему прицѣпиться!..

— А знаете что, мистеръ Фолькъ,—сказалъ, съ виду совершенно добродушно сэръ Генри:—мнѣ кажется, что вы нѣсколькооторопились отдать всѣ документы за пять фунтовъ, я знаю одного челоука, который бы вамъ далъ за нихъ ровно вдвое!

— Ахъ, что вы говорите, да укажите мнѣ только адресъ того магодѣтеля, и черезъ два дня я отнесу ему такія же копіи, какъ и первыя... Я теперь знаю, гдѣ ихъ получить, а другія у меня, взялъ ихъ въ двойномъ количествѣ...

— Принесите ихъ мнѣ, и я заплачу вамъ сумму... Впрочемъ, вы сказали что-то о предпоследнемъ приговорѣ, слѣдовательно, былъ и послѣдній, добудьте копію я съ него, а главное, теперешній адресъ Мэри... за это получите еще два фунта.

— Итого, двѣнадцать фунтовъ, я не ослышался?

— Вы не ослышались—двѣнадцать фунтовъ!—совершенно серьезно сказалъ сэръ Генри.

— Но, виновать, сэръ, могу-ли я продолжить свою нескром-

ность до того, чтобы спросить, зачемъ вамъ нужны эти бумаги?
— Нескромность всегда остается нескромностью, сэръ... Впрочемъ, я могу заплатить половину впередъ и этимъ откупиться отъ любопытства.—Сэръ Генри вынулъ изъ кармана шесть золотыхъ монетъ и положилъ ихъ передъ сыщикомъ.

— Надѣюсь, что вы не заставите меня ждать,—прибавилъ онъ настолько сухо, что мистеръ Фолькъ счелъ опаснымъ продолжать разговоръ, и распростившись съ великодушнымъ хозяиномъ, быстро исчезъ.

Прошло три дня, и въ одно прекрасное утро сэръ Генри былъ разбуженъ легкимъ стукомъ въ дверь. Это мистеръ Фолькъ сдержалъ свое слово и принесъ обѣщанныя свѣдѣнія и документы.

Дознаніе было составлено на славу. Всѣ документы, метрики, справки о судимости, приговоры судей, разумѣется, въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ и систематически подобраны.

— И вы увѣрены, что она теперь въ рабочемъ домѣ?—воскликнулъ сэръ Генри, просмотрѣвъ документы.

— Такъ же, какъ въ томъ, что я говорю съ вами, сэръ. Я былъ у нея не дальше какъ вчера утромъ и разговаривалъ съ нею!..

— Но какъ же вы попали туда?

— А очень просто, я еще числюсь почетнымъ директоромъ тюремъ моего прихода... И могу, если хочу, слѣдить за пищею арестантовъ!.. Это дѣлается очень просто, сэръ.

— Я бы васъ просилъ свезти меня когда-нибудь туда, мнѣ бы хотѣлось лично повидать эту женщину,—сказалъ сэръ Генри.

— Могу васъ увѣрить, сэръ, что въ ней нѣтъ ничего интереснаго; это обыкновенная уличная бродяга, которыхъ въ Лондонѣ считаютъ сотнями тысячъ!..

— Но если это мой капризъ?..

— Капризъ такого щедраго джентльмена равносителенъ закону,—со сладкой улыбкой отвѣчалъ мистеръ Фолькъ:—и я жду приказанія, когда явиться къ вамъ.

— А на какой срокъ она посажена?

— На четыре мѣсяца, сэръ... Сидитъ уже около двухъ недѣль, слѣдовательно...

— Слѣдовательно—мы еще имѣемъ время...—перебилъ его фразу сэръ Генри.—А теперь, я бы покорнѣе просилъ васъ познакомить меня съ какой-нибудь личностью, которая-бы взялась слѣдить день и ночь за двумя субъектами!.. Мнѣ это необходимо!

— Это моя специальность!.. Вы не могли лучше обратиться!—воскликнулъ съ гордостью мистеръ Фолькъ.

XI.

Директоръ тюремнаго комитета.

Когда мистеръ Фолькъ ушелъ, сэръ Генри съ трепетомъ взялся за фоліантъ, принесенный имъ, и трезво, не дѣлая себѣ никакихъ иллюзій, взвѣсивая за и противъ, пересмотрѣлъ всѣ документы сонаслѣдницы. Выводъ былъ весьма печальный: при жизни Мэри Бриджуатеръ, или кого-либо изъ ея семейства, Елленъ Поренцъ, какъ происходящая изъ младшей линіи—не была наслѣдницей.

Долго, долго ходилъ онъ по комнатѣ, обдумывая свое положеніе, и ему пришлось убѣдиться, что законнымъ путемъ нельзя думать оспаривать законность правъ Мэри Бриджуатеръ. Но она могла, не зная своихъ правъ на наслѣдство, не только пропустить сроки, но и совсѣмъ не явиться въ судъ...

Что она не знала своихъ правъ, то было очевидно, богатая наслѣдница не жила бы въ такой ужасной и грязной нищетѣ, же два года доводившей ее до рабочаго дома. Съ другой стороны, были люди и весьма опытные, знавшіе эту тайну наслѣдства и сторожившіе свою жертву, чтобы вырвать въ рѣшительную минуту за безцѣнокъ наслѣдство изъ ея рукъ. Господа Квикъ, Уттонъ и К° были извѣстны въ лондонскихъ сити, какъ люди, бросающіе ни словъ, ни денегъ на вѣтеръ, ясно, что они имѣли положительныя цѣли на Мэри.

Что же оставалось дѣлать сэру Генри?

Мэри Бриджуатеръ была въ настоящее время единственною омыхою для достиженія миллионнаго наслѣдства, и Мэри была обречена гибели, какъ на ея мѣстѣ была бы обречена всякая другая. Сэръ Генри не стѣснялся ни положеніемъ, ни количествомъ жертвъ, онъ стояли на его пути и должны были погибнуть!

Одно что смущало него—жизнь Мэри Бриджуатеръ, ненастоящая ему, была необходима адвокатамъ, ее разыскивавшимъ, слѣдовательно, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, за нею слѣдили! Не было никакого труда заставить исчезнуть съ лица земли несчастную Мэри, бездомнаго пролетарія, незнающаго часто преклонить голову, но не оберегаемую личность, нужную только тонкимъ законникамъ.

Надо было дѣйствовать осторожно, тайно и ловко!

Велико было удивленіе сэра Генри, когда однажды, отираясь на Post Restante, онъ нашелъ письмо на свое имя отъ омлея, помѣченное, какъ уже помнить читатель, изъ С.-Франсиско.

Съ волненіемъ прочелъ онъ рассказъ бѣлаго санитаря и въ тотъ же день выслалъ ему переводомъ 300 долларовъ, приказавшая немедленно выѣхать въ Лондонъ. Съ подобнымъ помощ-

никомъ онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ дѣла. Но Момлей могъ прибыть въ Лондонъ, по самому быстрому расчету, черезъ мѣсяцъ, и сэръ Генри не потерялъ ни одного часа изъ того времени, дѣлая свои наблюденія и подготавливая факты.

Во-первыхъ, при помощи своего новаго знакомаго адвоката Велькома, онъ пожелалъ записаться въ число членовъ „тюремнаго комитета“ той части Лондона, гдѣ помѣщался рабочій домъ, въ которомъ все еще томила Мэри Бриджуатеръ, и неоднократно, и одинъ, и со своими новыми сочленами посѣщалъ ту общую рабочую палату, гдѣ работала заключенная.

Пользуясь правомъ знать всѣ подробности о подсудимыхъ, какъ членъ общества „поданія помощи выпущеннымъ изъ тюрьмы“, онъ систематически просматривалъ списки судимости подрядъ всѣхъ заключенныхъ, дѣлая въ своей записной книжкѣ отмѣтки. Разумѣется, эти отмѣтки касались только Мэри. Такимъ образомъ, онъ зналъ день въ день, часъ въ часъ, когда она покинетъ тюрьму.

Наканунѣ, проходя вмѣстѣ съ однимъ изъ сочленовъ мимо группы женщинъ, назначенныхъ къ освобожденію на завтра, онъ спросилъ двухъ изъ стоявшихъ рядомъ съ Мэри женщинъ, куда онѣ думаютъ направиться завтра, по освобожденіи. Обѣ несчастныя какъ-то нахально сверкнули на него глазами и, словно сговорившись, отвѣчали:

— У насъ, сэръ, одна дорога—въ кабаки!

Мэри, которой предложилъ такой же вопросъ сочленъ сэра Генри, отвѣчала нѣсколько сдержанно:

— Право, не знаю, мой дарлингъ, толкнусь къ „Золотой метлѣ“, а если мое мѣсто занято... тогда пусть ищутъ или здѣсь, или въ Темзѣ!..

Тонъ, какимъ была сказана эта фраза, тронулъ до слезъ просившаго. Онъ записалъ адресъ „Золотой метлы“, портерной, съ которой уже знакомы читатели, и общалъ посильную помощь обществу несчастной. Сэръ Генри, пользуясь этимъ разговоромъ, тоже записалъ № и улицу, гдѣ помѣщалась портерная, и въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ точное изслѣдованіе какъ улицы, гдѣ помѣщалась названная портерная, такъ и самой портерной.

Одѣтый какъ самый простой рабочій съ доковъ, онъ заставилъ нѣсколько разъ расхохотаться одну изъ дѣвицъ, ему прислуживающую, какимъ-то ловкимъ намекомъ о полиціи, и даже старый кривой, услышавъ остроу, широко оскалилъ свои желтые зубы.

Угостивъ всю компанію горячимъ грогомъ и расшатавшись, онъ вышелъ, слегка покачиваясь, изъ заведенія, и только вернувшись на свою частную квартиру, нанятую имъ подъ фамиліей Макса Гринока, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Докъ-Стрита, онъ далъ просторъ своимъ соображеніямъ.

Нѣсколько дней тому назадъ, сэръ Генри получилъ телеграмму, что Момлей выѣхалъ изъ Нью-Йорка. Онъ долженъ былъ

приѣхать черезъ два-три дня, слѣдовательно, роковой моментъ наступалъ, и успѣхъ или неуспѣхъ дѣла зависѣлъ отъ одного неловкаго шага!..

Сэръ Генри большую часть ночи провелъ надъ окончательною обработкой всѣхъ деталей задуманнаго плана, и вставъ на слѣдующее утро довольно рано, въ томъ же костюмѣ, какъ и вчера, направился къ дверямъ „рабочаго дома“, чтобы присутствовать при выпускѣ Мэри. Она не обманула. Не успѣла она очутиться на улицѣ, какъ закачавшись, словно полупьяная, отъ избытка воздуха, она быстро пошла по направленію къ „Золотой метлѣ“ и скрылась за ея стеклянными дверями. Болѣе часа, сидя на одномъ изъ диванчиковъ сквера, ждалъ сэръ Генри ея выхода,—но очевидно, мѣсто ея не было занято и ее оставили, по прежнему въ числѣ продавщицъ.

Этого только и нужно было негодяю.

ХІІ.

Встрѣча старыхъ пріятелей.

По расчетамъ сэра Генри, „Каледонія“, на которой выѣхалъ въ Лондонъ Момлей, должна была прибыть въ Портсмутъ на слѣдующій день. Не теряя времени, онъ направился туда по желѣзной дорогѣ въ ночь и съ ранняго утра былъ уже въ портѣ. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: къ вечеру на рейдѣ стало извѣстнымъ, что трансъ-атлантическій гигантъ „Каледонія“ видѣнъ съ семафора и, дѣйствительно, черезъ часъ пароходъ бросилъ якорь на рейдѣ и почти что въ ту же минуту сэръ Генри очутился на палубѣ.

Онъ искалъ глазами своего пріятеля, но не находилъ его. Вдругъ кто-то назвалъ его по имени и худая, изможденная фигура еще не стараго человѣка бросилась въ его объятія.

— Что, измѣнился!.. Не узнали?—заговорилъ онъ по-русски.— Отъ того, что мнѣ пришлось вынести въ эти мѣсяцы—умирають!.. Да я вамъ это расскажу потомъ. Идемте отсюда скорѣе. Единъ видъ этого парохода наводитъ на меня ужасъ... Мнѣ страшно... мнѣ страшно.

Послѣднія слова были сказаны съ такой интонаціей, что сэръ Генри невольно взглянулъ въ глаза своего пріятеля; что-то странное, нервное, чтобы не сказать безумное, свѣтилось въ нихъ.

— Идемте, а вашъ багажъ?—спросилъ онъ Момлея.

— Онъ весь со мной, — вотъ этотъ пледъ и этотъ револьверъ,—онъ указалъ на револьверъ, по американскому обычаю, висѣвшій на поясѣ.

Черезъ полчаса они уже сидѣли въ большемъ, но довольно

Джекъ—таинственный убійца.

неказистомъ номерѣ отеля, который былъ занятъ сэрѣмъ Генри еще наканунѣ.

Момлей, какъ говорится, падалъ отъ усталости, но все-таки хотѣлъ непременно разсказать своему собесѣднику хотя вкратцѣ свои приключенія. Покинувъ бортъ парохода, онъ, повидимому, успокоился и только жаловался на сильную головную боль.

Наступила рѣшительная минута.

Сэръ Генри хорошо зналъ, что въ подобномъ состояніи духа люди всего больше способны поддаваться внушеніямъ и гипнозу, но чтобы не напугать Момлея и не дать ему возможности предозрѣвать что-либо, онъ только спросилъ, нѣтъ ли у него жару, и чтобы удостовѣриться, положилъ ему руку на голову.

Этого было довольно: черезъ нѣсколько секундъ Момлей спалъ крѣпкимъ гипнотическимъ сномъ.

Мгновенно сэръ Генри перемѣнилъ свое ласковое обращеніе съ Момлеемъ на холодно-повелѣвающее. Онъ провелъ нѣсколько разъ большими пальцами обѣихъ рукъ по ушамъ и губамъ пациента и, ставъ насупротивъ него, спросилъ твердо и отчетливо:

— Слышишь-ли ты меня?

— Слышу, — чуть шепнулъ Момлей. Вѣки его дрогнули, но глаза не открылись.

— Будешь-ли ты отвѣчать мнѣ на всѣ вопросы, которые я тебѣ предложу?

— Если прикажешь!

— Я приказываю!!! Будешь?

— Буду...—Это слово было произнесено послѣ нѣкоторой паузы. Было очевидно, что Момлей старается бороться противъ магнетическаго вліянія.

— Хорошо, отвѣть же мнѣ, за что ты убилъ женщину въ Петербургѣ?—При этомъ вопросѣ тѣло Момлея вадрогнуло, вѣки сдѣлали движеніе, чтобы открыться, но неодолима сила сковывала ихъ.

— Я тебѣ приказываю—отвѣчай!—повелительно проговорилъ сэръ Генри, и положилъ снова руку на голову пациента. Тотъ вадрожалъ и слабо проговорилъ:

— Она мнѣ измѣнила...

— Такъ; но почему-же ты разрѣзалъ ее на части и вырѣзалъ сердце?

— Я искалъ въ немъ змѣи. Змѣи, которая погубила мою милую Фиму, я искалъ змѣи, змѣи, змѣи,—быстро сталъ повторять несчастный, и вдругъ вскрикнулъ:

— Ай, вотъ она! змѣя! змѣя!..—Съ нимъ начались конвульсіи.

Сэръ Генри замѣтилъ, что кризисъ насталъ, досталъ свой маленький золотой флаконъ, подарокъ Паракришны, и далъ понюхать его содержимое несчастному. Момлей мгновенно успокоился и заснулъ тихимъ и крѣпкимъ сномъ.

Теперь сэръ Генри, стороной, отъ сослуживцевъ Момлея на

пароходѣ слышавшій его исторію, зналъ, чего держаться. Первое, болѣзненное состояніе духа несчастнаго давало ему увѣренность, что онъ явится безропотнымъ и точнымъ исполнителемъ его воли...

Онъ рѣшился уничтожить Мэри Бриджуатеръ какимъ-бы то ни было способомъ. Смерть несчастной нищей, только что выпущенной изъ тюрьмы, была ему необходима для достиженія милліоновъ. Разумѣется, всего удобнѣе и безопаснѣе было это исполнить самому, но сэръ Генри прекрасно зналъ, что слѣдственная власть въ Англіи стоитъ высоко, и что на него, какъ на заинтересованнаго, скорѣе всего падетъ подозрѣніе,—а въ Англіи веревка съ петлей служить финаломъ убійства.

Сообразивъ и вавѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ рѣшилъ употребить Момлея, какъ орудіе своего злодѣйскаго дѣла...

Въ прошломъ Момлей было такое же кровавое преступленіе—убійство женщины, прощенное ему судомъ, по неувѣренности... Что могло быть легче, въ случаѣ, если преступленіе обнаружится и подозрѣніе падетъ на Момлея, убѣдить и судей, и даже его самого, что оно произошло подъ вліяніемъ того же аффекта, какъ и первое... Надо было только устроить такъ, чтобы оба преступленія были схожи...

Въ этомъ была вся задача...

ХІІІ.

Похищеніе.

Момлей проснулся только черезъ 15 часовъ, и благодаря чудному вліянію индѣйскаго эликсира, не чувствовалъ никакого утомленія и возбужденія.

— Я замѣтилъ,—сказалъ сэръ Генри,—что васъ съ вечера душилъ кошмаръ, и далъ вамъ понюхать одного индусскаго снадобья—вы тотчасъ-же успокоились.

— О, умоляю васъ, дайте мнѣ еще разъ испытать его дѣйствіе!—воскликнулъ Момлей.

— Нѣтъ, другъ мой, часто употреблять его невозможно, оно можетъ убить организмъ.

— Все равно, пусть хоть сейчасъ наступаетъ смерть; если она будетъ сопровождаться такими же ощущеніями, я готовъ умереть!

— Полно, дорогой другъ, ваша жизнь нужна другимъ, какъ не грѣшно думать о смерти. Я и вызвалъ васъ сюда, чтобы помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ!

— Для васъ готовъ въ огонь и въ воду, говорите, приказывайте, требуйте!

— О, это всего только будетъ романическая исторія... Мы, то-есть вы похитите женщину!

— Какъ, женщину?..

— Очень просто, мы вмѣстѣ войдемъ въ одну таверну, я подойду къ одной изъ прислуживающихъ женщинъ и заговорю съ нею... Когда послѣ того она подойдетъ къ вамъ, вы ей скажете, приблизительно, слѣдующее:—Ты мнѣ нравишься, не хочешь-ли ты покинуть этотъ вертепъ и помѣститься ко мнѣ хозяйкой, я дамъ тебѣ два фунта въ мѣсяцъ жалованія. Разумѣется, она согласится, но скажете, что у нея есть долги. Вы ихъ тотчасъ заплатите и уведете женщину съ собою... Вотъ и все...

— Но куда же я съ ней дѣнусь?

— Объ этомъ я уже позаботился... Около Докъ-Стритъ я нанялъ маленькую, но хорошенькую квартиру въ первомъ этажѣ... Привратника нѣтъ, ключъ отъ нея у меня въ карманѣ!

— Какъ все у васъ заранѣе обдумано... но прошу сказать, какъ я долженъ держать себя съ этой особой?..

— Это ad libitum...—съ улыбкой отвѣчалъ сэръ Генри.—Я надѣюсь, что ея присутствіе не будетъ долго затруднять васъ...

— Я готовъ, я съ радостью исполню ваше порученіе, и будьте увѣрены, что никогда не спрошу васъ о причинахъ необходимости этого романическаго приключенія... впрочемъ, довольно любопытнаго.

— На этотъ разъ я могу удовлетворить вашему законному любопытству, — сказалъ сэръ Генри, — Вотъ видите, эта особа, какъ мнѣ кажется, обладаетъ громадной медиумической способностью, я много занимался этимъ вопросомъ въ Индіи, и мнѣ кажется, что при помощи ея мнѣ удастся достигнуть той „материализаціи“, о которой только мечтаютъ наши спириты и которая составляетъ обычный фактъ у браминовъ въ Бомбей.

Къ ночи они были уже обратно въ Лондонѣ, а утромъ разными дверями, но одновременно, вошли въ таверну „Золотой метлы“. Часъ ленча, т. е. перваго ранняго завтрака рабочихъ, еще не наступилъ и потому въ заведеніи было мало народа.

Сэръ Генри, замѣтивъ, что Мэри сидитъ безъ дѣла, жестомъ подозвалъ ее и приказалъ подать себѣ портера. Когда она подала ему требуемое, онъ съ фамиллярностью схватилъ ее за талію и потребовалъ другой стаканъ и другую бутылку портера.

Мэри не отказалась отъ угощенія, и когда сэръ Генри расплатился и вышелъ, Момлей, сидѣвшій за другимъ столомъ, въ свою очередь потребовалъ, чтобы она подала ему и себѣ горячаго грога.

Не смотря на нужду и лишенія, личико молодой женщины было еще довольно миловидное, и Момлей не чувствовалъ особенной трудности и брезгливости играть роль, которую навязалъ ему его пріятель.

Онъ былъ очень разговорчивъ и ласковъ съ Мэри, далъ ей шесть пенсовъ на лакомства и ушелъ, унося самыя счастливыя пожеланія отъ молодой женщины. Въ этомъ темномъ вертепѣ рѣдко кто ласково относился къ несчастнымъ преступницамъ и собутыльницамъ.

На слѣдующій день Момлей зашелъ въ таверну въ тотъ же часъ, опять пошутить съ Мэри, и наконецъ, повторилъ свой визитъ уже поздно вечеромъ.

По правиламъ, въ 11 часовъ таверна должна была быть закрыта. За нѣсколько минутъ до закрытія, Момлей, одиноко сидѣвшій рядомъ съ Мэри, вдругъ сдѣлалъ ей предложеніе, предложенное ему сэромъ Генри.

— Въ доказательство того, что мои предложенія не на вѣтеръ, — сказалъ онъ:—смотрите, я человѣкъ состоятельный.—Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и показалъ десятку три золотыхъ монеты. У Мэри, отъ роду не видавшей такого количества денегъ, даже голова закружилась... Она обняла Момлея и быстро заговорила:

— Иду за тобой, мой мышенокъ, куда хочешь, хоть на край свѣта! Но только вотъ въ чемъ дѣло: я должна хозяйкѣ два фунта, она меня не отпустить, пока я не заплачу долга.—Разумѣется, это была не больше, какъ фальшивая уловка, она ничего не была должна, но только хотѣла испытать, насколько простирается щедрость ухаживателя.

Момлей не колеблясь вынулъ два золотыхъ и подалъ ихъ Мэри; та, чуть не выдавъ себя въ волненіи, передала ихъ на храненіе хозяйкѣ, и черезъ минуту съ гордымъ видомъ, подъ руку съ Момлеемъ вышла на улицу.

Похищеніе наслѣдницы было совершено удачно!

XIV.

Убийство сонной

Рано утромъ слѣдующаго дня, утомленный вчерашними скитаніями, Момлей спалъ крѣпкимъ сномъ. Легкій стукъ, раздавшійся за дверью, заставилъ его вздрогнуть. Онъ проснулся и вспомнилъ, что утромъ къ нему долженъ былъ прійти сэръ Генри и произвести какіе-то опыты надъ удивительнымъ медиумомъ.

Дѣйствительно, это былъ сэръ Генри.

Еслибы Момлей былъ фізіономистомъ, то съ перваго взгляда на вошедшаго, на странный авѣрскій взглядъ его глазъ, онъ понялъ бы, что передъ нимъ человѣкъ или только что совершившій преступленіе, или идущій на преступное дѣло.

Довольно сухо поздоровавшись съ Момлеемъ, сэръ Генри прямо прошелъ въ спальню, гдѣ, какъ мы знаемъ, Мэри спала крѣпкимъ сномъ.

— Не просыпалась?—спросил онъ у Момлея.

— Спать, какъ убитая.

— Тѣмъ легче будетъ первый опытъ,—сказалъ какимъ-то страннымъ тономъ вошедшій, видимо, стараясь придать своему тону возможную простоту.

Онъ подошелъ къ спящей Мэри и далъ ей понюхать изъ золотого флакона, висѣвшаго у него на груди, на золотой цѣпочкѣ, но до этихъ поръ скрытаго подъ жилетомъ.

— Теперь она будетъ спать непрерывно 15—18 часовъ и не помѣшаетъ нашимъ опытамъ,—сказалъ сэръ Генри:—а это главное...

— Спи!—рѣзко и неожиданно крикнулъ онъ, и покорный магнетическому вліянію сэра Генри, Момлей автоматически закрылъ глаза и какъ обезсиленный тихо упалъ въ кресло, возлѣ котораго стоялъ.

Продѣлавъ надъ своей жертвой тѣ же кабалистическія пассы и движенія, какъ и въ Портсмутѣ, злодѣй долго и подробно объяснялъ спящему гипнотическимъ сномъ Момлею шагъ за шагомъ все то, что онъ долженъ сдѣлать; потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, подошелъ къ спящей Мэри и вынувъ тонкую золотую иглу, окунулъ кончикъ ея въ микроскопическую стеклянную палочку, помѣщавшуюся въ томъ же футлярѣ, и осторожно, чтобы не оставить слѣдовъ, просунувъ иглу въ раковину уха, слегка укололъ спящую глубоко въ ушномъ отверстіи.

Несчастная вздрогнула, глаза ея сдѣлали усиліе, чтобы открыться, тѣло ея передернулось жестокой судорогой и затѣмъ осталось неподвижно. Негодяй положилъ ей руку на сердце—оно перестало биться, Мэри Бриджуатеръ, опасная сонаслѣдница, перестала существовать.

Теперь оставалось только скрыть слѣды преступленія и установить на всякій случай свое собственное алиби.

Подойдя къ Момлею, который все еще спалъ въ гипнотическомъ снѣ, сэръ Генри дунулъ ему въ глаза, и тотъ мгновенно очнулся, даже не подозрѣвая, что онъ проспалъ болѣе четверти часа, ему казалось, что онъ не прекращалъ своего разговора со своимъ собесѣдникомъ.

— И вы мнѣ объясните эти тайны, вы подѣлитесь со мной вашими знаніями?—продолжалъ онъ свой разговоръ.

Съ большимъ удовольствіемъ, но только не теперь, я временно почувствовалъ, что у меня не хватитъ сегодня магнетической силы для сеанса, и я напрасно только усыпилъ эту дѣвушку... Не оставляйте ее одну, я завтра утромъ явлюсь и мы повторимъ опыты!.. Надѣюсь, онъ будетъ удачнѣе...

Проговоривъ эти заранѣе приготовленныя фразы, сэръ Генри ушелъ, оставивъ Момлея въ глубокомъ раздумьѣ.

Выбравшись на одну изъ большихъ улицъ, онъ подошелъ къ и направился къ своему официальному жилищу. Черезъ нѣсколько минутъ, одѣтый заново, онъ звонилъ у двери съ фир-

мой „Велькомъ, Барли и Комп.“ и, принятый немедленно самимъ патрономъ, очень деликатно, но настойчиво приглашалъ его въ этотъ день сдѣлать ему честь пообѣдать съ нимъ.

Какъ ни отговаривался добродушный законникъ, но сэръ Генри сумѣлъ побѣдить его сопротивление и оба новые знакомца только въ 9 часовъ вечера встали изъ-за роскошнаго стола, сервированнаго въ апартаментъ сэра Генри.

За этимъ обѣдомъ онъ рѣшился, наконецъ, сообщить мистеру Велькому подъ большимъ секретомъ, что онъ женихъ миссъ Елленъ Лоренцъ, но просилъ до времени хранить эту тайну.

— О, я тонкій дипломатъ, я съ перваго взгляда на васъ это предполагалъ,—шутилъ стряпчій;—одно скажу—жалъ, что не ей, т.-е. не всѣмъ достанется многомилліонное наслѣдство Антона Бриджуатера...

— Я женюсь не на деньгахъ!—съ жаромъ возразилъ молодой человѣкъ.—Я знаю, что беру безприданницу... Но, разумѣется, если мнѣ удастся найти затерянные документы, я не откажусь отъ наслѣдства... и заявлю права моей будущей жены!

— Тутъ дѣло не въ документахъ, а вы развѣ забыли про Мэри Бриджуатеръ—она вѣдь существуетъ!.. Помните, если она не знаетъ о своихъ правахъ, то о нихъ знаютъ другіе. Нѣтъ, вамъ надо бросить всякую надежду на эти милліоны... Увѣраю васъ моимъ честнымъ словомъ стараго законника, права Мэри Бриджуатеръ неопровержимы и начать процессъ—впередъ подѣлать свое разореніе!..

— Но если она вдругъ не явится къ сроку, или вдругъ исчезнетъ, какъ призракъ, не появившись на свѣтъ Божій?

— Вы говорите загадками сэръ!—ваглянувъ съ удивленіемъ на своего собесѣдника, сказалъ мистеръ Велькомъ.

— Ничуть, я только высказываю свое мнѣніе, что эта особа могла умереть съ тѣхъ поръ, какъ вы имѣли о ней послѣднія свѣдѣнія...

— Это довольно трудно допустить, такъ какъ она не далѣе какъ вчера вышла изъ „рабочаго дома“, я это знаю изъ достовѣрнаго источника...

— Вчера—не сегодня, уважаемый мистеръ Велькомъ,—произнесъ сэръ Генри.—А впрочемъ, мнѣ все равно, пусть живетъ многія лѣта!.. А теперь выпьемъ по послѣднему бокалу за мою невѣсту, миссъ Елленъ!

— Съ удовольствіемъ! Съ наслажденіемъ!—Пріятели чокнулись.

XV.

Удачное алиби.

Когда, наконецъ, пріятели хотѣли разстаться, былъ уже десятый часъ вечера, и всегда аккуратный мистеръ Велькомъ заявилъ своему собесѣднику, что ему необходимо быть въ Шахматномъ клубѣ, гдѣ въ этотъ вечеръ рѣшался важный вопросъ объ отвѣтномъ ходѣ въ матчѣ, который въ эту минуту разгиривался между Нью-Йоркомъ и Лондономъ по телеграфу.

Сэръ Генри, оказавшійся, по случаю, страстнымъ игрокомъ въ шахматы, съ радостью согласился на предложеніе мистера Велькома представить его въ клубъ въ качествѣ гостя, и полчаса спустя, онъ уже сидѣлъ надъ шахматной доской, соображая какой-то сложный гамбитъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что сэръ Генри, якобы увлеченный игрою, провелъ въ клубѣ время до 3 часовъ утра и заплатилъ 2 фунта стерлинговъ штрафа, но онъ достигъ своего—его алиби въ эту ночь могло быть доказано неопровержимо, во-первыхъ свидѣтельствомъ мистера Велькома, а затѣмъ шнуrowыми книгами клуба, гдѣ вѣхъ его какъ гостя, и полученный съ него штрафъ, были записаны самымъ аккуратнымъ образомъ.

На другой день утромъ сэръ Генри и не думалъ вставать съ постели, онъ позвонилъ прислугу и жалуюсь на сильнѣйшую ломоту въ ногахъ, приказалъ послать за докторомъ.

Разспросивъ весьма коротко больного, докторъ съ важнымъ видомъ написалъ громадный, сложный рецептъ, приказалъ послать его въ указанную имъ аптеку, и получивъ за визитъ совершенно, вышелъ съ гордымъ видомъ банкира, только что выигравшаго на биржѣ.

Еще дальнѣйшее подтвержденіе алиби было установлено. Визитъ доктора, рецептъ въ аптеку были неопровержимыя доказательства, что сэръ Генри не отлучался изъ дому.

Но мнимый больной съ нѣкоторыхъ поръ сталъ обнаруживать безпокойство. Онъ поминутно вздрагивалъ, прислушиваясь къ шуму шаговъ въ корридорѣ отѣла, то взглядывая на часы, висѣвшія у его изголовья... Гдѣ-то далеко, на башнѣ какого-то собора звучно пробило восемь часовъ, и безпокойство сэра Генри достигло высшаго напряженія. Онъ съ испугомъ взглядывалъ на дверь, словно ожидая появленія оттуда чего-то рокового. Раздался наконецъ столь долго ожидаемый тихій стукъ въ дверь, и на приглашеніе войти, въ двери показался почтовый разсылный.

Дрожащею рукою росписался мнимо больной въ книгѣ, быстро сорвалъ печать и прочелъ слѣдующія три слова:

„Все кончено—Джекъ“!

Мы оставили несчастнаго Момлея одного въ квартирѣ, на-

пятой сѣромъ Генри, подъ именемъ Макса Гринюка, около трупа предательски убитой Мэри Бриджуатеръ.

Первыя минуты по уходѣ сэра Генри, съ безпоощадною откровенностью и цинизмомъ предписавшаго ему его дальнѣйшія дѣйствія, Момлей ходилъ по комнатѣ, словно человѣкъ, еще не совершенно очнувшійся отъ сна.

Онъ судорожно теръ свой лобъ, словно стараясь что-то припомнить, но внушенія, сдѣланныя во время гипнотическаго сна, не вспоминаются—они только безвольно и безотчетно исполняются загнипнотизированными субъектами.

Долго ходилъ Момлей по комнатѣ. Неотвязная мысль, что онъ сейчасъ, сію минуту долженъ совершить что-то, но что—онъ никакъ вспомнить не могъ, мучила его неотступно.

Вдругъ взглядъ его машинально упалъ на круглые часы, висѣвшіе на стѣнѣ, они показывали четыре часа безъ трехъ минутъ. Мысли его какъ-будто прояснились. Вытащивъ шею и впившись глазами въ часовыя стрѣлки, онъ такъ и замеръ въ этомъ положеніи.

„Четыре часа“ было время, назначенное сѣромъ Генри для исполненія его страшнаго приказанія.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась стрѣлка, Момлей начиналъ чувствовать потребность броситься на кого-нибудь, схватить, повалить и вонзить ножъ въ трепещущее тѣло.

Но вотъ минутная стрѣлка дошла до двѣнадцати и четыре звонкихъ удара отдались въ сердцѣ Момлея, какъ удары молота. Теперь онъ вспомнилъ все. Онъ кинулся въ спальню, гдѣ на постели лежалъ остывшій уже трупъ Мэри. Онъ дико оглянулся, словно разыскивая какое-либо оружіе. На каминѣ лежалъ большой и острый хирургическій ножъ, нарочно приготовленный сѣромъ Генри.

Схватить его, вынуть изъ футляра и затѣмъ броситься съ нимъ къ трупу Мэри было дѣломъ одного мгновенія.

Онъ уже не останавливался болѣе. Быстрымъ, привычнымъ движеніемъ опытнаго анатома, онъ вскрылъ ей полость груди и схватилъ твердой рукою за сердце. Оно не только что не билось, но было почти совсѣмъ холодно. Момлей не замѣчалъ этого, онъ вырѣзалъ его осторожно изъ грудной полости и долго со вниманіемъ разсматривалъ.

— А змѣя, а гдѣ же змѣя?—повторялъ онъ какимъ-то глухимъ, точно не своимъ голосомъ.

— А, я знаю, знаю, куда она спряталась!—вдругъ воскликнулъ онъ, и быстро, словно мясникъ, разрѣзающій туши, началъ отдѣлять одну за другой обѣ руки, обѣ ноги и наконецъ голову несчастной.

При каждой новой операціи онъ пристально взглядывалъ на отрѣзанную часть, подносилъ ее къ уху, словно желая слышать, не спряталась ли тамъ некая змѣя; потомъ, вдругъ, словно на него напалъ паническій страхъ, быстро сталъ складывать всѣ

отрѣзанныя части трупа въ большой мѣшокъ, также лежавшій въ комнатѣ, и тщательно истреблять всѣ слѣды преступленія.

Такъ какъ трупъ уже остылъ, то кровоизліянія было мало, но все-таки всѣ простыни были залиты ею. Это обстоятельство, казалось, ничуть не встревожило Момлея, онъ, не останавливаясь и не раздумывая, сдернулъ замаранныя простыни и всю одежду несчастной, разорвалъ на части и бросилъ въ пылающій каминъ. Видъ крови, казалось, былъ ему очень противенъ. Схвативъ большую губку, онъ тщательно смылъ кровавыя пятна съ платья, съ пола, со стѣнокъ кровати, и вымывъ мыломъ руки, сталъ тщательно осматривать свой костюмъ.

Крови не оказалось. Вглянувъ на улицу, Момлей замѣтилъ, что еще не достаточно стемнѣло, и совершенно спокойно, какъ человѣкъ только-что совершившій трудное, но вполне обыденное дѣло, зѣвнулъ, потянулся и безъ содраганія легъ на кровать, на которой нѣсколько минутъ тому назадъ лежалъ трупъ Мэри.

Еще минута и онъ спалъ мертвымъ, гипнотическимъ сномъ.

Девять ударовъ часовъ пробудили его. Онъ вскочилъ на ноги и снова бросился къ окошку.

Стояла темная, зимняя, туманная, лондонская ночь, когда, подъ покровомъ почти непрозрачнаго тумана, настаеъ въ Лондонѣ царство воровъ, грабителей и убійцъ.

Переулокъ, на который выходила квартира, нанятая сэромъ Генри, выходилъ въ одинъ изъ тѣхъ темныхъ переулковъ въ этой и безъ того не ярко освѣщенной части столицы Англіи, что туда, казалось, и не проникалъ свѣтъ уличныхъ фонарей.

Это, казалось, вполне соответствовало планамъ Момлея. Онъ отворилъ свою выходную дверь, выходящую въ переулокъ, и могъ убѣдиться, что ночь дѣйствительно темна, и что врядъ-ли онъ рискуетъ встрѣтить кого-либо по пустыннымъ переулкамъ.

Вернувшись въ комнату, онъ методически надѣлъ пальто, шляпу, спряталъ въ карманъ хирургическій ножъ въ футлярѣ, и затѣмъ, казалось, безъ особаго усилія, поднялъ мѣшокъ съ трупомъ, увязанный ремнями, и вынесъ его въ сѣни. Затворивъ дверь на замокъ и сунувъ ключъ въ карманъ, онъ также методично снова взялся за ремни мѣшка и приподнявъ его, понесъ влѣво отъ крыльца по переулку.

На пространствѣ первыхъ 50—60 шаговъ онъ никого не встрѣтилъ, но далѣе ему показалось, что подъ свѣтлымъ пятномъ фонаря, чуть виднымъ въ клубахъ тумана, мелькнуло какое-то живое существо.

Онъ быстро опустилъ носу на панель и быстро удалился въ обратномъ направленіи.

Тюкъ со страшнымъ содержимымъ остался среди тротуара.

Теперь, избавившись отъ своей ноши, Момлей пошелъ гораздо скорѣе, но, казалось, по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся, его начиналъ гнестъ какой-то испугъ, онъ участилъ шаги и чуть не сбился съ ногъ какого-то джентльмена, рискнувшего тоже поздно вечеромъ отправиться въ эти прокаженные кварталы.

Это столкновение на секунду задержало Момлея, онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, среди двухъ большихъ фонарей, удачно борющихся съ туманомъ, надпись: „Почтовое и телеграфное бюро“. Подбѣжать къ нему, открыть крышку ящика и опустить приготовленное нарочно въ карманъ письмо было дѣломъ минуты. Теперь, казалось, Момлей пришелъ въ себя. Онъ съ удивленіемъ оглянулся, словно не понимая, гдѣ онъ находится. Затѣмъ, подумавъ немного, подозвалъ проѣзжающій кабъ и крикнулъ кучеру адресъ гостиницы, гдѣ онъ остановился официально въ Лондонѣ.

Несчастный не имѣлъ никакого понятія о томъ, что было имъ совершенно въ теченіи послѣднихъ шести часовъ!

XVI.

Воровская работа.

„Отель Бристоль“, въ которомъ официально въ послѣднее время жилъ сэръ Генри, не имѣвшій никакой необходимости скрывать свой адресъ въ сношеніяхъ съ нужными ему людьми, стоялъ въ лучшей части города, около знаменитаго центрального лондонскаго дебаркадера, называемаго Гатенъ-Кросъ.

Приблизительно дней за десять до пріѣзда въ Англію Момлея, когда сэръ Генри давно уже считался постояннымъ жильцомъ отеля, въ конторѣ была получена изъ Нью-Йорка телеграмма отъ какого-то Іонатана Вуда, чтобы для него задержали номеръ въ отелѣ.

Дѣйствительно, въ назначенный срокъ акуратный янки, телеграфировавшій о своемъ пріѣздѣ, появился собственной персоной. Четыре дюжихъ носильщика едва втащили на лѣстницу его багажъ, состоявшій изъ цѣлаго десятка тяжелыхъ сундуковъ. На удивленіе хозяина о такой массѣ багажа, американецъ съ флегмой замѣтилъ:

— На таможенѣ еще есть.

Когда прислуга удалилась, Іонатанъ Вудъ заперъ за нею тщательно дверь и со вниманіемъ началъ осматривать свое новое помѣщеніе.

— Это былъ большой комфортабельно обставленный номеръ изъ трехъ комнатъ, салона, спальни и, наконецъ, третьей довольно обширной комнаты, которую онъ опредѣлилъ подъ гардеробную. Въ нее были снесены всѣ сундуки багажа.

Одна изъ драпировокъ, висѣвшая почему-то среди стѣн складочной комнаты, привлекла его вниманіе, онъ осторожно отстранилъ ее и увидѣлъ большую бѣлую, лакированную дверь, запертую, казалось, кромѣ большой задвижки, на ключъ. Ключа въ замкѣ не было, но личинка съ противоположной стороны была спущена, и видѣть что-либо было невозможно.

За дверью слышались два мужских голоса, говорили по-английски, но голоса были для американца совершенно незнакомы. Читатель долженъ знать, что смежная комната это салонъ ап-партамента сэра Генри.

Не разбирая своихъ вещей, американецъ надѣлъ свое дорожное пальто, нахлобучилъ шляпу и направился вдоль своего корридора, чтобы узнать номеръ смежной комнаты.

На большомъ фарфоровомъ щиткѣ значилась цифра 27, а на самой двери, въ бронзовой рамкѣ была прикрѣплена карточка жильца: „Серъ Генри Варягъ, эсквайръ“.

Видъ ея произвелъ на мистера Вуда потрясающее впечатлѣніе. Онъ схватился за голову, чтобы не вскрикнуть и прошептать по русски:

— Вотъ такъ удача, на ловца и звѣрь бѣжитъ!—и тихо, той-же разваливающейся флегматической походкой пошелъ въ свой номеръ.

Читатели, вѣроятно, уже сами догадались, что плотный американецъ былъ никто другой, какъ нашъ старый знакомый Фролъ Фроловъ, бѣглый каторжникъ, послѣднее преступленіе котораго стоило такой массы человѣческихъ жертвъ въ С.-Франциско.

Онъ зналъ черезъ Момлея, показавшаго ему письмо сэра Генри, адресъ послѣдняго, а потому рѣшился остановиться въ томъ-же домѣ, но никогда не могъ предполагать, что судьба ему такъ поблагопріятствуетъ, что онъ станетъ сосѣдомъ сэра Генри, котораго, впрочемъ, онъ никогда и въ глаза не видалъ.

Читатели помнятъ, что выѣзжая изъ С.-Франциско, у него въ карманѣ было около 2-3 тысячъ долларовъ, но во время переѣзда океаномъ ему удалось попасть въ компанію счастливыхъ золотыхъ искателей, вѣзшихъ въ Европу „сжечь“ свои денежки. Началась, разумѣется, азартная карточная игра, во время которой онъ выигралъ 28 тысячъ долларовъ, кругленькая сумма для человека, недѣлю тому назадъ не знавшаго чѣмъ заплатить за переѣздъ изъ С.-Франциско въ Нью-Йоркъ.

Но это внезапное приращеніе капитала вмѣсто того, чтобы остудить, еще болѣе подстрекло Фролова прослѣдить за человекомъ, который прислалъ денегъ, чтобы вызвать ни на что негоднаго, по его мнѣнію, Момлея.—Тутъ должна была быть большая тайна,—нѣсколько разъ повторялъ онъ во время переѣзда, и рѣшился, во что-бы то ни стало, добиться ея разгадки.

Вернувшись въ свой номеръ, онъ переодѣлся, снялъ городской костюмъ и одѣлся въ кожаный, коротенькій уйлестеръ и войлочные туфли. Шаги его вслѣдствіе этого сдѣлались совершенно неслышными.

Осторожно направился онъ въ складочную комнату и началъ слушать подъ дверью, ведущей въ ап-партаментъ сэра Генри.

Сосѣдняя комната была погружена въ тишину.

Тогда только дожный американецъ тронулся съ своего мѣста; онъ открылъ одинъ изъ многочисленныхъ ящиковъ своего ба-

гажа, въ которомъ оказался цѣлый наборъ инструментовъ и, доставъ тонкій, но очень длинный буравчикъ, началъ сверлить дверь, но не въ филенкахъ, а въ одномъ изъ плинтусовъ, совершенно справедливо полагая, что дверь и съ той стороны за-вѣшана портьерой. Буравчикъ кончилъ дѣло безъ шума и почти безъ опилокъ, и когда Фроловъ приставилъ глазъ къ отверстию, то ясно увидѣлъ свѣтъ. Препятствія съ той стороны не было.

Поискавъ немного въ другомъ ящикѣ, онъ досталъ инструментъ, похожій на телефонъ, и вставилъ его въ узенькое отверстие въ пробуравленную щелку. Приложивъ ухо къ противоположному концу, онъ ясно услышалъ стукъ часовъ, шедшихъ въ смежной комнатѣ.

Улыбка удовольствія искривила его губы.

XVII.

Телефонныя наблюденія:

Фролову пришлось не долго ждать возвращенія сосѣда. Серъ Генри, вернувшись, позвонилъ прислугу и отдалъ послѣднее распоряженіе касательно тонкаго ужина, заказаннаго имъ.

Дѣйствительно, и гости не замедлили явиться. По звукамъ ихъ голосовъ, это были два пожилые джентльмена и разговоръ скоро перешелъ на практическую почву.

— Я пригласилъ васъ сюда, господа,—послышался тогда голосъ сэра Генри,—чтобы сообщить вамъ, что мои надежды перешли въ увѣренность: документъ о бракѣ родителей миссъ Билленъ Лоренсъ—нашелся, вотъ онъ вмѣстѣ съ книгой, и я надѣюсь, что съ этой стороны никакихъ препятствій не будетъ.

Наступила тишина. Слышно было только, какъ старые джентльмены переворачивали листки книги.

— Ахъ, чортъ возьми, опоздалъ, это онъ адвокатамъ документы передаетъ,—чуть не вслухъ подумалъ Фроловъ и еще плотнѣй прижался къ своему телефону.

— О, о!—послышались сразу восклицанія обоихъ судейскихъ джентльменовъ.—Вы счастливычикъ, серъ! Какимъ образомъ вамъ удалось сдѣлать эту находку?

— И если-бы не возможность появленія Мэри Бриджуатеръ, то миллиончики дяди Антона можно было считать въ вашемъ карманѣ,—закончилъ одинъ изъ нихъ, болѣе интимно знавшій сэра Генри, именно мистеръ Велькомъ.

— Неужели вы все еще считаете возможнымъ появленіе этого безтѣлеснаго призрака?

— Не нахожу достаточно причинъ, чтобы перемѣнить свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Мэри Бриджуатеръ явится къ сроку и предъявитъ свои права. Кстати,—весело вскричалъ мистеръ

Велькомъ,—какой шумъ и трезвонъ подняли всѣ газеты изъ-за какой-то убитой дѣвченки на Докъ-Стриттъ, всѣхъ интересуетъ таинственность убійцы, какого-то пресловутаго Джека, имѣвшаго дерзость увѣдомить о своемъ преступленіи господина инспектора полиціи.

— Да, я что-то слышалъ объ этомъ,—небрежно отвѣчалъ сэръ Генри.

— Помилуйте, это неслыханная, невиданная наглость, глумленіе надъ закономъ естественнымъ и Божескимъ,—воскликнулъ третій собесѣдникъ, вообще мало принимавшій участія въ разговорѣ.

— Очень можетъ быть,—возразилъ сэръ Генри,—что вы и правы, сэръ, но у каждаго изъ насъ есть столько собственныхъ неотложныхъ дѣлъ, что у меня, право, времени нѣтъ слѣдить за нахальствомъ репортеровъ, старающихся сдѣлать изъ мухи слона.

— Те-те-те-те, тутъ что-то такое да не ладно,—произнесъ Фроловъ, не отрывая уха отъ телефона. Ему уже становилось понятно теперь какое-то стремленіе сэра Генри къ какому-то наслѣдству, и что какія-то препятствія возникаютъ въ лицѣ какой-то Мэри Бриджуатеръ.

Онъ осторожно, чтобы не забыть, записалъ собственныя имена на клочкѣ бумаги и продолжалъ свои телефонныя наблюденія.

На этотъ разъ они ничего интереснаго не представляли. Слуги внесли роскошно сервированный столъ съ ужиномъ и лязгъ вилокъ и ножей скоро далъ понять, что гости дѣлаютъ честь тонкому вкусу хозяина.

Ждать болѣе интересныхъ откровеній теперь, когда англичане усѣлись за трапезу, было бы болѣе чѣмъ наивно; англичанинъ не говоритъ во время обѣда или ужина. Это для него минута священнодѣйствія. Такъ понялъ это и Фроловъ. Вдругъ ему показалось, что отъ входныхъ дверей, ведущихъ въ анпартаменты сэра Генри, послышались странные звуки: кто-то силою хотѣлъ войти, кого-то слуги силою не пускали. Сэръ Генри, извиняясь передъ гостями, пошелъ узнать причину этого шума и черезъ минуту возвратился. Но въ тотъ моментъ, когда дверь въ корридоръ была отворена, Фролову показалось, что онъ узналъ голосъ Момлея; это такъ его поразило, что онъ, бросивъ телефонъ, наскоро накинулъ на себя свой макфеландъ и нахлобучивъ шпанку, быстро вышелъ въ корридоръ.

Онъ не ошибся. Служъ не обманулъ его, непрошенный посѣтитель, нарушившій покой адвокатской трапезы, былъ тотъ самый Яковъ Момлей, найти котораго въ Лондонѣ Фроловъ поставилъ себя главной задачей.

— Двѣ встрѣчи въ одинъ день, да какія, ужъ не жирно ли будетъ, Фролушка! — пробурчалъ себя въ бороду Фроловъ, и, словно нарочно, вышелъ изъ швейцарской и направился вслѣдъ за Мамлеемъ, оставляя между имъ и собой не болѣе пяти-шести шаговъ разстоянія.

Они шли вдоль полупустынныхъ, но ярко освѣщенныхъ улицъ города и врядъ ли Момлей, шедшій впереди, соображалъ куда онъ идетъ.

Они вышли такимъ образомъ на Лейсестеръ-скверъ. Здѣсь было гораздо больше движенія. Открытыя двери (ярко освѣщенныхъ портерныхъ, „олей“, и другихъ мѣстъ значныхъ манили къ себѣ проходящихъ).

Толпы намазанныхъ, разряженныхъ въ лохмотья, съ претензіей на моду женщинъ извѣстной категоріи, переполняли тротуары и частью двигались по мостовой.

Не обращая вниманія ни на одно изъ этихъ несчастныхъ созданий, Момлей свободно вошелъ въ одинъ изъ этихъ пріютовъ и занялъ столъ. Въ ту же минуту Фроловъ, играя свою роль до конца, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ подвинулъ себѣ стулъ къ тому же столу и грузно опустился на него.

— Фроловъ! Какими судьбами здѣсь? — послышалось восклицаніе Момлея.—Вотъ кого никакъ не ожидалъ встрѣтить, какъ я радъ!

— Я за тобой слѣжу съ четверть часа, съ тѣхъ поръ, какъ твой пресловутый красавчикъ сэръ Генри чуть не съ лѣстницы тебя спустилъ лакеями.

Момлей вспыхнулъ.

— У него тамъ какія-то судейскія вороны наслѣдство по косточкамъ расщипываютъ и нашему брату при этомъ быть не слѣдуетъ. Да постой, постой, я все на тебя смотрю, какъ это тебѣ удалось попасть сюда изъ Санъ-Франциско?

— Объ этомъ расскажу когданибудь послѣ, а теперь скажи, есть у тебя отдѣльная комната?

— Цѣлыхъ три и отдѣльный входъ!—воскликнулъ Момлей.—Я и хотѣлъ предложить купить бутылку другую виски и распить ихъ дома.

— Идемъ,—согласился Фроловъ,—я не люблю говорить при свидѣтеляхъ.

Они вышли.

XVIII.

На ловца и звѣрь бѣжитъ.

Нанявъ кабъ, они быстро покатали по направленію къ Пикадилли, гдѣ, какъ уже знаетъ читатель, сэрмъ Генри была нанята очень комфортабельная квартирка со столomъ.

Хозяева квартиры, видя постоянно аккуратное возвращеніе Момлея за ѣдой и на ночь, разумѣется, были чрезвычайно далеки отъ мысли, что ихъ спокойный квартирантъ одно лицо съ кровавымъ Джекомъ, о которомъ, вотъ уже три дня, какъ говорятъ весь Лондонъ.

Войдя въ комнату вслѣдъ за хозяиномъ, въ то время пока тотъ зажигалъ лампу и канделябры, Фроловъ съ мѣткимъ взглядомъ опытнаго сыщика осмотрѣлъ всю комнату, но не замѣтилъ ничего, могущаго возбудить подозрѣніе.

— Вотъ и мое обиталище, — сказалъ Момлей, и поднявъ съ камина канделябръ, пошелъ въ другую комнату. Фроловъ за нимъ послѣдовалъ.

Вторая комната была маленькая спальня, прибранная съ аккуратностью; но что тотчасъ же обратило вниманіе Фролова, было—большой медицинскій ножъ-скальпель, лежавшій на столикѣ около изголовья кровати.

— Что это, за старое ремесло братья хочешь? Похвально, только врядъ у тебя здѣсь будетъ практика, да и ножъ-то какой, ой, ой, ой! Махина, имъ можно какого хочешь быка на четыре части разрѣзать.

Съ этими словами Фроловъ раскрылъ ножъ и сталъ любоваться его блескомъ при свѣтѣ горящихъ свѣчей.

Казалось и у Момлея, при видѣ ярко блестящей полосы стали, глаза засверкали звѣрскимъ огнемъ и судорожная дрожь пробѣжала по всему существу.

— Только такія вещи надо держать аккуратно. Смотри, вотъ тутъ еще кровь не смыта.

— Какая кровь, гдѣ кровь?—съ какимъ-то полудѣтскимъ испугомъ заговорилъ Момлей, и Фроловъ показалъ ему буроватую полуску, какъ разъ у шарнеровъ сгиба.

Момлей выхватилъ ножъ изъ рукъ собесѣдника и неестественно торопливо сталъ оттирать предательскую полосу.

— Да постой,—вдругъ заговорилъ Фроловъ, у котораго при видѣ нервной торопливости Момлея родилось подозрѣніе:—откуда у тебя этотъ ножъ? Въ Америкѣ его у тебя не было. Дорогой кунилъ или здѣсь приобрѣлъ?—Но Момлей ничего не отвѣчалъ. Глаза его, устремленные въ одну точку, показывали, что онъ сосредоточилъ все свое вниманіе, чтобы вспомнить гдѣ и когда онъ приобрѣлъ этотъ инструментъ.

— Нѣтъ, что хочешь, отвѣчать не могу. Однажды, возвращаясь домой, я нашелъ его въ своемъ карманѣ и въ этомъ футлярѣ.

— Давно тому назадъ?

— Сегодня пятый день. Вотъ все, что я знаю о происхожденіи этого ножа.

Фроловъ не настаивалъ болѣе. Бесѣда пошла самая обыденная, и оба пріятеля, попивая ароматный чай съ ромомъ, покойно сидѣли одинъ противъ другого на мягкомъ роскошномъ диванѣ.

Но Фролову было мало свѣдѣній, добытыхъ отъ Момлея. Онъ рѣшился. Вспомнивъ свою сверхъестественную власть надъ нимъ, онъ вдругъ, среди самаго обыкновеннаго разговора, устремилъ взглядъ своихъ черныхъ блестящихъ глазъ прямо въ глаза Момлея.

— Спи!!—рѣзко и повелительно крикнулъ онъ, и Момлей, не

сдѣлавъ даже ни одного движенія, не испустивъ стога, тихо склонился въ уголъ дивана.

— Будешь ли ты мнѣ отвѣчать на вопросы?

— Буду,—чуть прошептали блѣдныя губы Момлея.

— Кто далъ тебѣ этотъ ножъ?

— Сэръ Генри,—прошепталъ Момлей.

— Съ какой цѣлью?

— Чтобы я имъ разрѣзалъ на части и вырѣзалъ сердце у женщины.

— А какъ звали эту женщину?—торопливо спросилъ Фроловъ.

— Мэри Бриджуатеръ.

Теперь все было вполне понятно для Фролова. Онъ не хотѣлъ болѣе злоупотреблять здоровьемъ своего пріятеля и нѣсколько разъ сильно дунулъ ему въ глаза.

Момлей вздрогнулъ, открылъ глаза, какъ послѣ мгновенно налетѣвшей сонливости, и продолжалъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, начатый обыкновенный разговоръ.

Онъ былъ очень далекъ отъ мысли, что только нѣсколько секундъ назадъ выдалъ и свою тайну, и тайну сэра Генри постороннему.

Пробывъ еще для вѣжливости съ полчаса у Момлея, Фроловъ распростился и вернулся къ себѣ въ гостиницу.

То, что ему удалось собрать въ одинъ день, было поистинѣ громадно. Онъ зналъ, напрямъръ, положительно, что сэръ Генри намѣревался жениться на богатой наслѣдницѣ, которую ждуть изъ Индіи, и что права этой наслѣдницы являлись вполне законными только съ того момента, когда онъ подалъ юристамъ разысканную съ трудомъ метрическую книгу.

Къ этому наслѣдству была еще наслѣдница—Мэри Бриджуатеръ. Теперь, изъ послѣднихъ отвѣтовъ Момлея, данныхъ подъ гипнозомъ, было видно, что сэръ Генри предохранилъ себя и съ этой стороны. Мэри Бриджуатеръ была убита и разрѣзана на части безсознательно Момлеемъ. Планъ былъ задуманъ широко и ловко и долженъ былъ, въ концѣ концовъ, привести къ блестящему финалу.

— Ну, это, братъ, шутишь, губа жирна... Половину. А коль не хочешь подѣлиться, такъ гроша не получишь, да еще въ Ноу-Гетъ попадешь, здѣсь такими дѣлами шутить не любятъ.

Съ этими радужными мыслями въ головѣ Фроловъ заснулъ и ему такъ ясно, отчетливо представлялся всю ночь грандіозный планъ цапнуть миллионный кушъ, не снимая для этого даже перчатокъ.

Давъ время сэру Генри уйти по своимъ дѣламъ и прислугѣ окончить уборку его комнатъ, онъ тотчасъ, по ея удаленіи, принялся за новую весьма сложную работу.

Онъ со знаніемъ дѣла и съ цѣлой сотней ключей и отмычекъ, провозившись нѣсколько минутъ, отперъ дверь къ сосѣду.

Джекъ—таинственный убійца.

— Ну, теперь дорога терная, приятная встреча,—с улыбкой проговорил он, и прикнул дверь.

XIX.

Еще преступление.

Время летело быстро. До дня, назначенного судом для представления ему законных наследников, оставалось не больше двух недель.

Все шло шито, гладко, как по маслу. Надо было только заботиться, чтобы не дать повернуться подозрению в его сторону.

— У сэра Генри для этого был задуман блистательный план и он только ждал мгновения, когда получить телеграмму о выезде мисс Еллен и мистрисс Мальбро из Бомбея.

Как уже помнят читатели, он дал слово встретить свою невесту в Порт-Санди.

Каждый день, рано утром, он уходил из дома и возвращался только к 5 часам.

Это он, как и в первый раз, готовил для Момлея таинственный приют, где бы он мог, в полной безопасности, совершить снова свое ужасное дело.

Письма были приготовлены и положены на камин; нож, отточенный, громадный нож, виднелся тут же рядом. Оставалось только завлечь к себе одну из ночных фей и через несколько минут вышвырнуть ее на улицу в мшк, в вид безобразной кровавой массы костей и мяса.

Наконец, давножданная телеграмма была получена.

Накануне своего выезда на Бриндизи и Порт-Санди, сэр Генри провел целый вечер у Момлея.

Никогда он не был так обворожительно весел. Шутить, смеяться, зашел с ним вместе в одну из тиверн, где прислуживают женщины, и начал очень прозрачно намекать, что человеку одному жить не годится.

Момлей, в последнее время превратившийся в какого-то маниака, возразил, что семейство, в котором он теперь живет и столуется, настолько чопорно, что ему сейчас же откажут от квартиры.

— Кто же говорит про вашу квартиру? — возразил сэр Генри. — Я английские обычаи знаю и потому принял свои меры. У меня, отсюда в несколько шагов, есть прелестное гнёздышко, можете им воспользоваться, если пожелаете.

— И в самом деле близко? Ну, не ожидал я от вас, сэр Генри! — и он опять засмеялся смехом, в котором слышались те же бессмысленные звуки.

— Да это лучше всего проверить на деле, — сказал сэр Генри, и вышел вместе с товарищем на улицу.

Действительно, в какойнибудь сотне шагов, от яркоосвещенной таверны, спрятанный в глубине узкого, но весьма чистого переулка, стоял невысокий домик-особнячек.

Сэр Генри, шедший впереди, привычной рукой вложил ключ в замочную скважину. Он зажег восковую свечку и перед изумленным Момлеем появились две кокетливо убранные комнаты.

— Ну, надюсь, — сказал сэр Генри, закуривая сигару и бросаясь в мягкое кресло, — что никто бы не отказался от такого гнёздышка.

— И вы мне, мне предлагаете это?

— Да, разумеется! Куда же мне с ней возиться! — проговорил сэр Генри. — Я ужасаю сегодня в ночь, через десять дней моя невеста будет здесь, я все равно должен был бы от нее отказаться. Можете воспользоваться ею, даже хоть с сегодняшнего вечера.

Момлей стал разсыпаться в благодарности, но сэр Генри как-то резко взглянул ему прямо в глаза и повелительное „спи“ послышалось в воздухе.

Момлей, давно уже потерявший всякую свободу действий в присутствии сэра Генри, затрясся всем телом и затм как бы застыл неподвижно.

— Ты меня слышишь? — послышался резкий скорый приказ, чем вопрос магнетизера, и Момлей прошептал: „слышу“.

— Ты пригласишь сюда сегодня ночью одну из падших женщин. Ты убьешь ее уколом булавы в ухо вот этой жидкостью, — он указал на крошечный флакончик, стоявший на камин, из горлышка которого выглядывала длинная тонкая булава. — Потом ты дашь пройти час времени, отрубишь ей руки, ноги, голову, вынешь, как в первый раз, сердце и спрячешь ее в мшок. Ровно в пять часов ночи, ты вынесешь этот мшок на улицу и, повернув вокруг остатков древней постройки, сложишь его в самый темный угол развалин.

— Ты меня понял, — усиленно резко произнес сэр Генри, — и исполнишь, как я приказал?

— Понял и исполню, — прошептал Момлей с видимым усилением.

— Потом, вычистив и убрав квартиру, ты возьмешь вот эти три письма, — он показал на письма, лежавшие на камин, — ты бросишь их в почтовый ящик и забудешь все, что здесь происходило, и даже адрес этой квартиры. Забудешь! — крикнул он резко.

— А теперь, — он сильно дунул ему в лицо, — пойдем вместе.

Момлей очнулся так же просто и покойно, как будто открыл спящие глаза, словно он будто никогда и не засыпал и продолжал начатый разговор.

Теперь сэръ Генри могъ ѣхать спокойно. Заряженное кровавымъ, жестокимъ приказаніемъ, существо Момлея осталось въ Лондонѣ покорнымъ исполнителемъ эго предначертаній, а благородный сэръ Генри могъ въ это время мчаться „съ индѣйскимъ экспрессомъ“ на встрѣчу къ своей обожаемой невѣстѣ.

Пріятели вышли на улицу. Сэръ Генри пробылъ теперь вмѣстѣ съ Момлеемъ всего нѣсколько минутъ и, замѣтивъ его очень откровенное ухаживаніе за одной изъ „гэбъ“ портерной, которая отвѣчала ему поощрительно, счелъ за лучшее удалиться.

Взглянувъ на часы и увидѣвъ, что до отхода поѣзда остается безъ малаго три четверти часа, онъ наскоро простился съ Момлеемъ и черезъ минуту мчался въ кабъ къ своему отелю.

Но Момлей все еще затруднялся въ выборѣ женщины. Наконецъ, онъ всталъ и широкимъ движеніемъ вышелъ на улицу. Но видно преступленіе должно было быть совершено. Не успѣлъ онъ дойти до угла улицы, какъ на него съ бойкимъ хохотомъ налетѣла одна изъ представительницъ самаго циничнаго разврата. Она схватила его за руку и потащила за собой.

XX.

Безмолвная жертва.

На другой и третій день Лондонъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о двухъ новыхъ убійствахъ, совершенныхъ тѣмъ же таинственнымъ Джекомъ. Имя это, разнесенное немедленно всѣми газетами, съ присовокупленіемъ всевозможныхъ прибавленій, загадокъ и разсужденій, сдѣлалось вдругъ популярнымъ и сосредоточило на себѣ общее вниманіе. Мало того, вся европейская печать, а за ней и все европейское общество со страстнымъ любопытствомъ занялось этимъ страннымъ таинственнымъ лицомъ, которое, словно для своего удовольствія, убивало нищихъ проститутокъ и при томъ совершенно специальнымъ способомъ. Вся лондонская полиція поднялась на него, но исканія ея были тщетны.

Что новыя два убійства совершены тѣмъ же Джекомъ—было несомнѣнно. Жертвы были проститутки низшаго разряда, приѣмы преступления были тѣ же: послѣ смерти были отрѣзаны руки и ноги, вспоротъ животъ и вынута сердце; наконецъ, послѣ каждаго убійства въ полицейскомъ управленіи получалось по почтѣ законическое сообщеніе: „Ищите тамъ-то. Джекъ“.

Прошло еще нѣсколько дней; общее возбужденіе и тревога не успѣли еще улежаться, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о новомъ по числу уже четвертомъ—убійствѣ, совершенномъ все тѣмъ же Джекомъ. Все лондонское населеніе было охвачено чутьли не паническимъ страхомъ и съ лихорадочнымъ жаромъ вскры-

вало ежедневно утренія газеты, ожидая раскрытія страшнаго злодѣя или извѣстій о новыхъ его подвигахъ. Одинъ только человѣкъ во всемъ Лондонѣ оставался равнодушнымъ къ этой лондонской злобѣ дня—Момлей, превратившійся за послѣдніе дни въ какого-то безстрастнаго автомата. Онъ вставалъ въ 8 часовъ утра, просиживалъ до вечера въ своей комнатѣ, совсѣмъ не интересуясь тѣмъ, что писалось въ газетахъ. Наскоро пообѣдавъ, онъ уходилъ гулять и возвращался аккуратно къ полуночи домой. Хозяева его не могли нахвалиться своимъ молчаливымъ, скромнымъ и методическимъ постояльцемъ, образъ жизни коего былъ заведенъ какъ часы.

Такъ прошло семь дней. Сэръ Генри, выѣхавшій въ Портъ-Саидъ къ своей невѣстѣ, встрѣтился съ нею и съ мистриссъ Мальбро въ Бриндизи. Миссъ Елленъ и ея текушка спѣшили въ Лондонъ и, воспользовавшись отходящимъ пароходомъ, ускорили свой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Сэръ Генри чрезвычайно обрадовался неожиданной встрѣчѣ съ своей невѣстой. Не взирая на свою ужасную демоническую натуру, онъ чувствовалъ къ молодой красавицѣ Елленъ сильное, глубокое чувство. Изнывая у ногъ ея въ страстныхъ порывахъ, строя съ ней радужные планы будущаго, онъ словно воскресалъ къ иной, лучшей жизни и съ отвращеніемъ и ужасомъ оглядывался на свое прошлое. Чудесная, лучезарная, любящая дѣвушка произвела своей непорочной чистотой и ослѣпительной прелестью это, въ полномъ смыслѣ слова, чудо.

— Скорѣй бы въ Лондонъ,—сказала нетерпѣливая мистриссъ Мальбро, успѣвшая сильно соскучиться по своему родному „Странду“ и „Пикадилли“.

Сэръ Генри, совершенно влюбленный, самъ только помышлялъ о томъ, чтобы ускорить свадьбу, и поэтому отъѣздъ былъ рѣшенъ немедленно. Въ тотъ же день тетушка съ красавицей племянницей и сэръ Генри отправились по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, сэръ Генри остановился въ той же гостинницѣ, гдѣ прежде жилъ, такъ какъ взятый имъ номеръ онъ оставилъ за собой, на время своего отсутствія. Невѣста съ тетушкой поселились тутъ же, въ сосѣднемъ номерѣ, причемъ для удобства между обоими апартаментами было открыто сообщеніе.

Сэръ Генри прибылъ въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ. Около десятаго часа вечера, Фроль Фроловъ, продолжавшій занимать сосѣдній номеръ въ гостинницѣ и благодушно расположившійся къ вечернему успокоенію, внезапно насторожилъ уши: въ номерѣ сэра Генри, семь дней совершенно безмолвномъ, вдругъ раздались тяжелые шаги, стукъ передвигаемыхъ предметовъ. Очевидно, въ пустовавшемъ номерѣ снова проявлялась жизнь.

— Не онъ-ли, голубчикъ, уже вернулся?—подумалъ Фроль и.

быстро одѣвшись, присѣлъ къ устроенному имъ „телефону“. Нѣсколько минутъ было ему достаточно, чтобы убѣдиться, что въ номеръ вернулся никто другой, какъ сэръ Генри.

— Ну и прекрасно,—проговорилъ про себя каторжникъ,—добро пожаловать, а то мы тутъ по васъ соскучились, другъ милый. Послушаемъ, что скажете новаго и хорошаго.

Едва онъ успѣлъ вымолвить послѣднія слова, какъ дѣйствительно, благодаря устроенному имъ „телефону“, до слуха его долетѣло нѣчто „новое и хорошее“.

— Сэръ Генри,—раздался женскій голосъ (то говорила мистриссъ Мальбро),—въ нашемъ номерѣ ни у одного шкафа нѣтъ порядочнаго замка, такъ что я совсѣмъ не знаю, куда мнѣ спрятать деньги и бумаги.

— Да вотъ вамъ мой столъ, мистриссъ. Тутъ будетъ вѣрно и спокойно. Замокъ мой собственный, надежный,—раздался голосъ сэра Генри.

— Ну и прекрасно, а то вѣдь подумайте: три тысячи фунтовъ безымянными обыкновенными билетами кого не соблазнять.

Фролка такъ и замеръ, услышавъ такую сумму.

— Дѣйствительно, матушка, соблазнять. Какъ не соблазниться!—проговорилъ онъ сквозь зубы, облизнувшись даже отъ удовольствія.

Онъ выждалъ еще нѣсколько минутъ, пока по звуку могъ заключить, что ящикъ стола былъ открытъ, въ него вложены деньги и затѣмъ снова закрытъ. Когда въ послѣдній разъ щелкнулъ замокъ и голоса удалились, Фролъ быстро всталъ и въ глубокомъ раздумьѣ сталъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ это такъ дѣло!—бормоталъ онъ.—Три тысячи фунтовъ, чуть ли не тридцать тысячъ рублей безымянными билетами! Это вотъ дѣло, это кушъ! Игра стоитъ свѣтъ!.. Да только вѣдь оно сегодня хорошо, а что завтра будетъ, то неизвѣстно... Кто поручится, что завтра же эта англійская карга не вынетъ своихъ денежекъ изъ ящика и не спрячетъ ихъ въ другомъ мѣстѣ?.. А тутъ, почитай, послѣднія монетки на исходѣ!.. Нѣтъ, братъ Фролушка, далось счастье, такъ сумѣй его во время забрать въ ручку. Два раза такая штука не выпадаетъ на долю! Куй желѣзо пока горячо. Сегодняшнюю ночь, благо она наша, а то, почитай, пропало.

Каторжникъ продолжалъ шагать по комнатѣ, обдумывая созрѣвающій въ его преступной головѣ планъ новаго преступления. Вдругъ онъ остановился, будто озаренный внезапною мыслью. Его взоръ случайно упалъ на визитную карточку Момлея, который зашелъ днемъ къ Фролову, не заставъ его дома.

— Да вотъ онъ и весь планъ готовъ!—проговорилъ Фроловъ послѣ минуты задумчиваго молчанія.—Есть баранъ, руками котораго можно жаръ загребать, такъ чего же тутъ еще!.. Идемъ, Фролушка, къ Момлею, онъ насъ выручитъ.

Черезъ полчаса Фролъ сидѣлъ уже съ Момлеемъ въ квар-

тирѣ послѣдняго и распивалъ спокойно чай съ ромомъ съ самымъ благодушнымъ видомъ. Момлей былъ боленъ и вотъ уже третій день не выходилъ изъ дому. На предложеніе Фролова пройтись по улицѣ „для прогулки“, Момлей отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Постой-ка, любезный, увидимъ, какъ ты меня посмѣешь не послушаться въ томъ видѣ,—подумалъ Фролъ, котораго планы это неожиданное нездоровье Момлея совершенно разстраивало. Каторжникъ, выждавъ нѣсколько минутъ, вдругъ пристально уставился своими черными глазами на Момлея и повелительно проговорилъ: „спи“.

Несчастный немедленно повиновался.

— Пойдемъ ко мнѣ въ гостиницу,—проговорилъ повелительно Фроловъ.

— Пойдемъ,—прошепталъ упавшимъ голосомъ Момлей.

Черезъ нѣсколько минутъ оба, повелитель и безмолвная жертва, уже поднимались по лѣстницѣ гостиницы.

XXI.

Злодѣйскій планъ.

Злодѣйскій планъ уже вполне созрѣлъ въ умѣ Фролова. Впустивъ въ свой номеръ Момлея, который автоматически занимъ слѣдовалъ, каторжникъ заперъ дверь на замокъ, досталъ изъ кармана спички и зажегъ всѣ свѣчи въ двухъ большихъ канделябрахъ, стоявшихъ на столѣ.

Комната ярко освѣтилась. Тогда, выждавъ еще минуты три, Фролъ сталъ между зажженными канделябрами. Его лицо, сильно освѣщенное свѣтомъ, ярко выдѣлялось на темномъ фонѣ густой драпировки, повѣшенной надъ дверью. Взоръ своихъ черныхъ глазъ онъ устремилъ пристально на Момлея, стоявшаго съ какимъ-то растеряннымъ видомъ по другую сторону стола. Подъ этимъ гнетущимъ, упорнымъ взоромъ несчастный, смотрѣвшій безстрастно куда-то въ сторону, вдругъ задрожалъ и мало-по-малу, словно уступая высшей силѣ, сталъ поворачиваться къ Фролову. Глаза его, тревожно блуждавшіе, какъ бы отыскивая гдѣ-нибудь опоры отъ страшнаго ненавистнаго навожденія, наконецъ, встрѣтились съ взоромъ Фролова. Въ глазахъ бѣдныя появились на мгновенье какая-то искорка, но затѣмъ все существо его какъ-то скрючилось, съежилось и замерло.

— Слушай и повинуйся!—произнесъ отрывисто и повелительно Фролъ, не спускавшій взора съ своей жертвы.

— Приказывай, слушаю,—проговорилъ едва слышно Момлей и безграничная покорность чувствовалась въ каждомъ словѣ и во всемъ его существѣ.

— Я тебя поведу къ двери и открою эту дверь. Передъ тобою будетъ темная большая комната. Направо отъ двери, всего въ двухъ шагахъ, ты найдешь кровать, на которой будетъ спать человѣческое существо. Ты подойдешь беззвучно къ этому существу и перерѣжешь ему сразу горло вотъ этимъ ножомъ... Понялъ?

При этихъ словахъ Фроль, не спуская глазъ съ Момлея, вынулъ изъ за пазухи большой ножъ, превосходно отполированное лезвіе котораго сверкнуло при яркомъ свѣтѣ свѣтъ.

— Понялъ?—повторилъ каторжникъ повелительнымъ голосомъ.

— Понялъ... но... не могу,—прошепталъ замирая несчастный.

— Отчего не можешь? Отвѣчай сейчасъ, отчего не можешь?—произнесъ еще рѣзче и повелительнѣе Фроль.—Ты лжешь, ты можешь... Можешь, потому что я этого хочу.

— Не могу... Воля твоя, не могу.

— А почему же ты могъ сдѣлать это самое и въ Петербургѣ, и здѣсь еще нѣсколько дней назадъ? Почему же ты могъ убить Мэри Бриджватеръ, почему же ты могъ убить Кетти Грусъ, почему же ты могъ убить Минни Фолькъ, почему же ты могъ убить Анну Лекъ?.. Ты не смѣешь меня ослушаться. Понялъ?

— Понялъ, но я ихъ не убилъ, я только искалъ змѣю у нихъ подъ сердцемъ,—отвѣтилъ безстрастно и убѣжденно Момлей.

— А теперь я развѣ у тебя иного требую?—отрѣзалъ рѣзко Фроль съ дьявольской усмѣшкой.

— Змѣю?—прошепталъ вопросительно Момлей.

— Да, змѣю подъ сердцемъ. Понялъ?

— У женщины?

— Да, у женщины.

— Веди меня къ ней. Это я могу, это я исполню,—проговорилъ едва слышно, но твердо и спокойно Момлей, не отрывая своихъ помутившихся главъ отъ блестящаго взора Фролки.

— Спи и дожидайся,—произнесъ повелительно каторжникъ, и подойдя быстро къ качавшемуся уже на ногахъ Момлею, подхватилъ его и подвелъ къ дивану, на который несчастный грузно упалъ.

Злодѣйскій планъ Фролки былъ таковъ: Успѣвъ ознакомиться въполнѣ съ расположеніемъ номера сэра Генри, онъ сознавалъ, что пробраться къ письменному столу ночью, не разбудивъ спящаго у самой двери сэра Генри, было немислимо. Поэтому, прежде всего требовалось покончить съ сѣромъ Генри, и потомъ уже можно было заняться деньгами. Убіиство челоѣка конечно не ужасало закоренѣлаго злодѣя, совершившаго уже столько преступленій, но его тревожила возможность отвѣтственности въ случаѣ неудачи. Онъ зналъ, что въ Англіи ему предстояла за убійство не каторга, а смертная казнь. Поэтому онъ нашелъ гораздо болѣе удобнымъ пустить вмѣсто себя въ дѣло „барана“ Момлея. Деньги располагалъ забрать тотчасъ же, и затѣмъ, оставивъ на мѣстѣ преступленія на произволъ судьбы за-гипнотизированнаго Момлея, самому исчезнуть изъ Лондона и

Англіи, превратившись изъ богатаго американца, за какого онъ себя выдавалъ, въ русскаго якобы политическаго эмигранта. Что Момлей приметъ спящаго сэра Генри за женщину, Фролка даже не сомнѣвался, до того онъ былъ увѣренъ въ знакомой ему силѣ гипнотическаго внушенія; онъ зналъ по опыту, что за-гипнотизированный не имѣетъ собственной силы воли и разума, но видитъ и думаетъ глазами и головой своего внушителя.

— Пока они завтра будутъ тутъ между собою разбираться, я буду уже далеко,—подумалъ Фроль, бросивъ взглядъ на спящаго Момлея.—Поѣздъ въ Дувръ отходитъ поздно ночью, во второмъ часу, такъ что я еще успѣю сегодня же уѣхать, а завтра утромъ, надо полагать такъ часовъ въ 9 утра, когда тутъ откроется комедія, я уже благополучно буду на пароходѣ плыть въ Калѣ... И поминай какъ звали!.. Теперь двѣнадцать часовъ,—прибавилъ онъ, взглянувъ на часы,—времени достаточно еще имѣется, не терять его попусту не слѣдъ.

Онъ быстро пошелъ къ задѣланной двери, ведущей въ номеръ сэра Генри. Мы уже знаемъ, что онъ давно справился съ нею и неоднократно входилъ черезъ нее въ пустовавшій номеръ. Онъ прислушался къ „телефону“. Мертвое молчаніе въ номерѣ.

Затаивъ дыханіе, Фролка выждалъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ, онъ быстро снялъ свои ботинки и въ чулкахъ беззвучно зашагалъ по направленію къ Момлею, который продолжалъ спать на диванѣ.

— Встань!—произнесъ онъ, сдѣлавъ надъ несчастнымъ нѣсколько пассовъ руками.

Момлей поднялся немедленно на ноги, покорно глядя злодѣю въ очи.

— Возьми!—приказалъ Фролка, подавая за-гипнотизированному ножъ.

Момлей взялъ ножъ и сталъ автоматически гладить по яркому лезвію лѣвой рукою.

— Ты знаешь, что тебѣ надо сдѣлать? Скажи, что надо сдѣлать?—спросилъ повелительно, но вполголоса Фроль.

— Надо у женщины змѣю подъ сердцемъ добыть.

— Гдѣ эта женщина?

— Въ этой комнатѣ, куда ведетъ эта дверь.

— Гдѣ женщина тамъ находится?..

— На постели, вправо отъ дверей, въ двухъ шагахъ,—отвѣтилъ твердо и совершенно спокойно Момлей, продолжая гладить лезвіе ножа.

— Ну, такъ ступай теперь и добудь змѣю,—скомандовалъ Фроль.

Онъ подошелъ къ двери, повернулъ ключъ въ замкѣ и съ большимъ мастерствомъ открылъ ее совершенно беззвучно.

Момлей, той же автоматичной походкой, какъ лунатикъ спокойнымъ и увѣреннымъ шагомъ подошелъ къ двери, продолжая гладить лѣвою рукою сверкавшій въ его рукахъ ножъ.

Изъ отверстія отворенной настежь двери глядѣла совершенная тьма. Фролка высунулъ голову за косякъ и еще разъ прильнулъ ухомъ, затаивъ дыханіе. Среди полной тишины онъ услышалъ едва слышно долетавшее до него изъ мрака тихое, спокойное, ровное дыханіе.

— Спать хорошо,—подумалъ онъ, успокаиваясь, и тронувъ стоявшаго возлѣ Момлея,—сказалъ ему на ухо: иди.

Загипнотизированный вошелъ и исчезъ во мракѣ. Фролка остался у косяка дверей, тревожно прислушиваясь.

Прошло минуты три, показавшіяся Фролкѣ очень долгими, затѣмъ изъ мрака глухо послышался кокой-то неопредѣленный шумъ, раздался подавленный неясный возгласъ, опять матовый звукъ и затѣмъ глухое хрипѣніе...

Заключивъ, что злодѣяніе совершилось, Фролка, сохранившій все свое присутствіе духа, окончательно успокоился, и схвативъ со стола находившійся подъ рукою коробокъ со спичками, вошелъ въ свою очередь въ темную комнату и прямо направился къ письменному столу, не заботясь болѣе о Момлѣ.

Подобравшимъ, на всякій случай, уже гораздо раньше ключемъ онъ отперъ ящикъ и зажегъ спичку. Глазамъ его при мерцающемъ свѣтѣ представился довольно большой кожаный портфель. Болѣе ничего въ ящикѣ не было. Забравъ быстро и портфель, и связку, Фроловъ бросился въ свой номеръ.

— Теперь времени терять нечего, всякая минута дорога,—мелькнуло въ его умѣ.

Онъ быстро заперъ на замокъ дверь, заперевъ Момлея въ номеръ его жертвы, на-скоро напялилъ ботинки, одѣлъ верхнее платье, забралъ маленькій чемоданчикъ, въ которомъ находились лишь самые необходимые предметы и бумаги, и спокойнымъ шагомъ вышелъ изъ гостиницы.

XX.

Смерть злодѣевъ.

Выйдя изъ гостиницы, Фроловъ кликнулъ первый попавшійся ему кабъ и приказалъ вести себя на желѣзнодорожный вокзалъ „Викторія“, отъ котораго отходилъ дувскій поѣздъ. Извозчикъ, какъ нарочно, попался отвратительный, да еще притомъ на пути съ кѣбомъ случилась поломка, такъ что Фролову пришлось пересѣсть въ другой экипажъ. Все это потребовало не мало времени, такъ что подѣхавъ къ вокзалу, озадаченный Фроловъ уже не засталъ ночнаго поѣзда, а только услышалъ, въ видѣ утѣшенія, продолжительный ствистокъ удалявшихся вагоновъ.

Злодѣй однако не особенно смутился этою неожиданною неудачею. Сильно ругнувшись сгоряча, онъ затѣмъ повелъ самъ съ собою такое разсужденіе:

— Что же тутъ, впрочемъ, такого спѣшнаго? Завтрашній день не за горами, не убѣжить. Въ одиннадцать часовъ дня пойдетъ другой поѣздъ, а до тѣхъ поръ можно быть покойнымъ—ничего еще не выяснится... Да и что можетъ выясниться? Тамъ вѣдь теперь остались однѣ женщины, которыя меня и въ глаза не видали, да сумасшедшій Момлей, который ничего не можетъ сказать въ своемъ натуральномъ видѣ. Дверь я затворилъ на замокъ. Выйти ему некуда. Его тамъ и накроютъ какъ барана и на немъ и остановится все вниманіе первое время. Конечно, слѣдствіе потомъ доберется до настоящаго дѣла, но когда вѣдь это будетъ? Къ тому времени ты, Фролушка, ты успѣешь очутиться не то что въ Бельгій, а и въ самой Америкѣ, еслибы то было нужно... Но вѣдь оно не нужно: насъ вѣдь теперь никто не знаетъ, и мы тоже никого не знаемъ...

Переночевавъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ маленькомъ отелѣ по сосѣдству вокзала, злодѣй на другой день утромъ привелъ передъ зеркаломъ свою физиономію нѣсколько въ иной видъ, какъ онъ выразился на всякій случай. До того онъ внимательно ознакомился съ похищеннымъ портфелемъ и связкой билетовъ. Результатъ этого просмотра привелъ его въ восторгъ: въ портфель оказалось около восьмисотъ стерлинговъ, а въ связкѣ—три тысячи четыреста фунтовъ.

Время однако шло. Часы пробили половину одиннадцатаго.

Какъ онъ, однако, ни былъ увѣренъ пока въ своей безопасности, каторжникъ инстинктивно старался быть какъ можно менѣе на виду, и потому, взявъ билетъ перваго класса до Дувра, быстро прошель въ вагонъ и засѣлъ въ самый его дальній уголокъ.

Въ вагонѣ, кромѣ его, никого не было.

Раздался второй звонокъ. Вагонъ продолжалъ пустовать. Наконецъ послышался третій звонокъ, раздался свистъ...

— Ну, теперь поминай какъ звали!—воскликнулъ злодѣй и даже всталъ съ мѣста въ пріятномъ порывѣ чувства облегченія.

Всталъ, но тотчасъ-же словно замеръ на мѣстѣ и остался недвижимъ съ страшно выпученными глазами.

Передъ нимъ, въ дверяхъ вагона, стояла знакомая фигура сэра Генри, сэра Генри нѣсколько блѣднаго, но живаго, здороваго, стремительно вскочившаго въ вагонъ въ послѣднюю минуту!

Въ первый разъ въ своей темной жизни Фролка растерялся совершенно. Онъ стоялъ неподвижно, теряясь въ мысляхъ, не зная, что дѣлать, чувствуя впервые какую-то немощъ и безпомощность.

— Злодѣй!—закричалъ, очевидно узнавшій Фролку сэръ Генри, вперивъ въ каторжника взоръ, исполненный изумленія и ненависти.

Этотъ крикъ вывелъ Фролку изъ оцѣпенѣнія. Онъ очнулся, и первымъ инстинктивнымъ движеніемъ его было вспомнить о ножѣ и полѣзть за пазуху.

— Увы! Вѣрнаго его товарища, ножа, на этотъ разъ не было— онъ былъ забытъ въ суматохѣ отъѣзда!

— Злодѣи! убійца!—крикнулъ яростно сэръ Генри, бѣшенно бросаясь на каторжника.

Фролка, чувствуя себя обезоруженнымъ, не совсѣмъ, однако, растерялся; онъ вѣрилъ въ свою мускульную силу и былъ не изъ трусливыхъ. Онъ даже моментально сообразилъ цѣлый планъ дѣйствія: вышвырнуть силой или выманить хитростью сэра Генри на входную площадку и сбросить тамъ его подъ поѣздъ.

— Что ты отъ меня хочешь?—крикнулъ онъ, отбиваясь отъ бѣшеннаго натиска совершенно освирипѣвшаго сэра Генри.

— Тебя, мерзавецъ, надо! Твою шкуру поганую хочу!—хрипѣлъ неистово сэръ Генри, стараясь справиться съ дюжимъ каторжникомъ.

— Да что я вамъ сдѣлалъ?!—вернулъ, продолжая отбиваться, Фролка.

— Что ты сдѣлалъ? Не знаешь, разбойникъ. Ты убилъ мое сокровище, мою возлюбленную, мою невѣсту! Ты убилъ, ты, ты! Не тотъ несчастный, кого ты навелъ, а ты! ты! ты! Ты хотѣлъ меня убить и отнял у меня то, что мнѣ дороже жизни! Разбойникъ!—стоналъ и хрипѣлъ сэръ Генри, бѣшенно наваливая на Фролку.

Послѣдній, по этимъ отрывочнымъ, безсвязнымъ словамъ по-являлъ, почему передъ нимъ стоялъ сэръ Генри, котораго онъ считалъ съ увѣренностью уже убитымъ; вмѣсто сэра Генри Момлей зарѣзалъ спавшую на кровати жениха миссъ Елленъ! Видя и чувствуя, что дѣло плохо, что все узналось, Фролка рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ сѣромъ Генри. Для этого, увернувшись въ сторону, онъ сталъ пятиться къ выходу, продолжая лишь отбиваться отъ нападающаго.

Сэръ Генри, очевидно, не помнилъ себя отъ злости и ненависти. Онъ рычалъ, бился въ какомъ-то дикомъ изступленіи и ничего уже не соображая, сыпалъ ударами.

Нестройной, дикой массой оба злодѣя наконецъ очутились на внѣшней площадкѣ вагона — Фролка будто безпомощно отступая, сэръ Генри—словно впившись въ своего врага.

Сильный порывъ свѣжаго вѣтра дунулъ прямо въ лицо сэра Генри и на мгновеніе ошеломилъ его. Въ эту же минуту Фролка вдругъ рванулъ съ ужасною силою своего противника и страшнымъ ударомъ ноги столкнулъ его подъ колеса поѣзда, мчавшагося на всѣхъ парахъ. Сэръ Генри полетѣлъ внизъ, но все таки успѣлъ ухватиться за ногу Фролки, не ожидавшаго этого и потому не успѣвшаго взять точку опоры. Еще мгновеніе и оба злодѣя были подъ поѣздомъ...

Прошло нѣсколько секундъ, длинный поѣздъ шумно удалялся, а на мѣстѣ, гдѣ произошла рассказанная сцена, валялись на полотнѣ дороги два страшно обезображенныхъ человѣческихъ существа.

Ногъ ни у того, ни у другого изъ нихъ не видно — онѣ унесены колесами поѣзда, отрѣзавшими ихъ отъ туловищъ. Оста-

лись одни туловища, но эти оба туловища—ужасное дѣло!—еще жили и чувствовали, судя по страшному выраженію ихъ глазъ, помутившихся уже въ предсмертной агоніи.

Оба лежали рядомъ и глядѣли другъ на друга, глядѣли упорно и ненавистно, не имѣя силъ отвернуть взоровъ одинъ отъ другого.

— Умираю!—жалобно простоналъ сэръ Генри.

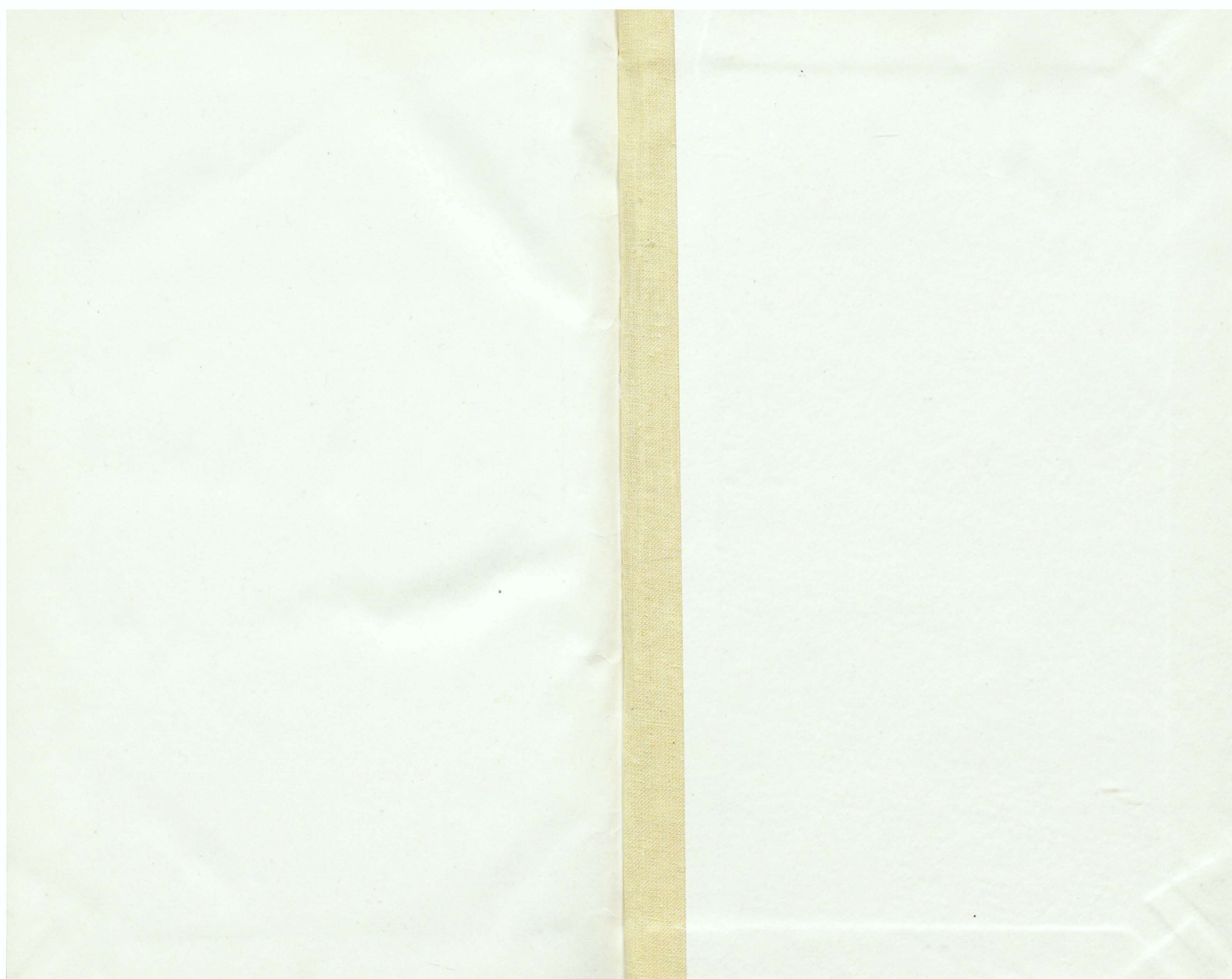
— Туда тебѣ и дорога, мерзавецъ!—прохрипѣлъ Фролка и, сдѣлавъ послѣднее нечеловѣческое усиліе, слабымъ взмахомъ руки ударилъ изыщнаго негодяя по щекѣ.

То было послѣднее жизненное напутствіе для умирающаго глубокаго преступника.

Два часа спустя, желѣзнодорожный сторожъ, подметая путь, нашелъ на полотнѣ дороги два мертвыхъ обезображенныхъ тѣла, лежавшія рядомъ.

К о н е ц ъ.

НОВАЯ НАША
•200,000•

1500225394